

НАДЕЖДА МИР

ОТРЕЧЬСЯ,
ЧТОБЫ
ВЕРНУТЬСЯ

Надежда Мир

Отречься, чтобы вернуться

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73178718

SelfPub; 2026

Аннотация

Миров бесчисленное множество. Но Алания с Сэмом оказались в том, где ценят не дух, а оболочку. Родившись «не по стандартам», они стали изгоями, лишёнными права быть людьми.

Их побег – это отчаянная попытка вырваться в иной Мир, где непохожесть не наказывается, а ценится как дар.

Но свобода всегда имеет цену. И за границей действуют свои законы... Сможет ли Алания принять их? Или выберет собственный путь, даже если он приведёт её против всего мира?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	66
Глава 6	83
Глава 7	94
Глава 8	105
Глава 9	116
Визуал. Знакомство с героями	138
Глава 10	173
Глава 11	193
Глава 12	208

Надежда Мир

Отречься, чтобы вернуться

Глава 1

#####

Свобода не даётся просто так – её нужно завоевать.

Свобода начинается там, где сердце отказывается жить в клетке.

#####

Энкара была Миром строгих линий и жестких правил. Люди здесь делились на категории по внешнему виду и статусу. Каждый день для несовершенных людей был словно экзамен, им нужно было проходить по улицам, оставаясь незамеченными за свои несовершенства, скрывать свои истинные чувства. Дома в этом Мире высокие, ровные, с окнами, через которые свет падал почти равномерно, не оставляя ни одного уголка тени, словно наблюдая за каждым. Город никогда не спал, но спал ли кто-то на самом деле? Алания чувствовала, как тяжесть этого порядка давила на грудь, лишая её свободы. Она всегда знала, чтобы выжить, нужно быть другой – идеально соответствовать, или исчезнуть.

– Давайте, давайте, шевелитесь, быстрее! Нас могут заме-

тить. Бежим! Все! Не отставать! За этот дом забегайте!

Алания чувствовала ответственность за каждого, кто пошёл за ней, прислушавшись к ней. Этот мир слишком жесток для таких людей, как она, и все эти люди. Она больше не могла оставаться в этом мире, где правит несправедливость и жестокость. Там, где она мечтала оказаться, люди жили иначе, спокойно, без страха, могли создавать семьи, любить и быть принятыми не только обществом, но и теми, кого называли родными. Не так, как в семье Алании, которую не принимали, но делали лишь только вид, что якобы любили её.

Так им рассказывали про Другой Мир. Правда, никто точно наверняка не знал, действительно ли точно существует этот Мир. Все все, кто сбегал, либо никогда больше не возвращались, либо были убитыми Смотрителями. Поэтому им, сбежавшим, приходится только надеяться на то, что они всё-таки не ошибутся, и их ошибка вместе со смелостью не будет стоить им жизнью.

Сколько себя помнит, Алания никогда не принимала мир таким, какой он есть. Каждый день, проходя мимо людей с идеально выстроенными лицами и выученными улыбками, она чувствовала, как в груди вспыхивает огонь – что-то здесь глубоко неправильно. Её не устраивали слова «такова жизнь» и «так устроен мир», они сыпались вокруг, как пыль на глаза. Алания бросала вызов каждому правилу, каждому глухому взгляду, каждому запрету, и внутренне клялась, что не станет пешкой в чьей-то игре.

И тогда, когда сердце уже больше не выдерживало тихой ярости и отчаянной мечты, она сделала решающий шаг – бросила вызов самой судьбе и решила вырваться на Другую Сторону, туда, где её свобода будет реальна, а счастье не мираж.

– Сэм, нам надо придумать как разместить дюжину людей в ночи в этой старой хижине. Нет надежды, что нас не заметили. Потому нам придется дежурить по очереди. Сначала спишь ты, потом я. Но всем этим людям тоже нужно поспать, чтобы завтра они могли бежать, смотри какие они изможденные уже.

– Алань, давай полдюжины разместим вот в этой стороне хижины. Смотри, там есть еще стог соломы, его можно использовать как кровать. А остальные бок о бок, и не замерзнут.

– Хорошо.

Алания скользнула взглядом по измождённым лицам, почувствовала чужую усталость, боль и тревогу, словно могла принимать их на себя. Сэм тихо подбадривал людей, его голос был мягким, но уверенным, словно обещал: «Мы всё выдержим». Даже в этом мрачном мире, среди страха и голода, их дружба была островом тепла. Он был для неё и защитником, и соратником, и тем, кто понимал её странность, её нежелание подчиняться ненастоящей реальности Мира Эн-кара.

Пока Алания и Сэм разместили всех людей, сами валились без ног от усталости. Единственное, что добавляло сил Алании, что скоро они будут далеко от этого мерзкого мира.

Алания родилась у своих родителей совсем странной, начиная с внешности, заканчивая своим нравом. Словно и не их дочь вовсе. Родители были статные, прям будто созданные специально для этого мира, в котором стандарты внешности имели огромное значение. Ведь именно по внешности человека определяли на ту или иную должность. Никто уже в их мире не смотрел на ум, знания, способности, всем важно то, насколько человек подходит под стандарт. Чтобы предприятию и хозяину его не было стыдно за своих сотрудников.

«Черт бы побрал этого Хозяина» – выругалась про себя Алания, вспомнив как с ней обращались в этом притоне из-за её смуглости, больших карих глаз, и тёмно-каштановых волос.

Она не подходила ни на одну должность, где хотя бы подадут гостям угощение и напитки. Не говоря уже о смотрительнице заведений. Её участь была ублажать тех, кто хочет поразвлекаться с такими диковинными девицами как она.

Красиво очерченные губы, будто нарисованные, глаза тёмно-карие, иногда кажутся почти чёрными, если их обводить, то они становятся словно кошачьими, от чего сама Алания становится ещё более красивой и глаз от неё не оторвать, что ей никогда не нравилось, ибо все Стандарты мужчины тут же хотели ею воспользоваться. Телосложением она бы-

ла гибкая и сухощавая, жилистая, словно выточенная постоянной борьбой за выживание. Нет ни грамма лишнего, но в её движениях ощущается выносливость, а не хрупкость, потому что хрупкой ей было нельзя себе позволять, от этого зависела вся её жизнь. Волосы густые, тёмно-каштановые, но с медным отливом на солнце. Она всегда заплетает их в простую косу или стягивает верёвкой, не для красоты, а чтобы не мешали, и чтобы так сильно не выбиваться из “стада” Стандартных. Но всё равно она всегда была заметной. Слишком.

Даже собственные родители её стыдились. Она то видела по их выражению лиц. Хоть они и пытались делать вид, что рады видеть свою дочь, когда она приходила домой. Их статус внешности не позволял им корчить свои лица в брезгливости. Только таких как они, Алания всегда чувствовала насквозь. Их фальшь, лицемерие, и корыстные намерения. Чем тоже наградил Распределитель на небесах, когда раздавал таланты при рождении.

Наверно Распределитель на небесах затем и дал ей этот талант чувствовать, чтобы не поддаваться на гнусные уговоры о том, какая она красавица особенная. В свои 24 года она знает, что такое ложь. В новом мире не будет такого. Алания мечтала о том, как наконец вздохнет свободно, и больше ей не нужно будет стыдиться себя.

Она знала, что внутри неё есть свет, который никто не может затушить. И пока вокруг царил холодная оценка, фаль-

шивые улыбки и лицемерие, Алания чувствовала себя чужой. Но это чувство чуждости не сломило её, наоборот, оно сделало острее её наблюдательность, силу воли, способность замечать то, что скрыто. Мир Энкары пытался диктовать, кем быть, но её сердце и мысли уже стремились к другому миру – где внешность не определяет ценность, где можно быть собой, не пряча ни черты, ни эмоцию.

По слухам, в мире Другой Стороны жили совершенно разные люди. Настолько разные, что никто не обращал внимания на эту разность. И что еще больше её удивляло – они спокойно друг с другом общались, и жили все вместе.

“Надо же, скоро я буду там, и собственными глазами взгляну на диковинный мир.” Мысли все улетали в будущее, что Алания не услышала шороха, который был за её спиной.
– Ты паршивый поганец! Что ты тут делаешь?!

От неожиданности Алания подскочила на своих двоих, развернувшись ловко, и чуть не врезала в красивую челюсть своего друга, который чуть слышно подкрался, и напугал её, словно испуганного зайца.

Сэм, не сдерживаясь, начал хохотать над подругой, впервые увидев её растерянной и испугавшейся.

Сэм тот ещё весельчак. Для Алании он был как младший брат, которого никогда не было в её жизни. Да и родителей он заменил ей своим непоколебимым присутствием. Всегда был и есть рядом, и в минуты её падений, когда она рвалась изнутри от боли, и в моменты радости, когда смеялась до

слёз. Он словно умел угадывать её состояние ещё до того, как она произносила хоть слово. Сам по себе Сэм тоже родился «странным», хотя Алания в его внешности никогда не видела ничего неправильного. Боги, да и Создатели, могли считать иначе, но для неё он был цельным, живым и настоящим. Она любила Сэма как родного брата, до боли в сердце порой, когда переживала за него, до готовности встать за него стеной. Он был её лучом в тёмном царстве, её якорем, её светлым безумцем. И если честно, за него Алания могла любого побить. Хотя, по иронии судьбы, чаще всё оборачивалось наоборот – именно Сэм вытаскивал её из передраг.

Говорят, что в мире Другой Стороны за такими, как Сэм, девчонки бегают толпами. Но он был не похож на стандартных «пыжиков» (так Алания с Сэмом называли вылизанных парней с одинаковыми улыбками). В нём было что-то дикое, неукротимое. Мускулистое тело, словно созданное для движения и силы, но при этом живое и лёгкое, как у хищника. Волосы ни светлые, ни тёмные, что-то между русым и шатеном, в лучах солнца переливались то янтарём, то медью. Глаза серо-голубые, как небо перед бурей, но порой они оказывались проблесками синевы, такими редкими, что от них перехватывало дыхание. Он был высок для своих лет, но дело даже не в росте, рядом с ним чувствовалась мощь, будто он чуть-чуть «больше» этого мира. И ещё ум – стрый, как клинок. Иногда рядом с ним даже взрослые чувствовали себя наивными и неуклюжими, хотя официальное образование

получали они, а не «нестандартные» вроде Сэма.

– Сколько сейчас времени? Почему ты не спишь? – спросила Алания, продолжая любоваться своим другом-братом, хоть и злилась за то, что он её подловил на несобранности и растерянности.

– Так я поспал уже, теперь твоя очередь. – продолжая смеяться, ответил непринуждённо Сэм.

– Серьезно? – Алания не заметила, как пролетело 3 часа за своими раздумьями. – ладно, тогда я пойду посплю немного, но дай слово, что ты меня тут же разбудишь, если что-то услышишь! Пообещай.

– Ладно, ладно, сестричка, давай иди уже. – уже отсмеявшись, но хитро улыбаясь, поднял руки Сэм.

Алания побрела в хижину с распирающим ощущением счастья в груди, потому что это наверно всё, что она хотела за столь долгое время – знать, что они скоро окажутся далеко от этого Мира, и с ней будет рядом один единственный близкий для неё человек – Сэм. И всё у них будет отныне и навсегда хорошо. Хорошо... Знала бы она чем обернётся то желанное спокойствие, к которому они бегут, и сколько всего ей ещё придётся пройти прежде, чем она по-настоящему почувствует себя спокойно...

Пока Алания прислонялась к полу, усталость сжимала каждую мышцу, но внутри неё горел свет – её собственный внутренний мир, который не знали другие. Там не было стандартов, осуждений или приказов. Там были цвета, мягкие

линии, дыхание свободы. Алания закрыла глаза и на мгновение почувствовала, этот свет может стать щитом, может быть её опорой. Энкара пытался сломать её, научить бояться и подчиняться, но даже в эти мгновения тяжести и боли она знала – там, где этот свет, есть её путь.

Потому что настоящий свет внутри человека – это то, чего не может коснуться ни одна власть. Он принадлежит только душе, и именно там начинается подлинная свобода. Там же рождается сила духа – тихая, но несокрушимая, способная поднять человека даже из самых тёмных глубин. А за пределами страха и боли этот свет соединяется с вечностью, напоминая, что всё приходящее исчезает, но истинное в душе остаётся навсегда.

Неожиданно для себя Алания заснула, как только прикоснулась головой к полу. И неважно, что так твердо, главное то, что завтра их уже не будет в этом мире. «Наверное, я так буду спать потом постоянно в новом мире, расслабленно и непринужденно» – с такой мыслью она провалилась в свой сон. Но, неожиданно, а Алания проспала так крепко, как не спала уже долгое время.

– Эй, Алань, просыпайся давай, уже солнце скоро вставать будет.

– Ты почему меня не разбудил, чтобы я тебя сменила?! – она была настолько зла, что готова была накинуться с кулаками на любимого друга, ведь он же не спал толком, а путь

нелегкий предстоит.

– Да успокойся ты, давай думать сейчас не об этом. И зря не теряй время на свои причитания.

– Я тебе устрою, стоит только нам добраться до туда.

Сэм уже не обращал внимание на слова любимой подружки-сестры, принялся будить остальных. Надо поторапливать-ся, пока на их след не напали надсмотрщики. Он был уверен, что за ними уже послали, и теперь им точно несдобровать, если их поймают. Приговорят всех, даже разбираться больше не будут. Ведь это был не первый их побег. Точнее, попытка побега.

Жители хижины сидели в полумраке, затаив дыхание. Каждый шорох, каждый звук за стенами казался сигналом надсмотрщиков. Их глаза блестели от страха, плечи дрожали, всё ещё такие сонные и усталые. Алания чувствовала это, словно чужие тревоги стекали по её коже, смешиваясь с собственным сердцебиением. В их Мире любое неповиновение каралось быстро и жестоко, и даже мысль о побеге была опасной. Она знала, что если хоть один из них сдастся страху, вся группа погибнет. И именно это давало ей решимость вести их, несмотря на ужас, несмотря на ещё пока предрассветную тьму, которая, казалось, сама шептала: «Ты не сможешь».

Снаружи мир казался мёртвым. Хижина стояла одиноко среди полей, и только слабый ветер шуршал листвой, будто проверяя их укрытие на прочность. На востоке тёмное небо начинало сереть, и первые линии рассвета осторожно очер-

чивали землю. Тени домов вытягивались, словно оживая, и ползли за ними. Каждый звук становился слишком громким, каждое движение опасным.

Алания чувствовала, как её сердце бьётся чаще обычного, и даже дыхание казалось предательски тяжёлым. Но в этом страхе рождалась новая сила, странное чувство, похожее на дыхание свободы. Оно делало её одновременно осторожной и решительной. Её путь начинался здесь, в предрассветной тьме, где любой неверный шаг мог стать последним.

Глава 2

Сомнения убивают быстрее, чем путь в неизвестность.

Сила в том, чтобы верить вместе, даже если дорога скрыта туманом.

Люди нехотя поднимались, сонные, борющиеся с усталостью. Некоторые, спотыкаясь, собирали свои скудные пожитки, другие вытирали глаза, не до конца веря, что утро уже настало.

Алания натянула на плечи тонкую накидку и шагнула к двери. Сквозь щели проникал слабый рассветный свет, и её сердце билось очень быстро, потому что этот новый день был словно подарок и приговор одновременно. Никто из них точно не знает, доберутся ли они до Другого Мира, или же будут пойманными.

– Всё, выходим, – коротко сказал Сэм, осматривая всех. Он был собран, насторожен, как всегда. – Времени нет.

– Ты уверен, что мы успеем? – спросила одна из женщин, прижимая к груди ребёнка. – Они ведь наверняка уже ищут нас.

– Успеем, если будем слушать и не тормозить, – резко ответил Сэм. – Здесь медлить нельзя.

Алания нахмурилась.

– Не пугай их. Людям и так страшно. – она прекрасно увидела как дрогнула женщина от слов Сэма, и ещё крепче прижала к себе ребёнка.

Он бросил на неё быстрый взгляд. – Я не пугаю. Я говорю правду.

Все вышли из хижины. Утро встретило их густым туманом и влажным холодом. Трава блестела от росы, а воздух казался таким плотным, что в нём можно было утонуть. Всё вокруг было непривычно тихо, ни птиц, ни шороха ветра, только далёкий гул пробуждающегося леса.

– Вот оно, – тихо сказала Алания, обернувшись к группе. – С этого момента пути назад уже не будет.

– А он у нас и так сгорел, – хмуро заметил один из мужчин. – Но ты, Алания, говоришь так, будто мы идём прямо к чуду. А вдруг там пустота? Вдруг всё это выдумка?

Алания резко обернулась, её глаза вспыхнули. Хоть она и понимала, что страшно всем, но раздражение не заставило себя ждать. “И как только такой здоровый мужчина может говорить о каких-то сомнениях, вместо того, чтобы хоть как-то проявлять свою уверенность и силу, даже просто ради вида, он ещё и вслух, высказывая свои сомнения, ещё больше вселяет неуверенность и в других тоже. Но она так и не высказала свои мысли, лишь только резко бросила слова, чтобы этот здоровяк опомнился, и впредь думал, что говорит.

– Пусть это даже и выдумка. Но лучше умереть в пути, чем вернуться туда, где нас ждёт только рабство.

– Хватит спорить, – оборвал Сэм. – Двигаемся.

Они пошли гуськом по едва заметной тропе, утопая в белёсом мареве. С каждым шагом туман густел, будто пряча дорогу. Люди сбивались ближе друг к другу, цеплялись за соседей, боясь потеряться в этой вязкой белизне.

Чем дальше они уходили, тем сильнее лес будто замыкался вокруг, не желая их выпускать. Стволы становились гуще, тропа исчезала, и приходилось пробираться сквозь кустарник, царапая руки и лицо.

– Мы заблудились... – донёсся сдавленный чей-то шёпот. – Здесь нет дороги. Мы идём кругами.

– Не заблудились, – отрезал Сэм, но в его голосе впервые прозвучала усталость. Даже Алания это уловила, зная своего друга, который никогда не выдаст себя, и ни за что не покажет слабость, даже если будет совсем без сил.

Солнце медленно поднималось, прячась за мутным, серо-розовым небом, словно не решаясь полностью раскрыть свет. День был очень долгим, настолько долгим, что люди уже еле шли, каждый их шаг давался им всё сложнее. Они спотыкались и падали, кто-то даже садился на землю и отказывался идти дальше, потому что сил больше не оставалось. Дети плакали, обвивали руками шею женщин всё крепче, а те качали их на руках, при этом просили группу хоть ненадолго остановиться.

– Привал, – наконец сказал Сэм, и все, словно по невидимому сигналу, обессиленно осели на землю.

Алания присела рядом с женщиной, у которой дрожали губы, а плечи казались невыносимо напряжёнными. Женщина сжимала своего мальчика лет пяти, его лицо было мокрым от слёз, и глаза её полны отчаяния и усталости.

– Тише, – сказала Алания мягко, касаясь плеча женщины. – Потерпи, мы почти дошли, ещё чуть-чуть и все наконец-то выдохнем.

Она осторожно взяла мальчика с рук женщины, чтобы та смогла хоть на мгновение выдохнуть и расслабиться. Ребёнок прижался к Алании, тихо всхлипывая.

Женщина глубоко вздохнула, смотря на Аланию с неподдельным любопытством и тревогой.

– Ты сама-то веришь в это? – её голос дрожал, но был полон решимости. – Ты уверена, что там хоть что-то есть? Мы ведь идём в неизвестность, как ты можешь утверждать, что мы точно найдём этот Другой Мир?...

Алания отвела взгляд, глубоко вдохнула, ведь и у неё внутри разливались сомнения, но произнести их вслух она не могла, потому что это могло бы убить последнюю надежду для всех. Она посмотрела женщине прямо в фисташковые глаза, стараясь передать тепло и уверенность.

– Как вас зовут? – Алании не хотелось разговаривать с этой женщиной, не зная её имени. Ей казалось, что это даже не уважительно. Но она не успела со всеми познакомиться, кто решился с ними на побег, ведь большая часть людей при-

соединились к ним буквально перед самым выходом, как-то узнав о том, куда они направляются и что собираются сделать.

– Меня зовут Таша. А это мой сын Мирон.

– Таша, знаешь... я точно не знаю, что там будет, и будут ли вообще, – сказала она тихо, но твёрдо. – Но, я действительно искренне хочу верить, что там есть другой Мир. Не выдуманный кем-то миф, а место, где есть свобода, где наши дети могут жить иначе. Посмотри на своего малыша, ты уверена, что хочешь для него ту же судьбу, что у тебя в нашем мире?

Женщина тяжело вздохнула, её плечи словно обмякли, а в глазах начали блеснуть слёзы, но в то же время в появилось понимание. Она посмотрела на мальчика, затем на Аланию, словно пыталась выстроить слова в правильную форму.

– Я боюсь... – тихо сказала она, – боюсь, что мы идём навстречу пустоте. Но... лучше идти в неизвестность с надеждой, чем оставаться в мире, где надежды нет вовсе, мы ведь все ищем место, где можно дышать без страха.

Алания посмотрела на Ташу и её мальчика. Кажется, весь страх мира сосредоточился в её руках. “Я должна быть светом, даже если внутри самой тёмно. Если я позволю сомнениям прорваться, они поглотят всю группу. Каждый взгляд, каждый жест – это маленькая опора, маленькая надежда”. – подумала Алания.

Она кивнула, чувствуя, как слова Таши резонируют внутри неё.

– Именно. И раз мы решились идти, мы должны держаться друг за друга. Даже если страшно. Даже если усталость тянет нас вниз.

Женщина снова вздохнула, на этот раз длинно и облегчённо. В её взгляде промелькнула благодарность.

– Ты очень смелая, Алания... – сказала она наконец, едва слышно, – я правда восхищаюсь тобой, всегда восхищалась, даже в нашем Мире, когда я наблюдала за тобой, видела твою уверенность даже тогда, когда ты боялась, но твои глаза и вся твоя аура говорили о том, что ты никогда не позволишь себе сдать перед этими Стандартами. Твоя гордая осанка всегда была и ты никогда не опускала головы, даже когда ты пыталась спрятаться, как будто стать меньше, но ты всегда была моим примером смелости, уверенности и решительности.

Алания улыбнулась, осторожно поглаживая Мирона по волосам. В этот момент она поняла, что их путь – это не только испытание тела и разума, но и испытание духа, каждый их шаг, каждая поддержка, каждое слово могли спасти кого-то или позволить сомнениям сломать надежду.

– Знаешь, иногда мне кажется, – женщина опустила взгляд на мальчика, – что я всю жизнь дышала сквозь решётку. И это... это истошает. Даже когда думаешь, что всё в по-

рядке, а внутри всё равно пусто.

– Я понимаю, – мягко ответила Алания, – я тоже была там. И иногда страх и усталость становятся настолько тяжёлыми, что кажется, будто нет сил идти дальше. Но мы держимся друг за друга. Каждое слово, каждая поддержка, это маленькая искра света.

Таша на мгновение замолчала, потом тихо произнесла:

– Искры... Да. Иногда одной искры достаточно, чтобы разгорелось настоящее пламя. Если бы не твои слова, я бы, наверное, уже перестала верить...

Алания улыбнулась и слегка коснулась её плеча:

– Я тоже верю не потому, что всё ясно, а потому, что мы идём вместе. И если кто-то сомневается, рядом есть тот, кто держит свет. Мы сами выбираем, кем быть – заложниками страха или создателями надежды.

Таша глубоко вздохнула, и на её лице промелькнула лёгкая улыбка.

– Ты права... Спасибо тебе, Алания. Мне кажется, впервые за долгое время я могу дышать без страха. Хотя бы чуть-чуть.

– И этого достаточно, – ответила Алания. – Пусть даже на один миг. Главное – идти, даже если ноги не слушаются, даже если сердце колотится от усталости. В этом и есть наша

сила.

– Тогда... – она снова посмотрела на своего сына, потом на Аланию, – будем идти. Вместе. До конца.

Алания кивнула, ощущая тепло и решимость, которое медленно растекалось по группе. В этот момент она поняла. Их путь – это не только испытание физической силы, но и урок доверия, надежды и человечности. Каждый шаг, каждое слово имело значение.

Они двинулись дальше, едва переведя дух и разделив между собой остатки еды.

Туман сгущался всё сильнее, словно лес хотел укрыть их, и вместе с этим каждый шорох становился отчётливее. Где-то вдали треснула ветка – животное или кто-то ещё? Но через мгновение дневной воздух прорезал лай собак, а за спиной донёсся металлический звон. Сердца будто замерли в один миг.

– Они рядом, – прошептал один из мужчин. Волна страха прошла по группе, холодком пробежала по коже каждого.

Алания почувствовала, как внутри всё похолодело. Женщины крепче прижали к себе детей, мужчины подняли плечи, будто готовясь к схватке, хотя врага они ещё не видели. Она знала: паника сейчас убьёт их быстрее, чем любые Стражники.

– Ближе друг к другу, – сказала она негромко, шагнув ближе к Сэму. – Не показывайте слабости, если они до нас до-

берутся, что бы не происходило, не сдаёмся!

Его глаза в сером свете казались твёрдыми и спокойными, он оглядел людей, и Алания ощутила, как напряжение в них немного меняется, не исчезает, но обретает форму.

Люди сблизилась, плечо к плечу, рука к руке. Дети прятались в телах родителей, ловя то, что не видели глазами, но чувствовали кожей – невидимые шаги, надвигающуюся угрозу.

– Верьте каждому своему шагу, – почти шёпотом сказала Алания. – В каждом движении должна быть сила.

Дыхание группы постепенно выровнялось, стало единым. Шаги, удары сердца, даже страх – всё складывалось в один ритм. И теперь туман уже не пугал, а словно накрывал их мягким покрывалом, делая невидимыми.

– Вместе мы сильнее, чем они думают, – добавила она, встретив взгляд Сэма.

Он снова кивнул, обводя глазами каждого: детей, которые дрожали, женщин, что сжимали кулаки, и мужчин, пытавшихся удержать страх внутри. *«Сейчас мы – одно. Маска. Щит»*, – подумал он.

Шаги за спиной становились всё громче, лай собак – ближе, металл звенел всё отчётливее, но группа держала строй. Их дыхание, их решимость и надежда переплелись в одно целое, и Алания вдруг ясно ощутила: пока они едины, их не достать.

– Смотрите друг за другом, держитесь ритма, – повторила

она тихо, будто молитву.

Сэм шёл впереди, выбирая дорогу так, чтобы их следы распадались, терялись в траве и между деревьями, сбивая воображаемое внимание преследователей. Он петлял, будто сам становился частью леса, и каждый поворот, каждый его шаг был рассчитан так, чтобы отвести взгляд Стражников в сторону, если те всё же шли по их следу.

Алания наблюдала за людьми. В их глазах ещё держался страх, но он словно приглушился общим движением, дети вцепились в руки родителей, женщины следили за каждым её жестом, а мужчины сжимали в ладонях всё, что могло напоминать оружие – палки, обломки ветвей, даже пустые руки, превращённые усилием в кулаки. Она сама шагала и внутри себя повторяла, как заклинание: *«Лес нас прячет. Туман скрывает. Пусть наши шаги распадаются».*

Казалось, что сам лес отвечает ей, ветер мягко шуршал в кронах, туман то рассеивался, то сгущался, а их шаги сливались с дыханием земли. Люди двигались осторожно, словно в замедленном кадре: бородатый мужчина пригибался под низкими ветвями, женщина с младенцем тихо шептала что-то ребёнку, другой – тот самый, что раньше сомневался, теперь шагал уверенно, почти в ногу с остальными. Группа постепенно становилась единым живым организмом, в котором каждый чувствовал чужое дыхание и подстраивал своё.

Чем дальше они углублялись, тем тише становилось вокруг. Даже птицы стихли, и лес будто накрыл их своим поло-

гом. Алания чувствовала, как напряжение медленно уходит, хотя тревога ещё тлела под кожей.

– Кажется, мы сбили их со следа, – тихо сказал Сэм, коснувшись её плеча, спустя время.

Люди переглянулись. В их глазах мелькнула искра облегчения, но никто не позволил себе расслабиться. Они продолжали идти ещё несколько часов, пока лес не стал совсем густым и чужим.

– Думаю, пора остановиться на ночь, – сказала Алания. – Здесь нас будет сложно заметить.

Группа развернулась на небольшой поляне. Кто-то опустился прямо на траву, кто-то соорудил примитивное укрытие из ветвей. Дети прижались к матерям, женщины наконец позволили себе вздохнуть, мужчины оглядывали темноту.

– Сегодня будем сторожить по очереди, – сказал Сэм двум мужчинам, замыкавшим колонну. – Алания вместе со всеми отдохнёт, я тоже лягу ненадолго, после бессонной ночи тяжело уже, потом сменю вас.

– Понял, хорошо – кивнул один из них, привычно сжимая деревянный посох.

Алания села рядом с женщиной с ребёнком и впервые за день позволила усталости дотянуться до тела. Она смотрела, как люди устраиваются, и думала: *«Мы вместе. Мы держимся. И это сейчас важнее всего».*

Лес затихал. Туман мягко стелился по траве, словно сам становился невидимой защитой.

Сэм сел чуть в стороне, его взгляд скользил по поляне, по людям, которым он должен был быть опорой. *«Мы сделали всё, что могли. Но здесь нет по-настоящему безопасных мест. Я не имею права расслабиться. Если я устану, они заплатят за это. Мне нужно быть сильным».*

На краю поляны, в полумраке, двое сторожевых мужчин прислушивались к лесу.

– Слышал что-нибудь? – спросил один, чуть крепче сжимая посох.

– Пока нет, – тихо ответил второй. – Но лес любит обманывать слух. Спать всё равно нельзя. Стражники могут появиться в любой момент.

– Да, но если будем всё время на взводе и в напряжении, завтра ноги нас не понесут, – пробормотал первый и посмотрел в сторону Алании и Сэма. – Я не знаю, как они держатся.

– Они сильные. И не только телом, – отозвался второй, глядя в темноту. – Их сила в том, что они ведут нас и дают веру. Без этого мы бы давно сдались.

Лёгкий ветер донёс запах хвои и мокрой земли, а туман плёлся вокруг деревьев, будто сам лес дышал рядом. Люди постепенно засыпали. Алания закрыла глаза и впервые за много часов позволила себе короткий сон, в мягкой уверенности, что на эту ночь у них всё-таки есть покой.

Ночь постепенно отступала. Лёгкий серый свет стал про-

сачиваться сквозь густую листву, растянувшуюся над поляной, и лес будто проснулся вместе с ними. Дети ворочались во сне, женщины тихо вздыхали, а двое сторожевых мужчин менялись местами, чтобы поддерживать дозор. Туман медленно рассеивается, а первые лучи солнца касаются верхушек деревьев, создавая странные золотистые узоры на влажной траве.

Сэм поднялся, слегка потянув плечи. Его движения были тихими и аккуратными, но в них читалась готовность к любому развитию событий. Он прошёл по краю поляны, проверяя, не осталось ли признаков недавнего присутствия чужих. *Пока мы здесь, мы в безопасности, но на этом пути никто не может расслабиться, – думал он. – Каждое утро – новое испытание, каждая минута – проверка.*

– Встаём, – тихо сказал Сэм. – Пора идти. День принесёт новые испытания, но вместе мы справимся.

Алания встала рядом, поправила накидку и, глубоко вдохнув, почувствовала, как тепло группы согревает её внутренне. Всё ещё сохранялась лёгкая тревога, но теперь она была не парализующей, она была напоминанием о том, что путь продолжается.

Они, сплочённые и осторожные, двинулись дальше, оставляя позади поляну и хрупкий островок покоя. Впереди был новый день, новые шаги, новые испытания, но теперь у них была уверенность, пока они вместе, их сила в их единстве,

а путь возможен.

Глава 3

Страх – это иллюзия, которая исчезает там, где появляется вера.

Граница проходит не в лесу, а в сердце.

Ещё утром когда все двинулись в путь, было ощущение, что сегодня они обязательно должны найти этот новый Мир, но если бы они только знали, что в этом лесу и на этом отрезке пути их ждёт что-то слишком странное, что не просто страх, а сам живой ужас будет пробираться под кожу.

Через несколько часов пути лес всё больше становился чужим. Дороги, которые утром казались понятными, вдруг исчезали, тропы заплетались и выводили их в тупики. Как будто невидимая сила ими руководит, и не желает чтобы они добрались до своей лучшей жизни. Казалось, сама земля меняет свой рисунок под ногами, уводит всё дальше и глубже, хотя они шли вперёд.

Алания чувствовала, как напряжение в группе нарастает. С каждым шагом и у неё самой всё больше возникало странное ощущение. Будто кто-то идёт следом, и дышит прямо за спиной. Иногда один из мужчин резко оборачивался, но видел только пустые стволы деревьев и густую тень. Но воздух действительно был наполнен чужим присутствием.

– Я слышал шаги, – шёпотом сказал один из путников, сжимая посох.

– Тут никого нет, – резко ответил другой, но голос его всё-таки предательски дрогнул.

Сэм молчал, но и он ощущал это, что лес как будто жил собственной жизнью и проверял их решимость.

Чуть позже женщина с ребёнком остановилась, её лицо побледнело.

– Вы слышите?.. Они шепчут. – Она закрыла уши ладонями, но её плечи дрожали. – Здесь призраки, они зовут нас...

По группе сразу пошёл шум тревоги, кто-то вроде тоже начал кивать, будто подтверждая её слова, и вся атмосфера стала такой напряжённой, что почти в панике уже было.

Алания подняла руку, останавливая движение.

– Это иллюзии, – твёрдо сказала она, хотя сердце билось быстрее обычного. – Лес проверяет нас. Не верьте шёпоту, не верьте теням. Мы должны держаться друг друга.

Сэм добавил как заведённый. – Пока мы идём вместе, мы сильные. Но Алания смотрела на друга, и не верила своим глазам, у Сэма были какие-то безумные глаза, она ещё не видела его таким. “Нет, мы должны, должны несмотря ни на что добраться” – Алания не хотела признавать поражение, она не согласна с происходящим!

Но чем дальше они углублялись, тем реальнее становились видения. Вдруг, в нескольких шагах от них, из тумана вышли волки. Тёмные силуэты скользили между деревьями, глаза горели жёлтым светом, животные двигались тихо, окружая их.

Кто-то вскрикнул, дети заплакали. Мужчины подняли палки, женщины прижали малышей к груди.

– Это тоже иллюзия? – спросил кто-то с отчаянием.

Но волки не исчезли. Они кружили всё ближе, дыхание их было слышно, шерсть блестела в тумане.

Алания шагнула вперёд, стараясь не дрожать, но её выдавало напряжение, которое прорезалось так, что она закричала не своим голосом.

– Успокойтесь все! Соберитесь! Лес хочет сломить нас страхом, если мы поддадимся, мы погибнем ещё до того, как Стражники нас настигнут. Неужели вы этого не понимаете?!

Её голос прорезал напряжение, и Сэм встал рядом, вскинув руку, он и сам как будто очнулся, не веря тому, что мог так легко поддаться..

И тогда, словно сама ткань реальности дрогнула, волки начали таять, растворяясь как мираж в пространстве. Все охнули одновременно, и смотрели во все глаза. – Как такое возможно? – Таша первая из группы, кто преодолел замирание.

Группа тяжело выдохнула, кто-то даже опустился на колени, перекрестился или прошептал молитву.

Но Алания точно начала чувствовать, что это только начало. И чем ближе они подходили к Границе, тем тоньше становилась грань между реальностью и видением.

– Я вспомнил. Я слышал, что ходил слух, будто в лесу ближе к Границе существует какая-то зона галлюциногенная. И все попадающие в эту зону сходят с ума, именно поэтому никто не возвращался обратно, если добирались до этого участка леса. – мужчина посмотрел несмело на всех, будто боялся, что его осудят за то, что он не сказал об этом раньше.

Но никто даже не думал его осуждать. Все как будто наоборот выдохнули чуть больше, потому что теперь знают с чем имеют дело, и почему часами ранее с ними такое происходило.

– Теперь я предлагаю помогать друг другу, и если кто-то попадает в эпицентр галлюцинации, мы должны помочь ему быстрее с этим справиться. – включился Сэм, и предложил дальнейший план действий. – Я так понимаю, что когда мы тут попадаем в эти галлюцинации, то вывести из них может какой-то резкий звук. Как сделала сейчас Алания, и всё будто рассыпалось.

Они снова двинулись в путь, но каждый шаг давался тяжелее. Сначала никто не поверил, но потом все это почувствовали: воздух стал каким-то плотным, липким, как будто шли не по дороге, а продирались сквозь вязкий сон. Место

вокруг словно плыло, то исчезая, то появляясь заново.

Деревья странно изменились, стволы выгнулись как-то дико и переплелись, став похожими на людей. Кто-то прошептал, что видит лица, глаза, рты, застывшие в крике. И чем дольше они смотрели, тем отчётливее становилось это ощущение.

– Они смотрят... – прошептала Таша, крепче прижимая ребёнка. – Они все смотрят на нас!

Сэм резко отвёл её лицо в сторону:

– Не смотри! Это иллюзия!

Но его собственные глаза предательски дрогнули, и Алания заметила, как он замер на долю секунды, будто увидел нечто такое, что подрезало ему ноги изнутри. В его взгляде мелькнула тень самого себя – старого, мёртвого, с пустыми глазами.

И вдруг туман впереди зашевелился. Из белой пелены стала выступать фигура. Высокая, тонкая, с чёрной вуалью вместо лица. Она двигалась без звука, но каждый её шаг будто отзывался в сердце гулом.

– Назад! – крикнул кто-то, и мужчины бросились вперёд с посохами.

Но, когда один из них ударил по фигуре, словно рассекает эту фигуру мечом, она рассыпалась пеплом и исчезла. Вместо неё над лесом разнёсся хриплый смех, он не был похож

на человеческий. Он буквально звучал сразу внутри каждого, и от этого хотелось зажать уши и кричать.

– Держитесь! – закричала Алания, едва перекрывая этот гул. – Это не настоящее! Слышите? Не настоящее! Возьмитесь за руки! Только вместе мы пройдем!

Они сцепились цепочкой, словно только так могли удержаться в этом вязком, безумном пространстве. Лес сгущался вокруг, лица в стволах поворачивались вслед за ними, смех переходил в шёпот. Шёпот звал каждого по имени.

И шаг за шагом они пробирались вперёд, не зная, куда же они идут и куда в итоге придут.

Они шли, будто пробираясь сквозь плотный кисель, и каждый шаг давался с трудом. Туман то редел, то сгущался, а лес превращался в однообразный бесконечный узор, словно хотел сбить их с толку. Каждый в этом пути пережил свой персональный ад в голове и в чувствах.

Алания шла впереди, она как будто чувствовала, что скоро будет развязка их пути, и ей нужно быть как никогда осмотрительнее и внимательнее. И вдруг её взгляд зацепился за что-то странное. На фоне густого тумана, где смутные тени то исчезали, то вырастали, она увидела тонкую, почти невесомую полосу света. Она не была похожа ни на просвет в листве, ни на отражение, ни на солнечный луч – это был какой-то странный проём, словно трещина между мирами, едва заметная и дрожащая в воздухе.

– Стойте! – вскрикнула Алания, но не от страха, а от на-

пряжения. – Смотрите сюда! Там... там что-то! – Она попыталась указать рукой.

– Что там? – спросил кто-то, но голос дрожал, и никто не мог увидеть то, что показывала Алания.

Люди переглянулись, они прижались к ней ближе, напрягая глаза. Но все видели только ту же серую массу тумана и смутные силуэты деревьев.

– Ну вот и Алания наша... попала в галлюцинацию, – донёсся тихий шёпот от кого-то сзади.

Сердца участников затрепетали, и сомнения мгновенно стало ощутимым, как холодный ветер: а вдруг это правда? Вдруг они идут за иллюзией?

– Я... я вижу Границу, – произнесла Алания, почти себе под нос, но с таким внутренним твёрдым тоном, что каждый дрогнувший взгляд возвращался к ней. – Она здесь. И нам нужно пройти через неё. Только вместе.

Люди переглянулись, сомнение читалось на каждом лице, но дрожащие руки крепче сжали друг друга.

И тут, из густого тумана, как из другой реальности, начали проступать фигуры. Сначала смутные тени, потом силуэты, а затем они поняли, что это Стражники. У них были какие-то странные, как будто цельные костюмы, с блестящей поверхностью, от которой отражался туман и всякие глюки из леса. Двигались они не быстро, но четко и уверенно. Сразу стало ясно, что лес на них не действует, и значит, никому из нас от лесных иллюзий защиты не будет.

– Они идут за нами... – пробормотал один из мужчин, сжимая посох так, что побелели костяшки.

– Держитесь! – закричала Алания, едва перекрывая гул леса и шёпот сомнений.

Люди задрожали, кто-то начал плакать, женщины сжимали детей до боли, мужчины все напряглись словно враз превратились в стальной стержень, готовый выдержать любой удар. Сердца у всех начали отбивать какой-то сумасшедший ритм. Воздух вокруг казался густым и электрическим, словно сама природа затаила дыхание.

– Мы должны пойти туда, слышите, должны! – с трудом выдавила Алания, ощущая, что голос её пробивает вязкий воздух, как факел сквозь туман. – Только вместе мы провёмся!

И тогда самый щупленький из мальчишек, переполненный страхом и отчаянием, не выдержал, и с криком он вырвался из толпы и ринулся в сторону, куда указывала Алания. И в тот миг произошло невероятное: он не наткнулся на деревья, не упал в пропасть. Он буквально прорвался сквозь светящуюся полосу. Мгновение. И он исчез, словно растворился в свете Границы. Все ахнули разом и замерли.

Видя это, сомнения остальных рассеялись мгновенно. Они поняли, что идти за Аланией и туда, куда она указывала – это их единственный шанс. А затем страх уступил место отчаянной решимости. Первой решилась Таша с ребёнком на руках. За ней побежал ещё один мужчина. И потом уже

вся группа, потому что никто не хотел обратно, и никто не хотел попасть в лапы этим ужасным Стражникам.

Стражники рванули следом. Их тяжёлые костюмы загремели, и собаки сорвались с цепей, но туман будто сгущался, мешая теперь уже им. И так как их шаги были неповоротливы, они опоздали – люди один за другим исчезали в сиянии, ускользая сквозь трещину в самой ткани Мира.

Алания последней шагнула в Границу. Перед тем как исчезнуть, она успела заметить, как один из Стражников вытянул руку вперёд, чтобы схватить её, но пальцы его лишь разрезали пустой воздух.

...И внезапно всё стихло.

Они оказались в другом месте. Сияющий свет окутывал их со всех сторон, воздух был прозрачный и невероятно чистый, а земля под ногами мягко пружинила. Деревья здесь были выше и светлее, трава переливалась оттенками зелёного и золотого, а вдалеке струился прозрачный поток.

Люди стояли ошарашенные, тяжело дышали после бега, потом, словно по команде, разом осели на землю. У кого-то по щекам текли слёзы, но не от боли, а от шока и радостного ещё пока непонимания, что у них получилось.

Алания обвела взглядом их лица и впервые за долгое время ощутила в груди не страх, а тихий трепет.

Они были спасены.

Они перешли Границу.

Глава 4

Там, где порядок служит жизни, границы – это двери.

Там, где порядок служит страху, границы – это клетки.

– Сколько у нас продовольствия на северную сторону? – Таймураз составлял списки на будущую зиму. Совсем скоро наступят холода, надо запастись всем необходимым, чтобы жители его Мира не переживали. Он сидел за полукруглым мраморным столом, но его поверхность напоминала светящийся кристалл. По нему плавно скользили строки данных, появляясь и исчезая, реагируя на движения его ладоней. Высокие прозрачные панели-экраны на стенах транслировали пульсирующие графики, а мягкое серебристое сияние от встроенных источников света делало пространство одновременно строгим и воздушным.

Здесь всё было создано для того, чтобы мысль текла свободно, ни лишних деталей, ни случайных предметов. Только свет, структура и порядок, всё отражало самого Таймураза.

Главный любил свой Мир и делал всё возможное, чтобы каждый житель Люмирии жил спокойно, мог раскрывать свои дары и проживать собственный Путь. Он знал, что состояние людей напрямую влияло на саму ткань и структуру их Мира, на его гармонию и устойчивость. Потому забота о

жизни и балансе – это не просто обязанность, а основа его роли.

– Продовольствия хватит ровно на пол зимы, – ответил Алистар, его помощник Провидец. Высокий, собранный, с внимательным взглядом, он развернул над столом фантомную карту – сеть из тончайших световых линий. – Запасы пополним, всё успеем. Но есть другое...

В воздухе вспыхнула проекция. Чёткие линии и узлы, сплетающиеся в сложный рисунок. Таймураз сразу заметил искажение – словно дрожащий разлом, через который пробивалась чуждая вибрация.

– Брешь? В восточном секторе? – голос его стал твёрже, и правая бровь поползла вверх.

– Да, – кивнул Алистар. – Словно кто-то не просто нащупал границу, а видит её. И уже двигает реальность.

Тишина сгустилась, приборы на стенах тихо гудели, будто подтверждая тревогу.

– Когда это началось?

– Несколько часов назад. Сначала я думал, что это сбой в спектре. Но с каждой минутой разлом становится явственнее. Смотри сам. – Алистар усилил изображение, и участок карты запульсировал ярче, словно сочащаяся рана.

Таймураз провёл рукой по пространству, после того как всё увидел, и проекция тут же исчезла. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах отразилась тень памяти. Он слишком хорошо знал, чем может обернуться нарушение границ.

Он встал. Его фигура на фоне сияющих панелей выглядела ещё более собранной, словно сама Люмирия держала его в своём свете. Широкие плечи, строгий силуэт и плавные движения делали его похожим на человека, который никогда не теряет равновесия. Свет скользнул по его тёмным волосам, задевая едва заметные пряди седины у висков, и это только усиливало впечатление силы и благородства. Взгляд его тёмно-серый, с серебристым отливом. Он на мгновение задержался на линии искажения, и в этом взгляде была глубина, где прятались годы и века.

Алистар, стоявший рядом, поймал себя на том, что снова ощущает эту странную двойственность. Таймураз всегда выглядел человеком из плоти и крови – живым, близким, понятным. Но в такие моменты в нём проступало нечто иное, вечное... Сила, которая будто соединяет этот мир с чем-то гораздо большим. Именно это ощущение вселяло уверенность – и одновременно напоминало о цене, которую они все могут заплатить, если Хранитель увидит угрозу в их горизонте.

Алистар на секунду ощутил, будто смотрит не просто на своего Главного, а на того, кто несёт в себе дыхание целых эпох. И это всегда поражало его и вселяло уверенность.

В кабинете воцарилась тишина. Даже витражи, казалось, приглушили свой свет, уступая место его присутствию. Таймураз как будто на пару секунд застыл, чтобы понять как действовать дальше, но Алистар чувствовал, что решение

уже принято. И вся Люмирия словно задержала дыхание вместе с ним.

– Раз с с каждой минутой разлом становится явственнее, и ты это ощущаешь, значит, кто-то на другой стороне готов нарушить баланс.

Он резко развернулся.

– Я отправляюсь на восток. Алистар, другой мой, будь готов. Если придётся бороться с вторжением, я подам знак. – Алистар тут же собрался так, как никогда, потому что когда Главный говорил “Друг, мой...” часто это означало то, что ему, правой руке Главного, стоит быть во всеоружии.

Слова повисли в воздухе, и, даже подходя уже к проходу, Таймураз излучал силу, от которой веяло не гневом, а непреклонностью – как от человека, который готов стоять до конца за свой Мир.

Он уже почти вышел за порог, когда вдруг остановился, задержав дыхание.

На краткий миг ему показалось, что где-то далеко, на краю восточной границы, бьётся ритм, чужой для Люмирии, совершенно не похожий на ритм их (его!) Мира: усталый, но живой, настойчивый. Как будто дыхание других людей. Как будто кто-то другой коснулся (уже коснулся?!) – усталый, но живой прикоснулся ткани их Мира.

Таймураз нахмурился, что-то в теле его отозвалось странным отзвуком. Возможно, это всего лишь эхо самой брешы,

а может – знак.

Он сжал кулак, и в глазах его вспыхнул холодный свет решимости.

– Кто бы ни шёл к нам через границу... – тихо сказал он самому себе. – Я должен увидеть это первым.

– Алистар, – тихо сказал он, не оборачиваясь. – Ты чувствуешь?

Провидец поднял голову, но только нахмурился, неуверенно глядя в карту пересечений.

– Пока нет... только лёгкий шум в спектре. Возможно, колебания Границы.

Таймураз покачал головой.

– Нет. Это не шум. Это шаги. Они уже не то, что близко, они уже в нашем Мире.

Он провёл ладонью по панели двери, и та растворилась, выпуская его в длинный светящийся коридор Пространства. Воздух вокруг вибрировал от внутреннего напряжения, но в этих вибрациях было и предчувствие – кто-то уже пришёл.

К восточной границе он прибыл за мгновение, ведь перемещаться через наслоения реальности у него было в крови. На то он и Главный, чтобы владеть всеми возможностями, дабы оберегать свой Мир.

Граница его Мира дрожала перед ним – тонкая пленка света, которая колыхалась как будто она была живая и откликалась на его ауру. По её поверхности пробежали волны, но в тоже время Таймураз ясно ощущал, как ткань их Мира реагирует на чужое вмешательство. Она дышала, носила в себе след, недавно сюда вошли другие.

И то, что он увидел, когда приблизился, повергло его немного в шок. Границу реальности пересекли дюжина измученных людей. Лица бледные, дыхание сбивчивое, одежда в пыли и порванная вся. А во главе шла смелая девушка, рядом с которой такой же смелый молодой парнишка с прямым, упрямым взглядом. В их ауре было столько смешанных чувств, что не сразу можно было разобрать, страх или решимость перевешивает в итоге.

По группе прошёл шёпот:

– Всё... мы попали...

– А если он убьёт нас за это?..

Женщина прижала ребёнка так крепко, что костяшки её пальцев побелели, а ребёнок вжался ещё сильнее. Мужчины сжали кулаки, но от их напряжения больше веяло растерянностью, чем готовностью к бою. Они как будто чувствовали кто перед ним сейчас.

И всё же никакой угрозы Таймураз не ощутил. Ни запа-

ха агрессии, ни металлической злобы, только усталость, желание выжить вместе с надеждой. Скорее наоборот, в глубине себя он ощутил странное желание защитить этих людей, приютить их, дать им кров и пищу. Их частоты звучали чисто, и от этого внутри него вспыхнуло удивление.

– Кто из вас решился на столь смелый поступок в пересечении Границы чужого Мира, что даже не подумал об опасности, которая могла быть? – его голос прозвучал твёрдо, но без ярости.

Алания насторожилась. «Интересно, он нас так же казнит за такую провинность ужасную, как и Хозяева того прогневившего Мира? А какие в этом Мире используют наказания? Такие же мучительные как и у них?» – мысли в голове Алании рисовали настолько пугающие картины, что она даже забыла, как отвечать и разговаривать.

– Не слышу ответа, – сказал он снова. – Вы понимаете, что вторглись в чужой Мир без разрешения? И что за это бывает?

Его голос не был грозным, но сама сила, которая исходила от него, заставляла людей пятиться назад. Внутри Алании поднялся протест, её привычный бунт. «Нет, я не позволю никому угрожать нам!»

– Это я решилась! – её голос прозвучал резко и твёрдо. – Они не виноваты. Они пошли за мной. Но я не отступлюсь. Мы не уйдём обратно, даже если вы прогоните нас. Лучше покажите нам тогда дорогу в какой-то другой Мир, где мы

сможем остаться. Но обратно мы не повернем!

Таймураз был потрясен смелостью этой девушки. Он внимательно смотрел на неё. Ведь он чувствовал, что за её смелостью скрывается еще и страх. Страх на уровне инстинктов, животный. Но, смелость и страх переплетались в ней так тесно, что создавали новый оттенок – стойкость. И она прятала свой животный ужас глубоко, и делала это мастерски. Было что-то ещё, еле ощутимое чувство, которое он никак не мог прочувствовать. И именно это ощущение не давало Главному отвести глаз от чужестранки. Ему как будто хотелось смаковать и наслаждаться разнообразной гаммой эмоций, живущей в ней. Давно он не испытывал рядом с другими такого, и давно он не встречал такой чистой силы в человеке.

– Хорошо, я не стану вас прогонять. И наказания не будет, – произнёс он после паузы. По группе пронеслось ошарашенное молчание. Они все ждали какого-то наказания за свой поступок. «Что же за Мир, – подумал он, – где страх наказания живёт в каждом?»

– Но сначала вы должны объяснить, зачем вы здесь. И главное, как вы нашли Границу параллельных Миров? Кто из вас владеет видением и способностью проходить сквозь наложения?

Все стояли в оцепенении. Даже смотреть на него было тяжело: от этой ауры хотелось сжаться, исчезнуть. Словно одно его желание могло превратить их в пыль. И все, кроме Алании, понимали, о чем говорит этот грозный мужчина. И не

мужчина вовсе. От него исходила такая аура, что хотелось лишь вжаться сильнее в себя, и не вздумать сказать слова, и даже смотреть было страшно. Не потому, что он страшный, а потому что невозможно выдержать энергетику взгляда этого мужчины. У всех было ясное чувство, что этот мужчина может их просто в пыль превратить, если он захочет. А вот Алания словно и не понимала, о чем речь.

– Какое наслоение? Я просто увидела переход. Тонкая полоса света, будто разъединяет сам воздух, и как будто за этой полосой света брезжит что-то совершенно другое. Но только там мы могли войти в ваш Мир. Разве наши Миры не находятся рядом друг с другом? Разве не каждый может увидеть границу, и войти в ваш Мир?

«Н-да уж не просто будет с этой девушкой, – мелькнуло в мыслях Таймураза. – Но тем интереснее.» Он махнул всем рукой, чтобы они следовали за ним, продолжая размышлять в своей голове: «Почему именно она? Почему никто другой? Интересно, сколько ещё таких странных людей владеет способностью к переходу в параллельные Миры? Насколько она безопасна для нашего Мира? Почему только она? Почему не все, кто с ней?»

Он резко обернулся, его взгляд снова пронзил Аланию.

– Кто ты? Почему ты бежишь из своего Мира, владея таким даром?

Странный он, сначала потребовал объяснений о цели при-
бытия и перехода, а теперь просто приказывает идти за
ним», – Алания повернулась к людям и подмигнула, будто
говоря: «Держитесь, не трусьте, мы справимся, уже со столь-
ким то справились».

– Алань, ты понимаешь, что произошло? – Сэм шагал
рядом, в голосе слышалось напряжение, он был в недоуме-
нии. Но только сейчас он понял, что для Алании эта граница
оказалась чем-то естественным. Когда для всех людей, ко-
торые доверились им, было чем-то мозговыносящем, как и
для него. Он знал, что есть много Миров, которые можно
каким-то образом посещать, но он никогда не знал, что его
подруга-сестра с детства владеет способностью видеть грани
Миров. Для неё этот переход был вовсе не переходом, слов-
но она открыла дверь в другую комнату, и вошла в неё.

Когда они бежали из хижины, всем хотелось лишь одно-
го – лишь бы надсмотрщики не настигли их, и не вернули
обратно. Ибо ждал бы их один исход – смерть. Но, как толь-
ко они все вышли из хижины, Алания тогда стала как вол-
чица, чуткая, сосредоточенная, ведомая внутренним чутьём.
Она вела их безошибочно, хотя вокруг были лишь петли ле-
са и галлюцинации, от которых срывался разум практически
у всей группы.

Голоса всё чаще шептали в их головах: «Остановись... нас
уже догнали...»; кто-то из группы вздрагивал, хватался за

плечо, будто к нему тянулись невидимые руки. Алания, Сэм и ещё несколько сильных людей вновь и вновь вытаскивали их из этих ловушек других, возвращая к реальности. Даже сам Сэм единожды попался в ловушку галлюциногенного леса.

Часы пути слились в один длинный кошмар. Лес им тогда становился чужим. Заросли, которых Сэм никогда раньше не видел, сжимали тропу, а тишина перестала быть спокойной. Она звенела, как струна, и от этого звона мороз пробежал по коже.

И вдруг Алания остановилась.

– Вот тут... переход. – Её голос дрогнул, но глаза горели. А Сэм понял, что подруга не одна из них.

Сэм поймал взгляды людей, в них читалось недоумение, страх, и уже почти отчаяние. «Здесь нет никакой границы», – и читалось на их лицах, и перешёптывались они. Но слова Алании звучали так, что не оставляли места сомнению.

И... Они шагнули.

И в ту же секунду всё вокруг дрогнуло. Кто-то сел на землю, обхватив голову руками. Кто-то, словно обезумев, прыгал и выкрикивал бессмысленные звуки. Женщина ошупывала воздух руками, будто слепая. Дети прижимались к родителям, боясь разомкнуть круг.

А Сэм стоял, не сводя взгляда с Алании. Потому что именно она знала, куда они идут.

И лес исчез.

Ещё мгновение назад вокруг были чёрные стволы и вязкий туман, а теперь они стояли на опушке поляны, усыпанной цветами. Воздух был прозрачным, в нём звенела тишина – не зловещая, а чистая, как после дождя. Свет здесь был мягче, чем солнце, будто сама ткань неба излучала его.

И перед ними стоял Он.

Фигура, от которой одновременно исходил ужас и... покой. В его присутствии хотелось склонить голову, но и странным образом тянуло ближе. За его спиной сиял их новый Мир.

Куда привела их Алания? Знала ли она сама вообще?

Нет. Она только чувствовала, что обратного пути больше нет. Она действительно сама не понимает, что они уже перешли в новый Мир, из которого нет обратного пути, потому что Этот не позволит им вернуться просто так обратно.

В груди Сэма стучало сердце, не от страха, а от осознания, что рядом с этой девушкой начинается новый Мир. И именно это пугало его сильнее всего, потому что Алания становилась больше, чем он мог представить, и теперь он должен был решать, хватит ли у него мужества идти рядом.

Резко остановившись, застигнутая вопросом этого мужчины, Алания снова впала в какой-то непонятный ступор.

«Что ж это такое со мной происходит? Ведь такого раньше

не было... А рядом с этим человеком (человеком ли? Хм, почему возникает этот вопрос?) хочется просто молчать и... любоваться им. Смотреть на его жёсткие черты лица, острый взгляд, который пронизывает насквозь. Такой четкий овал лица, тёмные волосы до плеч. В нашем Мире его бы точно засмеяли за нестандартность. „А ведь и правда, этот человек тоже “Не стандарт”, и нашим “Стандартным” он явно бы не понравился“».

Алания настолько задумалась, что ощутила, будто тонет в бездне его глаз. И чем дольше смотрела, тем сильнее хотелось замереть, не дышать вовсе. Воздух вокруг вибрировал, как будто сама ткань Границы ещё не успела сомкнуться за их спинами, и эта зыбкая дрожь только усиливала её потерянность.

Лишь когда Алания ощутила, что кто-то её ущипнул в самую чувствительную часть ноги, да ещё осмелился дотянуться же да неё, и снова её застали врасплох (чего она никогда не позволяла себе потерять контроль над своим сознанием, в их Мире всегда нужно быть начеку, а сейчас...), Алания подпрыгнула на месте, и снова ей захотелось кому-то врезать по полной. Но, повернувшись, увидела, что на такой поступок осмелилась та самая малышка, крошечная девочка с растрёпанными волосами, она тут же растаяла, весь пыл и раздражение тут же сошли. Тепло окатило её, и она сама удивилась, как быстро меняются её эмоции.

«Вот это перемены... Никогда ещё не видел таких стре-

мительных вспышек чувств», – Таймураз тоже залюбовался чужестранкой, одновременно злясь на самого себя. Он, Главный, Хранитель Мира, привыкший сохранять равновесие и власть над каждым импульсом, вдруг ощутил, как его внутренние линии и частоты дрогнули. Ведь не должен так Главный Создатель себя ощущать, что, ощутив такие тёплые человеческие эмоции, тут же раскиснуть из-за них, и превратиться в какого-то чеширского кота, которого осталось только погладить, чтобы он сдался, лишь бы не останавливались.

На миг в глазах промелькнул серебристый свет, выдающий напряжение, но он тут же спрятал его за каменной маской. Благо Главный умеет маскировать свои эмоции. Что не скажешь об этой удивительной и странной девушке.

Позади путники шептались, переглядывались. Кто-то прятал взгляд, кто-то едва сдерживал дрожь. Они боялись дышать громче, боялись его голоса – не потому, что он был страшен, а потому, что сам воздух рядом с ним давил и приказывал молчать.

– Так кто ты? Почему вы бежите из собственного Мира? – Таймураз решил ещё более твёрже задать вопрос. И не для того, чтобы напугать этих людей, скорее для себя, чтобы привести себя наконец в порядок. Совсем расклеился, недопустимы подобные эмоции Создателю.

Алания совсем растерялась от такого тона. Мысли вспыхнули: «Не понимаю, что вы хотите услышать? Нас преследуют надсмотрщики, и если мы хоть на шаг вернёмся назад,

нас тут же словят и казнят. Как же не бежать из Мира, где нет ни капли спокойствия?!»

– Хорошо, – наконец сказал он, слегка смягчив голос. – Давайте расположимся вон на той опушке и спокойно поговорим. Я вас не выгоняю, я уже говорил это. И не выгоню впредь. Можете считать, что я дал обещание.

Таймураз никак не ожидал, что их Мир соседствовал с Миром, в котором казнят людей лишь только за то, что они смеют желать перейти за границу.

Слова его повисли в воздухе. Он развернулся снова, и дал всем понять, что они могут следовать за ним. И как только двинулся вперед, почувствовал как вся группа, будто одним дыханием, выдохнула с облегчением. А сам вдруг уловил в груди странное тепло и редкое ощущение, что он действительно их спас.

А ведь ещё ни разу он даже не мог подумать, чтобы кого-то не то, что казнить, но даже наказать. Такое недопустимо в том Мире, который он сам создал для всех, кто в нём живет. Хоть и опасаются его, кто-то даже обходит стороной, но на то он и Создатель, чтобы держать всё и всех в своих руках.

Они шли, казалось, уже не полчаса, а целую вечность.

Сам путь как будто постоянно растягивался. Шаги ещё больше множились, а расстояние до опушки оставалось прежним, как будто она играла с ними, манила и отдалялась одновременно.

– Как так получается, что опушка будто находится находиться так близко, а мы идём так долго? – Сэм всё-таки решился задать этот вопрос. Его голос прозвучал хрипловато, слишком уж странным казался этот путь. Ведь до той опушки, которую они видели, казалось бы, рукой подать. А они все идут и идут.

Таймураз, шагая спокойно и уверенно, повернул голову слегка, чтобы ответ прозвучал именно для Сэма:

– Так устроен этот Мир. Здесь расстояния подстраиваются под взгляд. Ты видишь близкое, чтобы знать направление и не терять веры. Но, само расстояние никогда не бывает простым. Иначе зачем идти? Люди ведь боятся шагать туда, где ничего не видно. И потому не решаются приблизиться к тому, что им действительно нужно.

Его слова повисли между ветвей, словно сам лес подтвердил их мягким шелестом.

Сэм даже замер на мгновение, ощущая, что услышал не просто объяснение, а нечто большее.

«Надо же... Как мудро всё продумано. Но кто же он, этот человек? – вспыхнула мысль и вопрос, который задал этот мужчина Алании. – И почему я всё сильнее верю каждому его слову?»

Когда они наконец дошли до опушки, все буквально с ног

валились. Трава, густая и мягкая, словно сама звала лечь.

Алания и Сэм переглянулись и всем дали знак, и уверили, что они могут отдохнуть. Ведь это место само словно благоволило тому, что можно наконец расслабиться и отдохнуть, не беспокоясь ни о чем. Никого не пришлось уговаривать. Люди кто куда разбрелись, кто-то лег, облокотившись об дерево, кто-то и вовсе растянулся полностью на мягкой траве.

Но Алания и Таймураз не спешили расслабляться. Их взгляды сцепились, как два клинка, невидимый поединок длился без слов.

Сэм, наблюдая за этим, вдруг почувствовал, что ему хочется отвернуться, будто он оказался свидетелем чего-то слишком личного, слишком сильного. Но в то же время, нельзя. Они не в своём мире. Надо понимать, куда попали и что ждёт дальше.

Он решился взять разговор в свои руки. Но едва открыл рот, и начав задавать первый вопрос, Таймураз мягким, но властным жестом остановил его:

– Пусть расскажет она. – Его взгляд не отпускал Аланию. – Почему вы бежите из своего Мира? И кто ты, что видишь границы?

Алания напряглась. Её голос, когда она заговорила, звучал твёрдо, но в нём сквозила растерянность:

– Я уже отвечала. И не знаю, почему именно я. Я уви-

дела... светящуюся полосу. Словно проём между реальностями. Всё было расплывчато, но я точно знала, что переход есть, и он был там, где мы вошли.

Теперь уже Таймураз обратился к самому Сэму – «Но ты же не видел эту дверь? Правильно же я понимаю?»

– Нет. – Сэм пожал плечами. – Я видел только лес. Всё то же самое. Но когда Алания остановила нас и сказала идти туда, ну мы потом просто доверились. И пошли.

Алания вскинула голову, её глаза расширились, и тут до неё дошло.

– Как?! Ты не видел этой границы?

Слова оборвались, и тишина вокруг наполнилась тяжестью – как будто каждый вдох стал вопросом.

И тут в полу молчании раздался едва слышный шёпот, сперва один голос, затем другой, и вскоре он прокатился по всей группе:

– Она одна видела... только она...

– Как это возможно?..

– Значит, мы тут благодаря только Алании?..

Люди переглядывались, а в их глазах смешались тревога и изумление. И чем громче становился этот шёпот, тем яснее Алания понимала, что её дар не просто выделяет её, он делает её единственным проводником в этот Мир.

У неё внутри всё сжалось. Казалось, что даже сам воздух стал плотнее, а их взгляды ложились на неё тяжёлым грузом. «Так вот оно как... теперь всё зависит от меня. Если я оступлюсь – оступятся все». Страх кольнул грудь, но одновременно с ним поднялась другая сила, горячая и упорная – «Нет. Я не позволю им потеряться. Даже если сама не понимаю до конца, как веду этот путь».

На миг ей показалось, что даже Таймураз уловил её внутреннее колебание. Его взгляд задержался на ней дольше обычного. Как-то прям испытующе, но и с какой-то странной заинтересованностью.

– Нет. – ответил Сэм на вопрос Алании.

– Но она же была!

– Я понимаю это, – Сэму очень хотелось успокоить подругу. Он видел, как её губы дрожат, а взгляд бегаёт, будто ищет подтверждение хоть у кого-то, она уже приходила в ужас от того, что начинала понимать – она не совсем как все. Она видит то, что другим закрыто.

Таймуразу было любопытно наблюдать за ними. Внутри рождалось странное чувство – эти двое словно связаны невидимой нитью, не родственники, не возлюбленные, но намного ближе, чем просто друзья хоть и не брат и сестра.

– Я предлагаю присесть на поляну, и я наверно могу всё

объяснить.

Алания и Сэм не сговариваясь опустились на траву. Когда Сэм надеялся, что этот мужчина объяснит подруге всё, и ему самому не придется успокаивать подругу, которая уже закипает от того, что ситуация выходит из-под её контроля.

– Я подозреваю, Алания, – Таймураз на секунду замер, будто ушёл в свои мысли “Какое же интересное и красивое имя у этой девушки... Алания”, но вовремя спохватился, продолжив, – что Создатели вашего Мира...

– Распределители... Так мы называем тех, кто задаёт параметры людям при рождении – Сэм перебил мужчину, так как хотел уточнить, что в их Мире нет никаких Создателей, а есть небесные Распределители.

По группе прошёл шёпот снова, как ветер по траве:

– Распределители...

– У нас только так и говорят...

– С рождения так учили...

– Нет никаких Создателей... Разве что – Надзиратели...

Таймураз на секунду задумался, взгляд его стал глубже, как будто он прислушивался не к словам, а к тому, что стоит за ними.

– В Люмирии мы говорим «Создатели», – произнёс он спокойно. – Но это не титул власти. Это ответственность, не раздавать людям «параметры», а беречь пространство, в котором они сами раскрываются. Ладно, пусть пока будет “Распределители”.

Он перевёл взгляд на Сэма и снова на Аланию, потом на других людей того загадочного Мира:

– Скажите... ваших Распределителей видел кто-нибудь лично? Он смотрел на вас? Говорил с вами?

Несколько человек опустили глаза. Женщина с фисташковыми глазами едва слышно ответила:

– Нам говорили, что Их видят только Хозяева Мира. А мы... мы недостойны.

Сэм стиснул челюсть. Алания чуть вздрогнула, словно в её голове щёлкнуло невидимое колесо и проблески осознаний показались на поверхности.

– Если автор правил невидим для тех, кто по ним живёт, – тихо сказал Таймураз, не повышая голоса, – почти всегда это значит, что кто-то присвоил себе право говорить от его имени. И если при этом те, кто следует этим правилам, не чувствуют себя в безопасности, если им больно и страшно – это значит, что правила созданы не ради людей. Они написаны ради самого автора. Чтобы подчинить, ограничить, забрать силу, а не дать её.

Слова легли просто, без нажима, и именно поэтому удари-

ли глубже. Над поляной стало особенно тихо, где-то вдалеке журкнула вода, тёплый воздух Люмирии шевельнул траву.

Таймураз снова повернулся к Алании, и уже без испытующей жёсткости, а с вниманием, как будто бережно настроивая тонкую струну, сказал:

– Ты видишь границы Миров. Не потому, что тебе что-то «раздали». Это твой собственный дар. Там, где другие видят просто лес, ты различаешь швы реальности – места, где Миры касаются друг друга. Поэтому ты сказала “сверкающая полоса”. Для тебя она и есть дверь в другой Мир.

Алания вдохнула глубже. Слова будто собрали её дыхание в ритм, не быстрый, не рваный, но устойчивый, а Сэм скользнул к ней ближе плечом, едва уловимым касанием дал понять: «Я тут».

Алания до сих пор пребывала в каком-то неопишемом состоянии. Слишком много нового для её сознания произошло за один день, ещё и открывшаяся способность, которая может склонить её к тому, чтобы вдруг начать исследовать и другие Миры.

И словно прочитав её мысли, Таймураз сказал:

– Но видеть границы Миров не получится просто так, по одному желанию. Обычно эта способность открывается тогда, когда у человека есть твёрдое намерение, которое возникло не из простого желания, а из безысходности. Когда в

нём живёт внутренняя сила и непокорность. Вот это я и хочу узнать. Что вас сподвигло на такой шаг?

Алания глубоко вдохнула.

– Мы из Мира, в котором такие как мы считаются низшими слоями общества.

– Вы? – Таймураз не могу поверить своим ушам. Эти красивые люди, и каждый по-своему уникальный считаются низшими... – Хм. Продолжай.

Алания говорила твёрдо, почти с вызовом:

– В нашем Мире мы не стоим ничего. Нас не считают за людей. Мы – развлечение для «Стандартных». Ну или самая чёрная рабочая сила. У меня нет сил больше ублажать этих надменных в доме развлечений. Каждый день хотелось зарядить им так, чтобы катились кувырком да куда подальше. Сэм как лошадь, его заставляют пахать поля, чтобы потом самое питательное доставалось этим напыщенным, а нас кормят отбросами. Мы имеем право завтракать и ужинать лишь тогда, когда Хозяева поели.

Она показала рукой на девочку, которая жалась к женщине:

– Вот эта крошка малышка в нашем Мире выступала вместо клоунов. Она часами должна была улыбаться, чтобы у этих надутых индюков «настроение поднималось». И если только у неё не получалось, она тут же получала подзатыльника от смотрительницы. К концу рабочего дня она плакала

от болей в голове.

А вот тот кучерявый мальчишка с небесными глазами должен был за каждым... За каждым... Алания сделала специально акцент на этом... протирать следы, чтобы ни грамма энергии не оставалось от следов тех, кто прошел по залу нашего ублажительного дома. Потому что, только он может настолько чисто убирать следы, как никто другой. Это нужно для того, чтобы новые пришедшие гости не могли догадаться кто же, был до них. И к концу рабочего дня, а обычно он заканчивался глубокой ночью, когда начинался в 6 утра, мальчишка уже не то что стоять на ногах, он выл от боли в ногах и руках.

Она замолчала, но потом добавила, указывая на женщину с серебристыми волосами:

– Она была слушательницей и швейей. Должна была к вечеру докладывать обо всех: кто что сказал, кто что сделал, и сразу штопать мантии работников. Ей оставалось три-четыре часа сна. Иногда про неё просто забывали, и она сидела без еды целый день.

– Стоп... – Таймураз поднял руку, больше слушать он не мог. В его голосе впервые прорезалась боль. – Я конечно знал, что существуют разные Миры, в том числе и жестокие, но и не подозревал, что существуют конкретно такие Миры, где творится полный беспредел, и людей за людей то не считают. Ужас...

Таймураз тихо покачал головой.

– Странно. Очень странно...

Ему ещё больше захотелось приютить эту дюжину людей, еще и накормить, и дать кров каждому такой, чтобы они наконец ощутили себя как дома, и почувствовали, что они имеют ценность просто так. В его Мире так и должно быть.

У Таймураза был ещё один вопрос, который он никак не мог оставить без ответа. Его взгляд стал внимательнее, и вокруг повисла пауза.

– Скажи, ты говоришь, что ублажала напыщенных, – его голос был спокоен, но в нём звучала стальная нота. – Но... почему я не чувствую, что ты действительно это делала?

Таймураз обладал редким даром: он не просто слышал слова, но читал полностью состояние каждого с кем общался, плюс он ещё мог и чувствовать правду говорит человек или нет.

Алания вздрогнула, она поняла о чём говорит этот мужчина. Её лицо вспыхнуло, и она неожиданно почувствовала себя маленькой девочкой, застигнутой любимым, но строгим родителем за какой-нибудь очередной шалостью. Ей захотелось опустить глаза, спрятаться.

– Я... я умею напускать иллюзии, – слова прозвучали тише обычного. – Когда хоть какой-то «Стандартный» пытался коснуться меня, я обманывала его. Он засыпал. А когда просыпался, в его памяти оставалась картинка, от которой

он был в восторге.

На миг повисла тишина. Даже ветер в ветвях будто стих, давая словам пространство.

– Но, я так понимаю... – Таймураз слегка склонил голову, и в его голосе прозвучало то ли уважение, то ли тревога, – тебя всё же раскусили?

Он уловил внутри себя неожиданное волнение. В этой девушке было дерзкое умение идти против правил, и он не мог не отметить её силу. Но за этим упрямством чувствовалась и уязвимость. Таймураз не привык позволять себе подобных мыслей, тем более о чужестранцах. «Зачем мне это? Почему я реагирую сильнее, чем следовало бы?» – мелькнуло в его сознании.

– Да. Меня засекала Смотрительница. На следующий день она выпорола меня, несмотря на то, что я сопротивлялась каждый раз при её наказаниях, но с её псами-служниками я не могла справиться, пока они меня держали. Тогда я и решилась на побег, но никого не подговаривала, остальные лишь сами узнали и присоединились к нам с Сэмом.

Таймураз сдержанно выдохнул. В её словах он слышал и боль, и силу, и злость вперемешку с обидой, но в тоже время и отчаяние. «Хрупкая, но упрямая, – подумал он. – Неудивительно, что именно ей удалось дойти до этой Границы, и обнаружить наш Мир».

Он откинул лишние мысли. Разговоров впереди будет ещё много, но сейчас важно принять решение, что делать с ними

далее.

Глава 5

*Свобода – не отсутствие границ, а выбор внутри них.
Дом – не награда, а признание твоего достоинства.*

– Пойдёмте, я покажу вам ваши дома, – Главный поднялся так же неожиданно, как и появился среди них. Голос звучал спокойно, но за этой спокойной силой чувствовалось что-то, что хотелось слушать. – Я не буду вас выгонять, как и сказал, но в нашем Мире тоже есть правила. Не такие, конечно, как в вашем.

Он бросил короткий взгляд на Аланию. Знал, что слово «правила» заденет её. И действительно, в её глазах сразу мелькнуло напряжение. Но, Таймураз, словно предугадывая её реакцию, мягко добавил:

– У нас нет жестокости в законах. Здесь разрешено практически всё, что не нарушает свободу воли других и не угрожает их жизни. Хотите обучиться ремеслу? Ваше желание рассмотрят, и неважно, кем вы были прежде. И да, в нашем Мире нет деления на ранги, сословия или внешние признаки. Каждый житель этого Мира и уникален, и каждый достоин уважения и признания. Потому, мы даём возможности всем.

Люди переглядывались, будто не веря своим ушам.

– Если вам не подойдёт дом, который мы предложим, вы можете обсудить это со Старейшинам Люмирии, и вам найдут другой. Мы хотим, чтобы каждый чувствовал себя в безопасности, раскрывал себя, развивал. Чтобы, завершив жизнь здесь, его Душа поднималась на новый уровень, а не в муках опускалась ещё ниже.

Алания слушала всё, что говорил этот мужчина с открытым ртом. Мысли в голове били о стенки сознания, не находя выхода. *«Неужели такое возможно? Неужели так бывает?»*

– Но... – она всё же решилась спросить. – Какие у вас тогда правила и законы, если здесь всё разрешено?

– Не всё, – поправил Таймураз. – Но многое.

Его голос потемнел, стал более весомым:

– Главное правило – не стирать границы нашего Мира, не ходить туда-сюда между Мирами. Потому что, каждое пересечение делает грань тоньше, а это может обернуться бедой. Не все миры такие же благожелательные, как наш. Есть такие, кто хочет завладеть нашей силой.

Тишина. Люди слушали, затаив дыхание. Сэм сжал губы, обдумывая услышанное.

Алания шагнула смело ближе.

– То есть... вы хотите сказать, что, оказавшись здесь, мы должны прожить в вашем Мире до конца жизни? И не имеем права уйти?

Она понимала разумом, что в этом есть логика. Да... Но...

внутри всё сопротивлялось. Слово «правило» резануло её, будто цепь сомкнулась вокруг сердца. *«Неужели и здесь тоже запреты? Разве свобода всегда с оговорками?»*

За разговорами и собственными мыслями Алания не заметила, как Таймураз вывел их на необыкновенно красивую улочку. Каменная мостовая сияла мягкими оттенками, плитка переливалась всеми цветами радуги, будто каждая грань хранила свет солнца. Шаги по ней отзывались лёгким звоном, и даже через грубые сапоги ощущалась теплая, живая энергия земли. Захотелось их снять, чтобы прочувствовать тепло земли, по которой они идут.

А дома... Какие же красивые дома вокруг... Невозможно было оторвать взгляд.

– Вау, Сэм, ты только посмотри! Тут и хоромы, и рядом маленькие домики, словно для лилипутов. Как такое может быть?!

Голос её звучал одновременно восторженно и недоверчиво. Для них, привыкших к серым улицам и однотипным постройкам, всё это казалось невероятным сном.

Главный лишь улыбался, подозревая, что эти странные люди попали к ним из крайне жестких ограничений, что теперь такие обыденные моменты им кажутся диковинными.

– У нас нет разделений, как я уже и сказал, – спокойно сказал он. – Дома вы выбираете из свободных сами. Большие семьи селятся в хоромах, как вы их назвали, чтобы быть вме-

сте. Те, кто хочет посвятить себя служению или одиночным занятиям, берут малые домики. Но каждый может изменить решение в любой момент, и это не запрещается. Главное соблюдать одно важное правило – не нарушать свободу другого и не пытаться завладеть его волей.

Алания слушала и едва справлялась с нахлынувшими мыслями, которые взрывали её голову. *«То есть... если я сейчас выберу маленький дом, чтобы восстановиться, а потом решу, что хочу большего, я могу попросить?»*

– Да, именно так, – ответил Таймураз, словно уловил её внутренний вопрос. – Если Старейшины увидят, что твое желание не причинит вреда, а рождено из стремления развиваться самой, и нести какую-то ценность и пользу, то конечно же тебе дадут то, что ты просишь.

– Удивительно... – только и смогла выдохнуть она.

Люди вокруг переглядывались, и в их взглядах впервые за долгое время появилось нечто похожее на надежду, но каждый пока ещё пребывал в полном шоке от увиденного, услышанного и того, что они переживают за сегодняшний день.

Алания вдруг осознала, что всё это время слушает его, смотрит в его тёмно-серые глаза с серебристым отливом, и даже не знает его имени. Это было как-то нелепо, человек, от которого веяло силой и спокойной властью, оставался для неё безымянным.

– Простите... – её голос прозвучал тише, чем она сама ожидала. – А как вас зовут?

Он чуть приподнял бровь, словно удивился самому вопросу, но ответил без пафоса, просто и ровно:

– Таймураз.

Имя прозвучало так, будто зазвенело в воздухе, и Алания невольно задержала дыхание. Для Алании оно стало словно ключом – с этим именем открылось не только его присутствие, но и новый пласт её собственного восприятия этого Мира.

Она шагнула дальше и вдруг остановилась с невероятным удивлением, потому что перед ней открылся дом. Безумно красивый, и такой, о котором она мечтала.

Он был словно из её снов. Дом, где Алания могла бы жить, изучала алхимию, превращая неблагородные металлы в благородные, она бы создавала красоту в Мире. На внутреннем взоре предстала картина как она принимает людей, помогает им поверить в себя. Ведь если ей удавалось насылать иллюзии на напыщенных, то и тем, кто сомневается в своих силах, она могла бы вернуть веру, чтобы они больше не сомневались в своих талантах, и решались на смелые действия.

Дом действительно был из самых сказочных её мечт. Большие окна, от самого потолка до пола. При этом, через окно она видела, что пространство словно немного погружено в полутьму, но мягкий свет присутствовал, и полутьма была не угрожающая, а словно укутывающая. В таком доме хотелось просто кутаться в теплое пуховое одеяло, пить го-

рячий чай, и полушёпотом, чтобы не нарушать уюта, беседовать о самом сокровенном.

– Этот дом, видимо, твой, Алания! – Сэм набрался смелости предположить, что раз можно выбирать, он может предположить подруге попросить именно этот дом. Он украдкой взглянул на Таймураза, боясь, что тот нахмурится, но увидел лишь добрую улыбку. Сэм вдохнул глубже, приободрился и добавил: – Давай, Алань, пройди внутрь, посмотри. Если не понравится, всегда можно выбрать другой.

Алания переступила порог... уже своего дома, она чувствовала и знала в глубине души это уже точно. В груди тут же, сразу же сжалось так сильно, что она едва сдержала слёзы, готовые прорваться. Никогда в жизни она не смела даже мечтать, что однажды обретёт собственный дом. Свой. Дом. Её собственный.

«Невероятная девушка», – думал Таймураз, наблюдая за ней. – «Только что, несколько минут назад, в её глазах бушевала злость, потом недоумение, потом она проживала разочарование... и вот уже шок, готовый обернуться слезами от счастья. В ней живёт целая буря чувств и эмоций. Хочу узнать её лучше» – мысль вспыхнула, и тут же растворилась.

– Подождите! – Алания как будто очнулась от наваждения, с новой силой ощутив себя в этом месте, и как будто поняла весь смысл жизни в этом Мире. – Вы хотите сказать, что мы не имеем права уходить из этого Мира, чтобы навещать родных? Что должны приковать себя сюда навечно?! –

и неважно, что и родных то в их Мире Энкаре и не было, даже если и остались родители, но они чисто формально родители, и кроме Сэма у неё нет никого больше.

Для Таймураза это стало ещё одним открытием, он никогда не встречал столь противоречивых людей. В момент здесь и сейчас радуются, как спустя мгновение тут же рвутся протестовать. Словно живут на пересечении «да» и «нет», сами себе ставят ловушки. Ему когда-то рассказывали, что есть Миры, где люди вредят себе собственными же противоречиями. И вот он увидел таких воочию.

– Алания, послушай, – его голос прозвучал спокойно, но твёрдо. – Если мы будем постоянно открывать и закрывать границы между Мирами, то они истончаются. А это опасно, причём для всех нас. Мы те, кто создал Мир, как кто-то может сказать, идеальный для жизни. И мы строим его так, чтобы люди могли жить в гармонии, чувствовать себя спокойно и раскрывать свои силы. А есть Миры, в которых создано всё наоборот, они совершенно иные. Там люди живут не ради себя, а ради прихотей тех, кто их создал. То есть, как в вашем случае. Мы не такие. Поэтому и бережём, и защищаем свои границы. Да, мы не позволяем всем Жителям нашего Мира выходить в другие Миры. Но поверь, мало кто хочет этого сам. И да, они знают о других Мирах, но лишь единицы обучаются переходам. Безопасным переходам. У кого есть предрасположенность к этому. И на это обучение требуются годы, потому что малейшая ошибка, и она привлекает вни-

мание враждебных для нас Миров.

Он сделал паузу, его глаза сверкнули серебристым отливом.

– Ты хочешь наконец познать себя? Увидеть, на что ты способна по-настоящему? Раскрыть свою силу, чтобы наконец стать Собой, а не той, которая лишь прислуживает?

Казалось, этот мужчина бьёт по самому больному, и хотелось лишь соглашаться. Но, внутри что-то клокотало, не давало Алании покоя, всё её нутро не оставляло в покое, и требовало какой-то непонятной справедливости. Какой только? Пока она сама для себя была непонятной противоречивостью. Ведь ей так хотелось свободы, а тут снова ограничения. Тут снова какие-то правила.

Как только Таймураз ушёл, чтобы для остальных людей найти дома, и Алания взяла обещание с самого Создателя этого Мира (хоть она и не знала ещё этого), что он не бросит ни одного и них и каждый из них обретёт свой дом, Алания предложила Сэму пройтись по улочкам этого красивейшего города, осмотреться и перекусить. Ведь они ничего не ели с того момента, как сбежали из своего Мира, кроме скудных перекусов в лесу. И только сейчас Алания ощутила, что желудок вот-вот свернётся в комок, если сейчас не поест что-нибудь. Да и дом хотелось осмотреть уже после того как успокоится всё внутри, чтобы спокойно и с наслаждени-

ем... Знала бы она, с какими чувствами вернётся в него после прогулки, осталась бы сразу тут.

Ни Сэм, ни Алания не знали, куда идти, поэтому решили пойти наугад. В любом случае, кто-то подскажет дорогу обратно, ведь их прибытие в Мир не могло остаться незамеченным, они это точно знали.

– Сэм, как думаешь, всех наших уже определили уже, всем уже нашли дома? Со всеми обошлись по-доброму? – спросила Алания, бросив взгляд на друга. Ведь она пережила за каждого, кто с ними решился на побег, потому что чувствовала ответственность за каждого.

– Алань, ты видела этого Главного, думаешь, он оставит хоть одного человека без крыши над головой? У-ууу, я сильно сомневаюсь, чтобы в этом Мире, похоже, даже слова «бездомный» не знают. – Сэм ухмыльнулся. – Только представь нашего одноглазого бродягу на этих чистых улочках. А он ведь привык ночевать где-то под крышами таверен, и его никакими пряниками не заманишь в чистый дом, хотя бы помыться, он привык уже.

– Ну не-е-ет, Сэм, зачем ты об этом? – Алания уже хохотала, представляя, как тот бедолага ворчит, сидя в идеально чистом доме, с коротко подстриженными волосами и в свежей одежде.

Они шли ещё минут двадцать, и город раскрывался всё больше. Мощёные улочки петляли мягкими дугами, дома сияли витражными окнами, в которых переливался солнечный

свет. Их шаги гулко отдавались по плитке, и даже сквозь грубые сапоги чувствовалось тепло земли.

Алания и Сэм то и дело замирали, то перед витринами с диковинными вещами, то, не стесняясь, заглядывали в окна домов. За стеклом магазинов сияли необычные пряники – целые скульптуры – слон с поднятым хоботом, дом с крышей из сахарной черепицы, дерево, увешанное фруктами.

– Сейчас бы сюда нашу матушку повариху Агрию, – мечтательно сказал Сэм. – Представляешь её лицо, если бы она увидела эти чудеса?

– А если бы мы смогли привести сюда всех наших близких знакомых? – тихо добавил он, с надеждой в голосе. – Ведь этот Мир такой необычный и большой отличие от нашего, что не потеснились бы, если бы ещё несколько человек сюда прибыло.

– Сэм, – Алания приподняла бровь, её голос стал строже. – Ты сейчас серьёзно хочешь спорить с вот этим мужчиной, и я так понимаю, Главным этого Мира? Учитывая, что мы и так ворвались сюда без разрешения?

Она глянула на него испытующе, и Сэм сразу понял, что тему лучше отложить. Но оба знали – вопрос, который застрял в воздухе, ещё вернётся. Сейчас же нужно было решить более насущное – чем они будут платить за еду.

Вот только... «Сэм, а чем мы будем платить за обед? У нас же нет ни единого пятака! Да и не знаем мы, какими валютами в этом Мире расплачиваются...» – только сейчас до

Алании дошло, что без еды могут остаться абсолютно все, кого они привели.

Они остановились у милого заведения, которое светилось мягким теплом, будто само зазывало их войти, чтобы они отведали самых наивкуснейших блюд, которые только имеются там. От окон тянуло ароматом пряностей и свежего хлеба, и даже усталое тело словно оживало.

«И что же делать?» – не успел Сэм додумать эту мысль, как дверь распахнулась, и появился привлекательный низенький человечек.

– Ну и чего вы стоите? – весело заговорил он, хлопая ладонями. – Давайте, заходите! Раз впервые в нашем Мире – милости просим. Вы смелые, чтобы без записи и разрешения ворваться к нам, такое знаете ли не часто бывает. Поэтому, хвала Создателю, многоуважаемый Таймураз наказал ни в чём вам не отказывать, пока не обживётесь да не обустроитесь. Давайте, давайте, чего смущаетесь, будто никогда вежливости не знали! – маленький человечек по-доброму посмеивался над ними, что даже и мысли не возникло обидеться или разозлиться.

Заведение было настолько милым внутри, что страшно было пошевелинуться, чтобы всё не рассыпалось как карточный домик, или как сон. Внутри было ещё прекраснее – светлый просторный зал с деревянными столиками и мягкими креслами, казалось сядешь в них, и утонешь, так и не захочется встать. Окна, как и во многих домах, витражные, не

настолько разноцветные, краски сдержанный, но от этого не менее красивые, все в пастельных тонах, будто убаюкивает.

На каждом столе стояли какие-то маленькие плетёные корзинки: фрукты, ароматные травы, конверты с письмами. Как оказалось потом, хозяин заведения сам подбирал корзину под каждого гостя – чувствовал, какой стол «зовёт» именно его.

– Вот тут присядьте, – предложил он, указывая на уголок у широкого окна. – Вид отсюда чудный, прямо на пруд. Я люблю наблюдать из этого окна за лебедями. Они мои любимцы. Знаете, а ведь лебеди самые преданные птицы. У них если один умирает, то и другой уже не знает жизни. Не говорю уже о каком-то предательстве.

Хозяин вздохнул, понизив голос:

– Слышал я, что есть такие Миры, где предательство у людей – обычное дело. Бр-р-р... Даже думать страшно, как так можно – подставить близкого человека, предать его, отвернуться от него, не говорю уже о том, чтобы ударить в слабое место родного, когда ты о нём всё знаешь...

Сэм с Аланией переглянулись, грустная ухмылка появилась на их лицах, ведь они как раз жили в таком Мире. Знал бы только этот добрый человек, что совсем по соседству существует именно такой Мир, где не только предательство, но и много чего другого творится.

– Что-то я совсем заговорился, давайте присаживайтесь, выбирайте еду, и спрашивайте, если будет что-то непонят-

но. – оживился хозяин и направился к кухне.

Пока милый хозяин пошёл на кухню, Алания и Сэм обменялись взглядами и заглянули в конверт из корзинки. Сэм прочитал вслух, голос его дрогнул:

«Будьте и чувствуйте себя как дома, вам всегда тут рады, даже если где-то вас не принимают и не приветствуют, помните, что Дом – это не место, это то, что Вы чувствуете внутри себя».

Словно тёплой волной прошла благодарность через тело ребят и к хозяину этого заведения, и к Миру в целом. Нигде ещё их не встречали так радушно.

Алания взяла записку из рук Сэма, прочитала ещё раз,, и её пальцы едва заметно задрожали. Мысль пронеслась в голове: *«Неужели это возможно, чтобы дом и еда просто так давалась людям? Не за покорность, не за услужение, не за выживание ценой себя... а потому что ты просто есть?»*

Она вспомнила Энкару. Бесконечное ожидание похвалы, наказания за малейшую ошибку, еду лишь как награду или подачку. Там всё было условием, всё приходилось заслуживать, умолять или хитрить, чтобы не остаться голодным в каком-то из дней. А здесь ей впервые говорили и показывали – дом и хлеб – это не плата, а естественное право.

Эта простая мысль словно треснула внутри неё, как скорлупа, – и из глубины поднялось что-то новое, теплое, щемящее. «Дом – это то, что ты чувствуешь внутри себя» – слова на записке отозвались в её сердце, как заклинание, возвра-

щающее утраченное.

Когда милый мужчина принёс меню, Алании показалось на минуту, что это действительно сон. «*Не может быть так всё прекрасно...*» – подумала она.

Столько диковинных блюд ребята еще не видели, поэтому рассматривая меню, они поглядывали в растерянности, и не понимали, что же им выбрать... Как хорошо, что хозяин заведения заметил их замешательство, и подоспел на помощь, предлагая им самое вкусное и сытное.

Уже пробуя каждое блюдо, друзья настолько были в замешательстве, что не могли поверить – всё это действительно происходит с ними? Никогда ещё они не ели утку под апельсиновым соусом с розмарином и какой-то диковинной приправой, отчего хотелось вылизать тарелку, как в их Мире, когда не доедали. Но сейчас – не от голода, а от восторга вкусовых рецепторов, словно проснувшихся от долгого сна.

А божественный картофель... Боги, кто бы мог подумать, что он способен быть таким нежным и насыщенным, в сметанном соусе с сыром и травами, которые в их Мире просто не выращивали.

Далее был изысканный салат с перепелиными яйцами, орехами, помидорами, которые готовили только для самых богатых гостей в их ублажительном доме. Кто бы только знал, что теперь они будут есть такую пищу просто так, не за какие-то заслуги, а потому что их просто угощают.

– Ты знаешь, Алань, вот ты как хочешь, а я никогда в жизни больше не покину этот Мир. – для Сэма один только обед с этим милым хозяином был уже показатель Мира мечты.

Алания улыбнулась, очень хотела согласиться с другом, и поддержать его радость, но где-то в глубине души она чувствовала нарастающую тревогу. *«Не может же быть всё так просто... так сладко. Где подвох?»* Она привыкла жить в бою, в защите, в постоянном напряжении, а теперь будто весь смысл её борьбы забрали: *«Живи. Наслаждайся. Расслабься»*. Но как? Она так не умела.

Мысли затянули её в водоворот противоречий настолько, что она не заметила прямого взгляда на себя, но... только тело предательски выдало её, отзываясь мурашками, когда почувствовала чей-то взгляд. Она подняла глаза, и встретила тёмно-серебристый взгляд Таймураза. Он смотрел неотрывно, слишком внимательно. От этого по спине пробежал жар. *«Нет. Я не позволю телу править мной. Я воительница. Я должна держать себя в руках...»* – пыталась убедить себя она.

– Вы правильно сделали, что решили осмотреться и пообедать, – голос Таймураза вернул её в реальность. – Я хотел закончить с расселением и вернуться к вам. Но тем и лучше, вам не пришлось ждать. Он сказал это просто, без нажима, но даже хозяин заведения, Руан, по его взгляду сразу понял, что всё будет оплачено и даже с чаевыми. Ведь когда сам Таймураз, что случается ну очень редко, даже в единичных

случаях, подмигнул Руану, это означает лишь одно – Главный обозначил свою позицию во всей этой ситуации.

Алания напряглась ещё больше. *«Что это за Мир, где Хозяева так относятся к своим людям? Смеются вместе, подмигивают... Это ненормально. Или... это я ненормальна, привыкшая к другому?»*

Видя растерянность Сэма и Алании, Таймураз решил предложить им пройтись вместе обратно до дома, и обсудить все насущные вопросы, чтобы не оставалось никаких вопросов, сомнений и страхов относительно проживания в его Мире.

– Руан, как обычно ты знаешь, что делать, всё на мой счёт, и добавь чаевые себе от меня. – Главный Великодушный, как его называл этот милый хозяин милого заведения, отдал распоряжение и весело подмигнул, мол дело всё за мной, не волнуйся.

Алания не могла не заметить этого короткого диалога, и взглядов между Партом и Главным, от чего ещё больше напряглась. Ведь неизвестно, что в их Мире считается нормой, а что нет, и вот как теперь понимать, как теперь приспособиться? Никогда ещё Хозяева в нашем Мире не вели себя так со своими подчинёнными...

– Ты теперь в моём Мире, – негромко произнёс Таймураз, приблизившись к ней сзади так, что дыхание едва коснулось её шеи, когда она выходила из заведения, но остановилась на выходе, чтобы поблагодарить хозяина заведения за столько

вкусное угощение, а вместо этого ощутила всем телом рядом приблизившегося Мужчину. – Привыкай к покою и наслаждению, Алания. Здесь нет боевого поля. Здесь – мой Мир.

Эти слова прозвучали как вызов. В ней боролись страх и странное, почти сладкое желание. *«Я сбежала из одного Мира как воительница... а попала в другой, где я – мышь, а он кот. Бежать? Или позволить поймать?»*

Сделав глубокий вдох, Алания резко поднялась, почти выбегая из заведения, увеличивая расстояние между собой и этим... Великодушным Главным, как его называли жители.

Глава 6

Покой – это не тишина снаружи, а согласие внутри.

Простые мечты – это корни, на которых держится свобода.

Они вышли из заведения втроём. Вечерний город встречал их мягким светом фонарей и огней в окнах домов. День подходил к концу, и в воздухе ощущалось спокойствие, но в голове у Алании было совсем не тихо.

Слова Таймураза до сих пор звучали в её голове, словно струна: «*Ты теперь в моём Мире...*»

– В Люмирии всегда такие вечера? У нас обычно или в тавернах шумно, или тихо так, будто воздух засыпает, боясь разбудить Хозяев Мира.

Таймураз ответил:

– У нас жизнь течёт плавно.

В его голосе чувствовалось спокойствие и какая-то сила.

– Мы не торопимся жить, но и не стоим на месте. Важно ведь, чтобы каждый день оставлял след радости, созидания, благодарности в душе. А иначе ради чего проживать день, который будет оставлять отголоски чего-то неприятного.

– Хм, интересно... – Сэм задумчиво почесал подбороро-

док. – У нас бы на такое сказали, что это «сказки для наивных». А тут у вас будто по-настоящему, мне пока это очень и очень непривычно. – как-то со стеснением сказал он, чтобы вдруг не обидеть Таймураза.

Но Таймураз и не думал обижаться, он даже с улыбкой понимающе махнул головой.

– Ничего, Сэм, вы привыкнете. Да, не просто расслабиться и принять то, что вам не нужно больше защищаться или бороться с кем-то или с чем-то, после вашей то жизни такой. Сколько тебе лет, Сэм?

– Мне 22.

– Нуу, у тебя вся жизнь ещё впереди. Поверь, ты скоро настолько привыкнешь к новой жизни, что будешь потом тоже удивляться тому, что существуют столько жестокие Миры как ваш.

Сэм лишь выдохнул, и почувствовал, что он действительно уже долгое время не мог позволить себе расслабиться, и просто вот так прогуляться по улицам вечернего города, чтобы не оглядываться, а идти спокойно и неспешно, и наслаждаться.

Алания шла рядом, слушала их разговор, но мысли всё время ускользали. Она ловила себя на том, что замечает каждое движение Таймураза. То он идёт чуть впереди, и тогда её дыхание становится свободнее. То вдруг замедляет шаг и оказывается рядом, и тогда по телу прокатывается горячая волна, будто сердце стучит прямо в висках.

– А что насчёт детей? – неожиданно спросила она, чтобы хоть как-то отвлечься. – Как они у вас тут учатся? И учатся ли вообще?

Таймураз повернул к ней голову, и его взгляд задержался дольше, чем нужно. Серебристый отлив в глазах сверкнул в сумраке.

– Конечно же учатся. Но их учат не «как жить», а учат слушать себя, адаптироваться к жизни, узнавать себя, выстраивать здоровые отношения с Миром и людьми вокруг, жить из сердца, а не по указкам кого-то, но при этом уважать старших и в целом саму жизнь. А старшие направляют, помогают им раскрывать таланты. Знаешь, иногда даже ребёнок ведёт за собой целую семью, когда в нём есть что-то, чего нет в их семье, и тогда он, можно сказать, становится открывателем нового направления. У нас это считается естественным.

Алания кивнула, но внутри всё переворачивалось. «Если бы у нас было так... если бы Сэм мог выбирать, а не пахать поля, а я – не прятаться за иллюзиями...»

Сэм по-доброму усмехнулся:

– Ого, значит, тут дети мудрее взрослых? Нам бы такие правила в Энкаре.

Таймураз слегка улыбнулся уголками губ:

– Иногда именно они напоминают нам, что главное, а что совершенно неважно, чтобы из-за этого переживать.

Алания почувствовала, как Таймураз снова оказался ближе, его рука почти коснулась её руки. Она затаила дыхание, а потом поспешно шагнула чуть в сторону, чтобы хоть как-то скрыть смятение. Но тело предательски помнило это ощущение – волна, пробежавшая по коже, никак не отпускала.

И именно в этот момент из соседнего переулка вышли двое жителей, женщина с корзиной фруктов и высокий юноша с книгами под мышкой. Они заметили троицу и улыбнулись так искренне, что Сэм едва не оступился.

– Добрый вечер, Алания и Сэм! – поздоровались очень тепло женщина и юноша, что привело Аланию и Сэма в удивление от того, они знают их имена.

– Вы знаете как нас зовут?

– Конечно, – ответил юноша. – Это же такое событие грандиозное, что впервые кто-то совершил переход сам, и ими оказались вы, люди добрые, а не какие-то враги.

– Пусть Люмирия примет вас так же щедро, как приняла нас когда-то. – искренне пожелала женщина.

– Устроиться будет нетрудно, – подхватил юноша. – Здесь всё создано для того, чтобы человек раскрывался, а не ломался. Добро пожаловать!

Сэм и Алания переглянулись в полном изумлении.

Но ещё больший шок настиг их в следующую секунду. Женщина повернулась к Таймуразу, и её лицо озарилось особенным уважением:

– Добрый вечер вам, Великодушный Создатель. Угощай-

тесью фруктами. – женщина протянула корзинку Таймуразу, а он взял из неё три груши, и протянул по одной Алании и Сэму. – только что собрали в своём саду, урожай в этом году удался на славу.

Таймураз поблагодарил её, тепло прикоснувшись к плечу женщины. Женщина с юношей попрощались, сказав, что им пора идти, пожелали ещё раз хорошего вечера всем, и скрылись в вечерних огнях улицы.

Сэм замер, глаза его округлились:

– Вы... Создатель? – он даже не пытался скрыть потрясение.

Алания ощутила, как холод и жар одновременно пробрали её изнутри. «Создатель... этот мужчина, который так просто говорит с людьми, который то приближается, то отдаляется, играя моими ощущениями... Он не просто житель этого Мира. Он один из тех, кто сам его создал».

Она не находила слов, так же как и Сэм смотрела на него во все глаза. А Таймураз лишь спокойно посмотрел на них обоих, и серебро в его глазах сверкнуло чуть ярче.

– Можешь обращаться ко мне на “ты”. И да, – наконец сказал он негромко, будто подтверждая их молчаливые догадки. – Я один из Создателей этого Мира. Когда-то нас было двое, но мой брат по духу выбрал потом свой путь, ему хотелось создать другой Мир, с иными законами, с иным дыханием. Он ушёл, и я не стал удерживать его. А я остался здесь, и стал не только Создателем, но и Хранителем Люмирии. Моё

дело – беречь этот Мир, сохранять равновесие и покой, чтобы каждый житель мог чувствовать себя в безопасности.

Он чуть улыбнулся, и в этой улыбке было не какое-то величие или гордыня, а простая человечность:

– Потому я рад, что смог приютить вас, Сэм, Алания, и всех тех, кто пришёл с вами. Возможно, именно сейчас вы и нужны этому Миру так же, как он нужен вам.

Сэм сглотнул, стараясь унять дрожь в голосе:

– Я и подумать не мог, что встречу Создателя. И что Создатель может говорить с нами... так. Просто.

– Всё великое просто, понимаешь? – мягко отозвался Таймураз. – Если великое выглядит слишком запутанным, значит, кто-то намеренно усложнил, чтобы скрыть истину. А ведь истинное всегда ясно сердцу и не требует никаких доказательств, никогда. И Миры, точно также как и люди, держатся не на хитрых узлах и правилах, а на доверии. Всё остальное – лишь надстройки.

Алания слушала его с широко распахнутыми глазами, и даже с каким-то замиранием сердца. Мысль о том, что этот мужчина – Создатель, звучала невероятно, но в его словах не было надменности, только простая уверенность и тихая сила.

– Пойдёмте дальше, – сказал он негромко. – Вечер только начинается, но вам нужно отдохнуть. А тебе, Сэм, ещё найти свой дом. Все уже нашли свои дома, остался только ты.

Идти по улочкам Люмирии было легко, мягкий свет вит-

ражных окон, приветливые голоса жителей, запах свежего хлеба и пряностей из ближайших лавок. Всё это было таким живым, что казалось сном.

– А чем бы ты хотел заниматься, Сэм? – вдруг спросил Таймураз. Его голос прозвучал не как допрос, а как искренний интерес.

Сэм пожал плечами, но в глазах мелькнула искра:

– Всегда любил работать руками. Строить, чинить, что-то мастерить. У нас дома всё делалось из-под палки, потому что это нужно было делать, хочешь ты или нет, а здесь... может быть, наконец получится делать это для радости, а не из-за приказов и страха наказания.

Он на миг задумался и добавил:

– А дом я вижу простым. Но с просторным крыльцом, чтобы можно было вечером сидеть и слушать тишину, качаясь в каком-нибудь кресле качалке. – чуть засмеялся Сэм, явно представив себе эту картину, – И с собственной мастерской внутри, где можно работать, возможно даже мастерить что-то на заказ.

– Звучит достойно, – кивнул Таймураз. В его голосе сквозило уважение к простым мечтам, которые на самом деле куда глубже, чем кажутся.

Алания посмотрела на Сэма и впервые за этот вечер улыбнулась. В её душе всё ещё бурлило после всего, что произошло за вечер, но простота мечты Сэма немного возвращала её на землю.

– Думаю, тут как раз так и будет, Сэм – сказала она тихо, но уверенно. – мне бы хотелось, чтобы мы жили неподалёку друг от друга, может быть по соседству, а может чтобы дома на два, три друг от друга, но точно чтобы рядом.

– Да, да, Алань, – поддержал Сэм подругу, и тепло посмотрел на неё.

Таймураз краем глаза наблюдал за ними. Он отмечал их дружескую лёгкость и тепло, и невольно почувствовал укол странного чувства, похожего на ревность. Но, вместе с этим его пронизывало уважение, ведь эти двое прошли через слишком многое, чтобы сейчас не держаться друг за друга.

Они прошли ещё какое-то расстояние, почти уже приблизившись к дому Алании, как вдруг Сэм увидел его, дом.

Он стоял чуть в стороне от других, невысокий, но основательный, с широкой дверью и просторным крыльцом, где легко можно было поставить то самое кресло-качалку и хранить дрова. Стены из гладкого тёплого камня перемежались деревянными балками, что придавало дому суровую надёжность. Окна были не высокие, как у Алании, а приземистые, с деревянными рамами и крепкими ставнями – будто для того, чтобы защитить тепло внутри от любых бурь.

Дом был проще, чем тот, что достался Алании, без изысканных витражей и тонких деталей, но в нём чувствовался уют и сила. Внутри угадывалось просторное помещение, где можно было работать руками, мастерить, чинить, а вечерами отдыхать у камина, сидя в крепком кресле с кружкой горя-

чего напитка. Всё в этом доме словно говорило: «Здесь надёжность. Здесь можно быть самим собой».

– Вот этот, – Сэм почти не сомневался. Но всё же спросил: – Он свободен? Вроде как кажется нежилым.

Таймураз кивнул, подтверждая, что дом пока пустой и никто в нём не живёт.

– Алань, смотри, прям почти рядом с тобой, три дома от тебя! – Сэм чуть ли не прыгал от радости, так его захватила мысль о собственном доме.

Алания улыбнулась – редкой, искренней улыбкой, которую Сэм знал с детства. В её взгляде была и радость за друга, и облегчение, что они будут рядом, и благодарность за то, что в этом мире им не придётся теряться.

Таймураз молчал, а внутри становилось удивительно тепло. Он видел, как между ними течёт та самая простая, настоящая близость – без договоров и клятв, без обязательств и условий. Она напоминала корни, которые невидимые, но прочные, они питают жизнь изнутри. И в эту минуту он точно понимал, что именно такие связи и делают мир живым.

– Теперь он твой, Сэм. Я тебя поздравляю с твоим новым домом. И я рад, что теперь и Люмирия знает такого искреннего человека, как ты. Теперь не только этот дом – твой дом, и сам этот Мир Люмирия – отныне твой дом.

Сэм растерялся от таких искренних слов Таймураза, что не знал как себя повести. Таймураз же не растерялся, протянул руку Сэму, и по отцовски сначала пожал руку Сэма, а

потом слегка приобнял его, как бы дав почувствовать, что и Сэм может чувствовать себя в безопасности, и наслаждаться своей жизнью.

Они простились с Сэмом и двинулись дальше, теперь только вдвоём.

Вечернее небо темнело, и над городом загорались звёзды. Таймураз шёл рядом с Аланией, и между ними повисло как будто немного напряжённое молчание. Казалось, даже воздух искрил, когда их плечи случайно коснулись друг друга.

– Спасибо... за дом, – первой заговорила Алания, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Это не я, – мягко ответил Таймураз. – Это твой выбор привёл тебя именно сюда. Я лишь проводник.

Они остановились у двери её нового дома. На мгновение взгляды встретились, и время словно замерло. Слишком близко, слишком долго. В воздухе будто вспыхнули искры.

– Ты весь вечер как будто напряжённая. Хорошо себя чувствуешь? – Таймураз произнёс слова мягко, но в голосе прозвучала хрипотца, которой он не ожидал от себя самого. Ему показалось, что в этот миг она дышит слишком близко, а её взгляд касается сильнее любого прикосновения. И именно сейчас он чувствовал как присутствие этой девушки рядом с ним влияет на него.

Алания открыла рот, чтобы ответить, но слова не спешили рождаться. Она чувствовала, что его присутствие накрывает её волной, будто весь мир сжался до этого узкого простран-

ства между ними. Её тело предательски отзывалось тем, что каждая клетка будто знала, что этот мужчина опасен... но именно поэтому он так притягателен.

На секунду ей показалось, что стоит только шагнуть, и она окажется внутри силы, которая пугает и манит одновременно.

Так ничего и не сказав, Алания просто робко махнула головой.

Таймураз ещё с минуту смотрел на неё внимательным взглядом, не в силах отвести его от красивого лица Алании, хотя сознание уже отбивало миллионами молоточков, что пора уходить, нельзя больше оставаться рядом с этой девушкой, иначе быть беде.

«Опасность приходит не всегда снаружи... иногда она рождается в сердце», – мелькнула мысль, и от этого стало ещё тревожнее.

– Спокойной ночи, Алания, – сказал он тихо, и его голос прозвучал ниже обычного, почти интимно.

Она вдохнула так глубоко, словно вдыхала не воздух, а его присутствие. Но, собравшись, лишь кивнула и поспешила скрыться за дверью.

Таймураз остался снаружи, глядя на тёплый свет её окон. Внутри него смешивались чувства, которых он давно не испытывал, и которые казались опаснее любого врага.

Глава 7

Иногда самое страшное – не удары и крики. Самое страшное – порой тишина, в которой впервые слышишь себя.

Алания закрыла за собой дверь и на мгновение прислонилась к ней спиной, ей как будто хотелось отсечь весь мир снаружи от себя. Но, отрезать ауру Таймураза не получалось, она всё ещё оставалась в её коже, в дыхании, в сердце.

«Слабачка!» – зло подумала она о себе. Слабачка, потому что позволила этому мужчине приблизиться так близко, что дыхание его коснулось её шеи. Слабачка, потому что её тело всё ещё помнило это невидимое прикосновение его поля.

Мысли взрывали её голову.

“Стоп! Хватит думать об этом, я слишком устала, надо обследовать дом, я же даже не познакомилась с моим личным пространством. Моим...” – подумала Алания, и резко прекратила все эти мысли, приказав и уму, и телу замолчать.

Она посмотрела в глубину, и восторг взорвался внутри неё. Каждая деталь будто была создана именно для неё: светлые стены, мягкий пол, окна от пола до потолка. Дом не был просто местом, он был её мечтой, обрётённой вдруг, неожиданно, как подарок судьбы.

Алания задержалась в коридоре, провела ладонью по гладкой поверхности стены и впервые за долгое время позволила себе тихую улыбку.

– Ну что ж... давай знакомиться, мой дом, – сказала она вслух, словно дом мог её услышать.

Дом – это не стены. Дом – это дыхание, которое встречает тебя изнутри – (Алания)

Алания шагнула дальше внутрь и остановилась, как поражённая. Просторный холл вывел её в главное сердце дома – огромную кухню-гостиную. Высокие потолки с открытыми балками уходили вверх, складывалось такое ощущение, что само пространство расправляло крылья. А сквозь широкие окна заливался закатный свет, и всё сияло мягким золотом.

Глаза разбегались, она просто не знала на что смотрела, и чем восхищаться. Длинный деревянный стол, уставленный вазами с цветами, словно ждал гостей. Диваны с мягкими подушками обещали уют долгих разговоров. У камина из светлого камня хотелось остановиться, закутаться в плед и слушать, как потрескивает огонь.

Кухня сияла белыми шкафами, а над широким островом висели лампы – их тёплый свет будто специально подсвечивал, что здесь будет не просто готовка, а ритуал, праздник вкусов и запахов. Барные стулья у стойки намекали на то, что в будущем тут будут проходить вечера с друзьями, а рядом уже стояли плетёные корзины с фруктами.

Алания шла очень медленно, потому что просто боялась

спугнуть это чудо. Запах дерева, цветов и пряностей вплелся в дыхание. Каждая деталь будто знала её, как она любит свет, как тоскует по теплу, как нуждается в простоте, за которой скрывается настоящее богатство.

Она толкнула первую дверь, и перед её глазами открылось пространство, от которого на миг перехватило дыхание.

Тёплое дерево обнимало комнату со всех сторон – стены, потолок и пол были словно выточены из цельного массива. Воздух пах смолой и сухими травами, они напоминали утро в сосновом лесу после дождя. А свет спускался не сверху, а от мягких ламп в деревянных плафонах, и их тёплое сияние будто замедляло время.

В углу стояла широкая лавка, на ней лежали аккуратно свёрнутые полотенца, рядом – корзина с ароматными травами. Из неё тянулся запах полыни и зверобоя, сухой, тёплый, и такой успокаивающий. Алания вдохнула глубже, и впервые за долгое время почувствовала, как её тело расслабляется. И так это оказалось непривычным для неё.

Чуть дальше была дверь, ведущая в сауну. Сквозь стеклянное окошко виднелись ровные полки из светлого дерева, мягкий свет ламп и камни, сложенные так, будто ждали, когда их залыют водой. Всё пространство выглядело так, словно кто-то заранее знал, что Алании действительно нужно место, где можно согреть тело и душу, и очистить мысли.

Но настоящим откровением для неё оказалось соседнее помещение. Душевая, стены которой были выложены гру-

бым камнем, а напротив распахнулось огромное окно. За ним были настоящие... Настоящие живые заросли тропических растений, и оттуда в комнату врвался свет. Сквозь зелень падал водопад, тонкие нити воды стекали вниз, словно сама природа протянула руку внутрь её дома, и приглашал её коснуться воды.

Что Алания и сделала, она шагнула ближе. Под пальцами – прохладный камень, под кожей – дрожь. Она коснулась падающей воды кончиками пальцев и вздрогнула, это было так живо, так реально, так ощутимо для неё, будто сам Мир заботился о ней, смывая следы усталости и боли.

Как тут же вдруг в груди что-то ёкнуло непривычно, и появилась новая, непривычная мысль:

«Здесь я могу быть не воительницей... а женщиной».

Алания прошла дальше, и её шаги вывели в просторную гостиную-зону отдыха. Высокие панорамные окна открывали вид на лес, и закатный свет мог легко попадать в помещение, скользить по мебели, превращая обычные вещи во что-то очень драгоценное. Тёплые лучи ложились на мягкие диваны и ковры, вспыхивали в зелени живых растений, пробегали по книжным полкам. Низкие столики были уставлены книгами, свечами и вазами с цветами, и всё это вместе создавало атмосферу, в которой время будто теряло смысл. Это было место для тишины, для разговоров шёпотом или для смеха до слёз, место, которое принимало любое её настроение. Она уже видела себя с друзьями тут, и в тоже вре-

мя одну в этом уютном местечке.

И тут она заметила ещё одну дверь. Потянув за ручку, Алания замерла на пороге, и просто забыла как дышать. Её встретила мастерская. Просторное помещение дышало творчеством. Столы с широкими поверхностями, полки до потолка, сотни аккуратно разложенных кистей, красок, инструментов. Здесь царил такой невероятно уютный порядок. Но, в тоже время, это был не холодный порядок, а такой, в котором каждая вещь заняла своё место. И все эти инструменты как будто ждали, когда их возьмут в руки. И снова большой панорамное. А стены были уставлены пустыми холстами. Алания невольно снова задержала дыхание. Она не знала, откуда пришло это чувство, но ей показалось, что именно здесь она сможет раскрыть в себе то, о чём раньше даже не догадывалась.

Последним её шаги привели во внутренний дворик. И это стало ещё более новым откровением. Под крытым навесом мягко горел камин, рядом стояли диваны и кресла, так и хочется в них утонуть и расслабиться. В центре дворика журчала вода в бассейне, то гладкая, словно зеркало, то играющая рябью от лёгкого ветерка. Каменные дорожки вели к тенистым уголкам сада, где среди зелени и цветов можно было укрыться в тишине. Воздух здесь был наполнен запахом трав и древесной свежести, и всё пространство дышало гармонией, той, которая редка и всегда узнаётся сердцем сразу.

Алания стояла на пороге, вбирая в себя каждую деталь.

Этот дом был не просто домом. Он был зеркалом её самой. Именно той, какой она могла бы стать, если бы позволила себе перестать бороться.

А ещё у неё оставался второй этаж. “И если на первом этаже я уже прям переполнена такими впечатлениями, то что же будет на втором этаже?” – с замиранием подумала Алания и медленно пошла наверх.

Она коснулась резного перила лестницы. Под пальцами ощутила гладкое тёплое дерево, каждый её шаг мягко отзывался в ковре.

Первой комнатой оказалась гардеробная. Алания остановилась на пороге, поражённая тишиной уюта. Здесь было продумано абсолютно всё – ровные линии полок, корзины с аккуратно свёрнутыми пледами, светильники в золотых абажурах, отбрасывающие мягкое сияние. В воздухе витал запах сушёных трав и дерева. Каждая вешалка с одеждой выглядела так, как будто кто-то уже позаботился и приготовил всё, чтобы новый хозяин или хозяйка просто дали дом своим вещам. “Не просто вещи. Это история моих будущих дней...” – мелькнула мысль.

Дальше её ждала ванная комната. Воздух внутри был наполнен прохладной свежестью, каменные стены сохраняли ощущение вечности, а тёплый пол под ногами дарил покой. И снова огромное окно открывало вид на лес, ветви сосен касались неба, и казалось, что сама ванна у окна зовёт забыть, погрузиться в воду и слушать дыхание мира. Алания

закрыла глаза и тихо улыбнулась. Как же ей всё это нравилось, она явно чем-то заслужило такой дом, а может сами Распределители наконец её услышали, и решили подарить ей покой.

Затем она вошла в свою спальню. Просторная, наполненная мягким светом и запахом свежести. Белое покрывало на кровати выглядело как пушистое облако. Лёгкие занавески колыхались от ветерка, в кресле у окна так и хотелось устроиться с книгой. Но под всей этой нежностью было ещё нечто глубже, стены дышали силой, они точно знали, что именно здесь ей придётся встретиться с самой собой и вырасти в новую.

Напротив находилась комната для гостей. Более строгая, каменный камин добавлял основательности, но и здесь чувствовался уют. Это была комната принятия, здесь мог бы отдохнуть любой, кто переступит порог и решит остаться в гостях у Алании. Она вдруг задумалась: “Интересно, кто станет первым гостем в моём доме?”, и сердце почему-то тут же отозвалось лёгким волнением.

И наконец, последняя дверь. Алания толкнула её и замерла. Перед ней открылась библиотека. Огромные стеллажи уходили ввысь, книги будто дышали в полумраке, шёпотом перелистывая страницы. Зелёные побеги растений вились по полкам, а мягкие диваны и подушки показывали, что ждут своего часа, когда кто-то устроится в них с книгой в руках, и погрузится в какую-нибудь интересную историю. Здесь вре-

мя растворялось, оставляя лишь дыхание слов и тишину.

Алания сделала несколько шагов внутрь, провела ладонью по корешку книги. В груди что-то щёлкнуло, словно дом заговорил с ней тихим голосом:

«Ты дома, Алания. И здесь начнётся новая глава твоей истории».

Она пошла в свою комнату, поняв, что ей нужно поспать, чтобы свыкнуться с мыслями о том, что больше ей не нужно бороться, и можно просто спокойно жить. Спокойно. Но... Чем дольше Алания вслушивалась в тишину, тем оглушительнее эта тишина становилась. Слишком тихо. Слишком непривычная. Слишком... В этой тишине не было ни криков Хозяев, ни топота их слуг, ни свиста плётки. Тишина наваливалась на неё, как тяжёлое одеяло, от которого нельзя отмахнуться.

И вдруг... Вспышка, воспоминание, ещё одна вспышка и следующее воспоминание. Настолько быстро ворвалось всё это в её голову, что Алания даже чуть потерялась в пространстве. Голоса из прошлого, резкие, хлёсткие, будто пронзают ее насквозь. Тяжёлые шаги за дверью, ощущение страха, что её выволокут за волосы. Воспоминания о наказаниях, унижении, вечной готовности к бою. И сейчас – вся эта чистая, доброжелательная тишина. Слишком резкий контраст. Слишком невыносимо.

Алания резко осела на пол, сжалась в комок, прижала колени к груди, закрыв голову руками. Воздух стал вязким,

будто его не хватало. Паника захлестнула её целиком. Дышать стало тяжело, словно воздух кончился. Грудь сжималась, сердце колотилось так, будто хотело вырваться наружу. Слезы жгли глаза.

«Я не знаю, как жить в Мире, где нет борьбы...» – отчаянно пронеслась мысль в голове.

Минуты тянулись вечностью. Мысли взрывались вспышками всё сильнее и сильнее, крик, удар, чужая рука, тьма. Словно всё это происходило здесь и сейчас, с ней наяву. Но, когда ладонь случайно коснулась холодного пола, в тело пробился первый глубокий вдох. Камень, гладкий и прохладный, помог ей, он отрезал её от прошлого. Она ухватилась за это ощущение как за спасательный круг.

Пошатываясь, Алания поднялась. Её колени слегка дрожали, но она преодолев слабость насколько могла быстро спустилась по лестнице. Ей срочно нужен свежий воздух. Алания пошла во внутренний двор.

Выйдя туда, свежий ночной воздух наполнил её легкие, она чуть не заплакала от облегчения. Так она стояла у двери, снова и снова вдыхая воздух, пока дыхание не стало спокойным и ровным. Холодный воздух всё-таки всегда приносил ей ясность. И вместе с этой ясностью – пугающее, но яркое понимание... Этот Мир и этот мужчина будут испытывать её так, как не испытывал никто.

Алания опустилась на диван, забралась в самый угол и подтянула колени к груди. Обняла их руками, и уткнулась

лбом в согнутые руки. В этой сжатой позе, почти детской, наконец к ней пришло ощущение безопасности. Было такое чувство, что сгруппировавшись, она собрала себя обратно из осколков, и тело немного расслабилось, дыхание стало ровнее, но с этим дыханием начали рождаться мысли.

«Я не знаю, как жить в тишине, она пугает меня больше, чем крики, удары плёткой, наказания. Там, в клетке, я всегда знала все правила, и закон был один для всех – сопротивляйся или умри. Здесь же нет таких жёстких правил. Здесь свобода... Но, как жить в ней, в этой свободе, если всё во мне до сих пор ищет стену, от которой можно оттолкнуться?»

Она подняла голову, посмотрела на мягкий свет фонаря в саду и чуть слышно снова шепнула:

– Я не знаю, как жить в мире, где не нужно бороться... – как же ей хотелось, чтобы сейчас кто-то сильный просто был с ней рядом, и сказал, что всё хорошо, я рядом, ты можешь расслабиться и не бояться потеряться в этой свободе.

Перед внутренним взором сразу вспыхнули его глаза – серо-серебристые, строгие такие, но в то же время мудрые, в которых можно было утонуть. Таймураз. Удивительный Мир, возникло ощущение, что само его присутствие проникло сюда, в эту тишину.

«Ты...» – мысль перешла в голос, тихий, почти неслышимый. – «Ты пугаешь меня больше, чем мои палачи, Великодушный ты Создатель». – почему-то эти слова Алания произнесла даже с каким-то раздражением, – «Они хотели толь-

ко сломать меня. А ты заставляешь оживать. И это опаснее всего... Потому что живое всегда уязвимо.»

Она обняла ноги сильнее, уткнулась щекой в колени, словно искала защиты в самой себе.

«Ты воплощение силы. Ты создал этот мир, держал его веками, я это чувствую и понимаю. И всё же... я вижу, как рядом со мной твоя броня трескается. Я чувствую, что ты боишься этого так же, как я. Но почему? Почему именно я вызываю в тебе этот разлад? Может быть, потому что сама я и есть разлад? Потому что, всю жизнь я была лишь искрой среди тьмы, а рядом с тобой эта искра становится пламенем? Может быть, потому что именно во мне твой порядок находит трещину?»

Губы дрогнули в новой еле слышимой фразе:

– Я боюсь тебя, Таймураз... потому что, хочу верить тебе.

Она глубоко вдохнула ночной воздух, позволив плечам немного расслабиться. Её шёпот растворился в этой ночи, и в тот же миг что-то тихо откликнулось рядом, листья в саду зашелестели без ветра, где-то вдалеке прозвенела непонятная едва слышная металлическая нота, сам Мир подал ей знак, он услышал её признание, она это точно поняла.

Алания чуть вздрогнула, но это не испугало её. Наоборот, ей стало спокойнее, и она сменила позу, из сидячей медленно перекатилась на бок, всё так же свернувшись калачиком и обнимая себя. И незаметно для самой себя уснула, оставив ночи хранить её дыхание.

Глава 8

Иногда самое страшное – не удары и крики. Самое страшное – порой тишина, в которой впервые слышишь себя.

Алания закрыла за собой дверь и на мгновение прислонилась к ней спиной, ей как будто хотелось отсечь весь мир снаружи от себя. Но, отрезать ауру Таймураза не получалось, она всё ещё оставалась в её коже, в дыхании, в сердце.

«Слабачка!» – зло подумала она о себе. Слабачка, потому что позволила этому мужчине приблизиться так близко, что дыхание его коснулось её шеи. Слабачка, потому что её тело всё ещё помнило это невидимое прикосновение его поля.

Мысли взрывали её голову.

“Стоп! Хватит думать об этом, я слишком устала, надо обследовать дом, я же даже не познакомилась с моим личным пространством. Моим...” – подумала Алания, и резко прекратила все эти мысли, приказав и уму, и телу замолчать.

Она посмотрела в глубину, и восторг взорвался внутри неё. Каждая деталь будто была создана именно для неё: светлые стены, мягкий пол, окна от пола до потолка. Дом не был просто местом, он был её мечтой, обрётённой вдруг, неожиданно, как подарок судьбы.

Алания задержалась в коридоре, провела ладонью по гладкой поверхности стены и впервые за долгое время позволила себе тихую улыбку.

– Ну что ж... давай знакомиться, мой дом, – сказала она вслух, словно дом мог её услышать.

Дом – это не стены. Дом – это дыхание, которое встречает тебя изнутри – (Алания)

Алания шагнула дальше внутрь и остановилась, как поражённая. Просторный холл вывел её в главное сердце дома – огромную кухню-гостиную. Высокие потолки с открытыми балками уходили вверх, складывалось такое ощущение, что само пространство расправляло крылья. А сквозь широкие окна заливался закатный свет, и всё сияло мягким золотом.

Глаза разбегались, она просто не знала на что смотрела, и чем восхищаться. Длинный деревянный стол, уставленный вазами с цветами, словно ждал гостей. Диваны с мягкими подушками обещали уют долгих разговоров. У камина из светлого камня хотелось остановиться, закутаться в плед и слушать, как потрескивает огонь.

Кухня сияла белыми шкафами, а над широким островом висели лампы – их тёплый свет будто специально подсвечивал, что здесь будет не просто готовка, а ритуал, праздник вкусов и запахов. Барные стулья у стойки намекали на то, что в будущем тут будут проходить вечера с друзьями, а рядом уже стояли плетёные корзины с фруктами.

Алания шла очень медленно, потому что просто боялась

спугнуть это чудо. Запах дерева, цветов и пряностей вплелся в дыхание. Каждая деталь будто знала её, как она любит свет, как тоскует по теплу, как нуждается в простоте, за которой скрывается настоящее богатство.

Она толкнула первую дверь, и перед её глазами открылось пространство, от которого на миг перехватило дыхание.

Тёплое дерево обнимало комнату со всех сторон – стены, потолок и пол были словно выточены из цельного массива. Воздух пах смолой и сухими травами, они напоминали утро в сосновом лесу после дождя. А свет спускался не сверху, а от мягких ламп в деревянных плафонах, и их тёплое сияние будто замедляло время.

В углу стояла широкая лавка, на ней лежали аккуратно свёрнутые полотенца, рядом – корзина с ароматными травами. Из неё тянулся запах полыни и зверобоя, сухой, тёплый, и такой успокаивающий. Алания вдохнула глубже, и впервые за долгое время почувствовала, как её тело расслабляется. И так это оказалось непривычным для неё.

Чуть дальше была дверь, ведущая в сауну. Сквозь стеклянное окошко виднелись ровные полки из светлого дерева, мягкий свет ламп и камни, сложенные так, будто ждали, когда их залыют водой. Всё пространство выглядело так, словно кто-то заранее знал, что Алании действительно нужно место, где можно согреть тело и душу, и очистить мысли.

Но настоящим откровением для неё оказалось соседнее помещение. Душевая, стены которой были выложены гру-

бым камнем, а напротив распахнулось огромное окно. За ним были настоящие... Настоящие живые заросли тропических растений, и оттуда в комнату врвался свет. Сквозь зелень падал водопад, тонкие нити воды стекали вниз, словно сама природа протянула руку внутрь её дома, и приглашал её коснуться воды.

Что Алания и сделала, она шагнула ближе. Под пальцами – прохладный камень, под кожей – дрожь. Она коснулась падающей воды кончиками пальцев и вздрогнула, это было так живо, так реально, так ощутимо для неё, будто сам Мир заботился о ней, смывая следы усталости и боли.

Как тут же вдруг в груди что-то ёкнуло непривычно, и появилась новая, непривычная мысль:

«Здесь я могу быть не воительницей... а женщиной».

Алания прошла дальше, и её шаги вывели в просторную гостиную-зону отдыха. Высокие панорамные окна открывали вид на лес, и закатный свет мог легко попадать в помещение, скользить по мебели, превращая обычные вещи во что-то очень драгоценное. Тёплые лучи ложились на мягкие диваны и ковры, вспыхивали в зелени живых растений, пробегали по книжным полкам. Низкие столики были уставлены книгами, свечами и вазами с цветами, и всё это вместе создавало атмосферу, в которой время будто теряло смысл. Это было место для тишины, для разговоров шёпотом или для смеха до слёз, место, которое принимало любое её настроение. Она уже видела себя с друзьями тут, и в тоже вре-

мя одну в этом уютном местечке.

И тут она заметила ещё одну дверь. Потянув за ручку, Алания замерла на пороге, и просто забыла как дышать. Её встретила мастерская. Просторное помещение дышало творчеством. Столы с широкими поверхностями, полки до потолка, сотни аккуратно разложенных кистей, красок, инструментов. Здесь царил такой невероятно уютный порядок. Но, в тоже время, это был не холодный порядок, а такой, в котором каждая вещь заняла своё место. И все эти инструменты как будто ждали, когда их возьмут в руки. И снова большой панорамное. А стены были уставлены пустыми холстами. Алания невольно снова задержала дыхание. Она не знала, откуда пришло это чувство, но ей показалось, что именно здесь она сможет раскрыть в себе то, о чём раньше даже не догадывалась.

Последним её шаги привели во внутренний дворик. И это стало ещё более новым откровением. Под крытым навесом мягко горел камин, рядом стояли диваны и кресла, так и хочется в них утонуть и расслабиться. В центре дворика журчала вода в бассейне, то гладкая, словно зеркало, то играющая рябью от лёгкого ветерка. Каменные дорожки вели к тенистым уголкам сада, где среди зелени и цветов можно было укрыться в тишине. Воздух здесь был наполнен запахом трав и древесной свежести, и всё пространство дышало гармонией, той, которая редка и всегда узнаётся сердцем сразу.

Алания стояла на пороге, вбирая в себя каждую деталь.

Этот дом был не просто домом. Он был зеркалом её самой. Именно той, какой она могла бы стать, если бы позволила себе перестать бороться.

А ещё у неё оставался второй этаж. “И если на первом этаже я уже прям переполнена такими впечатлениями, то что же будет на втором этаже?” – с замиранием подумала Алания и медленно пошла наверх.

Она коснулась резного перила лестницы. Под пальцами ощутила гладкое тёплое дерево, каждый её шаг мягко отзывался в ковре.

Первой комнатой оказалась гардеробная. Алания остановилась на пороге, поражённая тишиной уюта. Здесь было продумано абсолютно всё – ровные линии полок, корзины с аккуратно свёрнутыми пледами, светильники в золотых абажурах, отбрасывающие мягкое сияние. В воздухе витал запах сушёных трав и дерева. Каждая вешалка с одеждой выглядела так, как будто кто-то уже позаботился и приготовил всё, чтобы новый хозяин или хозяйка просто дали дом своим вещам. “Не просто вещи. Это история моих будущих дней...” – мелькнула мысль.

Дальше её ждала ванная комната. Воздух внутри был наполнен прохладной свежестью, каменные стены сохраняли ощущение вечности, а тёплый пол под ногами дарил покой. И снова огромное окно открывало вид на лес, ветви сосен касались неба, и казалось, что сама ванна у окна зовёт забыть, погрузиться в воду и слушать дыхание мира. Алания

закрыла глаза и тихо улыбнулась. Как же ей всё это нравилось, она явно чем-то заслужило такой дом, а может сами Распределители наконец её услышали, и решили подарить ей покой.

Затем она вошла в свою спальню. Просторная, наполненная мягким светом и запахом свежести. Белое покрывало на кровати выглядело как пушистое облако. Лёгкие занавески колыхались от ветерка, в кресле у окна так и хотелось устроиться с книгой. Но под всей этой нежностью было ещё нечто глубже, стены дышали силой, они точно знали, что именно здесь ей придётся встретиться с самой собой и вырасти в новую.

Напротив находилась комната для гостей. Более строгая, каменный камин добавлял основательности, но и здесь чувствовался уют. Это была комната принятия, здесь мог бы отдохнуть любой, кто переступит порог и решит остаться в гостях у Алании. Она вдруг задумалась: “Интересно, кто станет первым гостем в моём доме?”, и сердце почему-то тут же отозвалось лёгким волнением.

И наконец, последняя дверь. Алания толкнула её и замерла. Перед ней открылась библиотека. Огромные стеллажи уходили ввысь, книги будто дышали в полумраке, шёпотом перелистывая страницы. Зелёные побеги растений вились по полкам, а мягкие диваны и подушки показывали, что ждут своего часа, когда кто-то устроится в них с книгой в руках, и погрузится в какую-нибудь интересную историю. Здесь вре-

мя растворялось, оставляя лишь дыхание слов и тишину.

Алания сделала несколько шагов внутрь, провела ладонью по корешку книги. В груди что-то щёлкнуло, словно дом заговорил с ней тихим голосом:

«Ты дома, Алания. И здесь начнётся новая глава твоей истории».

Она пошла в свою комнату, поняв, что ей нужно поспать, чтобы свыкнуться с мыслями о том, что больше ей не нужно бороться, и можно просто спокойно жить. Спокойно. Но... Чем дольше Алания вслушивалась в тишину, тем оглушительнее эта тишина становилась. Слишком тихо. Слишком непривычная. Слишком... В этой тишине не было ни криков Хозяев, ни топота их слуг, ни свиста плётки. Тишина наваливалась на неё, как тяжёлое одеяло, от которого нельзя отмахнуться.

И вдруг... Вспышка, воспоминание, ещё одна вспышка и следующее воспоминание. Настолько быстро ворвалось всё это в её голову, что Алания даже чуть потерялась в пространстве. Голоса из прошлого, резкие, хлёсткие, будто пронзают ее насквозь. Тяжёлые шаги за дверью, ощущение страха, что её выволокут за волосы. Воспоминания о наказаниях, унижении, вечной готовности к бою. И сейчас – вся эта чистая, доброжелательная тишина. Слишком резкий контраст. Слишком невыносимо.

Алания резко осела на пол, сжалась в комок, прижала колени к груди, закрыв голову руками. Воздух стал вязким,

будто его не хватало. Паника захлестнула её целиком. Дышать стало тяжело, словно воздух кончился. Грудь сжималась, сердце колотилось так, будто хотело вырваться наружу. Слезы жгли глаза.

«Я не знаю, как жить в Мире, где нет борьбы...» – отчаянно пронеслась мысль в голове.

Минуты тянулись вечностью. Мысли взрывались вспышками всё сильнее и сильнее, крик, удар, чужая рука, тьма. Словно всё это происходило здесь и сейчас, с ней наяву. Но, когда ладонь случайно коснулась холодного пола, в тело пробился первый глубокий вдох. Камень, гладкий и прохладный, помог ей, он отрезал её от прошлого. Она ухватилась за это ощущение как за спасательный круг.

Пошатываясь, Алания поднялась. Её колени слегка дрожали, но она преодолев слабость насколько могла быстро спустилась по лестнице. Ей срочно нужен свежий воздух. Алания пошла во внутренний двор.

Выйдя туда, свежий ночной воздух наполнил её легкие, она чуть не заплакала от облегчения. Так она стояла у двери, снова и снова вдыхая воздух, пока дыхание не стало спокойным и ровным. Холодный воздух всё-таки всегда приносил ей ясность. И вместе с этой ясностью – пугающее, но яркое понимание... Этот Мир и этот мужчина будут испытывать её так, как не испытывал никто.

Алания опустилась на диван, забралась в самый угол и подтянула колени к груди. Обняла их руками, и уткнулась

лбом в согнутые руки. В этой сжатой позе, почти детской, наконец к ней пришло ощущение безопасности. Было такое чувство, что сгруппировавшись, она собрала себя обратно из осколков, и тело немного расслабилось, дыхание стало ровнее, но с этим дыханием начали рождаться мысли.

«Я не знаю, как жить в тишине, она пугает меня больше, чем крики, удары плёткой, наказания. Там, в клетке, я всегда знала все правила, и закон был один для всех – сопротивляйся или умри. Здесь же нет таких жёстких правил. Здесь свобода... Но, как жить в ней, в этой свободе, если всё во мне до сих пор ищет стену, от которой можно оттолкнуться?»

Она подняла голову, посмотрела на мягкий свет фонаря в саду и чуть слышно снова шепнула:

– Я не знаю, как жить в мире, где не нужно бороться... – как же ей хотелось, чтобы сейчас кто-то сильный просто был с ней рядом, и сказал, что всё хорошо, я рядом, ты можешь расслабиться и не бояться потеряться в этой свободе.

Перед внутренним взором сразу вспыхнули его глаза – серо-серебристые, строгие такие, но в то же время мудрые, в которых можно было утонуть. Таймураз. Удивительный Мир, возникло ощущение, что само его присутствие проникло сюда, в эту тишину.

«Ты...» – мысль перешла в голос, тихий, почти неслышимый. – «Ты пугаешь меня больше, чем мои палачи, Великодушный ты Создатель». – почему-то эти слова Алания пронесла даже с каким-то раздражением, – «Они хотели толь-

ко сломать меня. А ты заставляешь оживать. И это опаснее всего... Потому что живое всегда уязвимо.»

Она обняла ноги сильнее, уткнулась щекой в колени, словно искала защиты в самой себе.

«Ты воплощение силы. Ты создал этот мир, держал его веками, я это чувствую и понимаю. И всё же... я вижу, как рядом со мной твоя броня трескается. Я чувствую, что ты боишься этого так же, как я. Но почему? Почему именно я вызываю в тебе этот разлад? Может быть, потому что сама я и есть разлад? Потому что, всю жизнь я была лишь искрой среди тьмы, а рядом с тобой эта искра становится пламенем? Может быть, потому что именно во мне твой порядок находит трещину?»

Губы дрогнули в новой еле слышимой фразе:

– Я боюсь тебя, Таймураз... потому что, хочу верить тебе.

Она глубоко вдохнула ночной воздух, позволив плечам немного расслабиться. Её шёпот растворился в этой ночи, и в тот же миг что-то тихо откликнулось рядом, листья в саду зашелестели без ветра, где-то вдалеке прозвенела непонятная едва слышная металлическая нота, сам Мир подал ей знак, он услышал её признание, она это точно поняла.

Алания чуть вздрогнула, но это не испугало её. Наоборот, ей стало спокойнее, и она сменила позу, из сидячей медленно перекатилась на бок, всё так же свернувшись калачиком и обнимая себя. И незаметно для самой себя уснула, оставив ночи хранить её дыхание.

Глава 9

#####

Настоящая сила – это не властвовать над чужой душой, а быть рядом, даже когда тебя отталкивают. Потому что тот, кто выдерживает чужую уязвимость и не нарушает грани, однажды получает доверие сердца.

#####

Таймураз редко спал по ночам. Ведь Создателю не требуется сон как обычным людям, но сегодня он решил всё же отдохнуть, чтобы за несколько часов сна его сознание очистилось от тяжести мыслей. Сам сон этой ночью был не глубокий, скорее это была глубокая медитация. Его Мир дышал через него и очищал его на клеточном уровне.

Но уже спустя несколько часов, с начинающимся рассветом, Таймураз открыл глаза. Он тут же почувствовал, что тишина в Мире ровная и спокойная, границы чистые, Поле Люмирии звучит плавно... только вот внутри него самого звучит какая-то тревожная нота.

И это звучание связано с ней. С Аланией.

Он медленно сел на кровати, приложил пальцы к вискам, и прям ощутил как внутри всё сопротивляется. Создатель не имеет права привязываться. Его долг – это сохранять спо-

койствие в Мире, держать равновесие, создавать необходимую атмосферу. Иногда даже ценой чужой боли, но по-другому никак. Ему всегда виделось довольно честным, позволять людям самим проживать свои тени, не вмешиваться в их процессы, даже когда он видит страдания человека. Потому что, именно так человек взращивает в себе Силу.

Но, сейчас было всё по-другому. Такого ещё он не ощущал, и Таймураз это чётко чувствовал. Тонкая, почти совсем невидимая нить связывала его с этой девушкой, и тревожная нотка звучала всё сильнее. Но нет, она не была в опасности, за ней никто не гнался, ей не угрожала внешняя опасность, но вот её собственное дыхание ломалось внутри. Он точно знал – этой ночью ей было тяжело. Слишком тяжело.

Таймураз поднялся решительно. Он вышел из комнаты своей бесшумной походкой, как умел так идти, словно парить, только Создатель. Пересёк просторные залы. Буквально на миг остановился у открытого окна, и залюбовался рассветом. Рассвет приветствовал его и Люмирию, касаясь крыш домов. Утро на рассвете дышало прозрачным воздухом, Таймураз вдохнул его глубоко, будто старался не просто дышать воздухом, а впустить в себя спокойствие. Только вот серебро в его глазах всё равно дрогнуло.

«Я не должен...» – напомнил он себе.

«Если вмешаюсь, отберу у неё право самой стать сильнее. Я нарушу собственный закон».

Но другая его часть начала сопротивляться ещё сильнее: «А если именно сейчас её сила в том, чтобы знать, что рядом есть тот, кто не оставит?»

Он очень не любил противоречия. Но впервые за много веков позволил себе одно – довериться не логике, а внутреннему чувству.

И потому пошёл.

Очень быстро он оказался у дома Алании, что-то внутри торопило его. Не стал двигаться сквозь пространство как прибыл к Границе в тот день, но вот скольжение через атмосферу воздуха использовал. Таймураз вошёл во двор, но не пошёл сразу внутрь, остановился у порога. Закрыв глаза, сосредоточился, перенастроился на внутреннее чувствование и слушание... Вибрации дома отзывались спокойно и ровно, но в одной части дома чувствовалась тревожная нота. Именно там и была Алания.

“Странно, почему это она на улице спит, а не в доме? Не понравился он ей что ли?”. – подумал Таймураз, и бесшумно вошёл в дом. – “Хотя нет, дом с удовольствием принял её, даже с трепетом. И она была в восторге от нового пространства”.

Таймураз это ощутил всем телом, настроившись на сам дом. Да и его дом встретил теплом, мягким запахом дерева и трав, давая почувствовать ему, что даже стены знают, кто вошёл.

Он прошёл дальше и, выйдя во внутренний дворик, увидел её.

Алания лежала на диване в самом его углу, свернувшись калачиком. Даже во сне её тело оставалось напряжённым, не позволяя себе расслабиться, как у человека, который слишком долго жил среди опасностей. Она спала тревожно, дыхание её было неровным, между бровями залегла морщина, что и показывало, что Алания никак не отдыхает во сне. Лишь тело берёт своё, чтобы она отдохнула от своего напряжения. Но всё же – в её лице была та самая чистая хрупкость, которую она никогда не показывала никому в своей жизни. А Таймуразу и не нужно было показывать, он сам всё видел и так.

Таймураз замер. Он стоял так несколько минут, не в силах отвести взгляд от неё. Чувство поднималось в нём медленно и мощно, непривычное, но неуклонное желание защитить.

Всё сильнее возникал внутри внутри импульс, ему хотелось шагнуть ближе, коснуться её лица и шелковистых тяжёлых волос. Но он не смог себе позволить этого. – «Не время. Ещё не время. Позже.» – Таймураз глубоко вдохнул, снова вернул себе спокойствие и тихо вышел в гостиную. Взял мягкий плед, тот самый, что лежал на диване у камина, и вернулся во двор.

Он осторожно укрыл Аланию, боясь нарушить и без того её хрупкий сон. Плед легко и мягко лёг на её плечи. И на лице дрогнула тень, дыхание стало чуть глубже и ровнее.

Таймураз задержался ещё на минуту, всматриваясь в её лицо. Уж от этого он не мог себе отказать. И впервые за долгое время он поймал себя на мысли, что ему действительно не хочется уходить отсюда. От неё. Но, всё же развернулся и вышел так же тихо, как и вошёл, оставив Аланию с рассветом и её хрупким сном.

Таймураз вышел из дома так же тихо, как вошёл. Рассвет уже разгорался над Люмирией, улицы наполнялись светом, и город встречал утро так же естественно, как дыхание самого человека, который дышит размеренно и спокойно. Он шёл уверенно, только вот внутри себя ощущал непривычное смятение, как будто Таймураз был не мужчиной, который прожил уже сотни лет, а каким-то мальчишкой, которому ещё только пару десятков человеческих лет.

Пекарня Руана находилась в центре квартала. Маленькое здание с витражами и вывеской, где всегда витает ароматный запах хлеба и специй, было местом, куда жители стекались каждое утро. Никто никогда не упускал возможности приобрести на завтрак вкусную выпечку Руана. Таймураз не был исключением. Только он редко заходил сюда лично, чаще приходил Алистар, потому что тот предпочитал сам выбирать для себя и Таму именно такую сдобу, которая ему ощутится самой напитанной энергией. Но, сегодня Таймураз хотел почему-то сам посетить пекарню Руана.

Дверь отворилась, и сразу на него накатила волна аро-

маатов – тёплый хлеб, корица, мёд, свежие фрукты, ещё какие-то секретные ингредиенты Руана, аромат которых невозможно было не ощутить и не расплыться перед ними. За стойкой как всегда, сутился Руан. Его округлая фигура двигалась с удивительной лёгкостью, он умел быть одновременно и быстрым, и неторопливым. В этом весь Руан.

– О-о! – его голос прозвучал, как маленький праздник. – А вот и наш Создатель. Сам сегодня Таму, не Алистар? – Он вытер руки о полотенце и улыбнулся широко, по-домашнему. – Что-то случилось?

Таймураз слегка кивнул отрицательно. Хотя внутри всё как-то будто чуть сжалось, потому что только Алистар и Руан в самых редких случаях называли Таймураза – Таму. А значит, эти двое явно ощущают что-то не то, под чьими взглядами даже самому Создателю становится не совсем комфортно.

– Просто решил взять завтрак. Свежего хлеба, твоих фирменных булочек с вишней. И ещё что-нибудь лёгкое.

Руан хитро прищурился, но ничего не сказал сразу. Он быстро развернулся, и начал собирать корзину: ещё тёплые булочки с вишней, и пару булочек с семенами, сыр, пару сладких пирогов с яблоками и инжиром, кувшин свежесжатого сока. Всё это он укладывал с особой заботой, как будто кормил не просто гостей, а сам Мир.

– Знаешь, – заговорил Руан вдруг мягко, – я всегда чув-

ствую, когда ты приходишь сюда не за едой. Сегодня ты здесь именно так.

Таймураз просто молча наблюдал, как Руан суетится у стойки, ловко укладывая булочки и остальные продукты в корзину. Уютная суета этого человека всегда действовала на него странно – она как будто снимала с него часть напряжения, и напоминала, что есть сила и в простых вещах.

Но, серебристые глаза его всё равно чуть сузились, и он смотрел в упор на Руана, не отводя взгляда.

Руан не смутился. Он лишь поставил корзину на стойку и облокотился, смотря на Создателя снизу вверх. В его взгляде не было ни тени страха, только тепло и тихая мудрость.

– В твоих глазах что-то изменилось, Таму. Ты веками носил в них холод и строгость, а сегодня, понимаешь, там... искра. Та самая, которую обычно приносят в Мир новорожденные дети. Или... Женщины, которые сильны не силой, а сердцем.

Он сделал паузу, улыбнулся своей кривой и очень доброй улыбкой.

– И я думаю, что это хорошо, ведь Мир наш, Таймураз, держится не только на законах и порядке. Он держится ещё и на переменах. Ты понимаешь же? А иногда перемены приходят в виде одной девушки, которая сама того не зная, меняет даже Создателя.

Таймураз всегда уважал Руана, и он признавал, что его

слова были просты, и в них всегда скрывалась правда. Внутри же, прямо сейчас всё смещалось, словно зыбкий баланс качнулся.

– Ты слишком многое видишь, Руан, – негромко сказал он, почти устало.

– А ты слишком многое привык не замечать, – спокойно парировал хозяин пекарни, смотря прямо в глаза Таймураза.

Он хотел что-то возразить, но Руан уже говорил дальше, его слова ложились мягко, но уверенно.

– Ты знаешь, я не пророк и не воин, и уж тем более не Создатель, как ты. Но если эта девушка принесла тебе перемены, я рад за тебя. И за наш Мир. Я уверен в тебе, Таймураз. И почему-то вообще не сомневаюсь в ней, в той, которая со своим приходом таким неожиданным, как само цунами, принесла в наш Мир что-то очень новое. Наверное, давно пора привнести что-то обновлённое и свежее в Люмирию, как думаешь, Таму, может пора “освежить” что-то в нём?

Руан пододвинул ближе к Таймуразу корзинку с продуктами.

– Вот. Всё свежее. Всё с теплом. И не только хлеб, и свежая сдоба, но и мои пожелания.

Таймураз взял корзину. На миг задержался, глядя на этого человека, который всегда говорил слишком просто и слишком прямо. И именно в этой простоте была сила.

– Спасибо, Руан, – спокойно и тихо сказал он. – Ты умеешь напоминать то, о чём я сам забываю.

– Потому что, я помню каково это – быть человеком, – с мягкой улыбкой ответил Руан.

На губах Таймураза появилась почти невидимая тень улыбки. Ну да, он, Создатель порой совсем забывается и забывает о том, что он всё же в человеческом теле, а значит, и человеческие чувства ему не чужды.

– Береги себя. Ты нужен этому миру ничуть не меньше, чем я. – сказкл Таймураз с благодарностью Руану.

Руан лишь дотронулся как будто по-отцовски его руки и кивнул, принимая эти слова как самый дорогой подарок.

Таймураз вышел из пекарни Руана, и пошёл к дому Алании. Дорога обратно была короткой. Корзина в руках казалась непривычным грузом, слишком «человеческим грузом». Но, именно это и тревожило его больше всего, потому что он чувствовал, что с каждым шагом словно всё дальше отходит от привычного закона равновесия своего же Мира, и всё ближе приближается к чему-то... живому. Что он, Создатель, никогда даже не предполагал.

Он вошёл в дом Алании бесшумно, прямо как тень. Просторная кухня встретила его утренним светом. Таймураз поставил корзину на стол, и в этот момент внутри него что-то дрогнуло. Через тонкую настройку внутреннюю он ощутил тонкое дыхание, неровное, пробивающееся сквозь сон. Тепло её тела, спрятанное под пледом. Оно было таким мягким и желанным, что пока даже сам себе не хотел признаваться. Её внутренний мир, всё ещё беспокойный, но уже не в пани-

ке, а в зыбком равновесии.

Она просыпалась.

И Таймураз понял это даже раньше, чем её веки дрогнули.

Алания вздрогнула и проснулась. Первое, что она заметила – мягкий плед, которым она была укрыта. Но она ведь помнила, что уснула так и не накрылась ничем, лишь просто легла и всё ... Сердце мгновенно заколотилось чуть быстрее.

Она села и на мгновение замерла, пальцы сжали край ткани. Тут кто-то был?...

Секунду спустя шаги в доме подсказали ответ. Алания вся собралась – кто смел войти в её дом? Ведь она никогда не допускала себе такого, чтобы пропустить то, чтобы кто-то подобрался к ней и она этого не почувствовала. Она быстро вскочила с дивана, и пошла к двери, чтобы войти в дом. Ей хотелось бесшумно, но...

Когда она вошла в кухню, то остановилась шокированная на пороге.

Таймураз стоял у стола, раскладывая из корзины выпечку, и что-то ещё, что так и соблазняет своими ароматами. Утренний свет, который лился из окна, обрисовывал его профиль – чёткие скулы, прямую линию носа, лёгкую седину в волосах, отливающую золотом. Он выглядел сосредоточенным и одновременно странно домашним, очень непривычное сочетание для него.

Алания ощутила, как щёки вспыхнули жаром.

– Ты?.. – голос её дрогнул. – как ты вошёл в мой дом? Это ты меня укрыл? Как ты вообще тут оказался?

Таймураз тут же повернулся к ней. На миг задержал взгляд, и уголки его губ чуть дрогнули, едва заметная, но тёплая улыбка.

– Это всё я, Алания, да.

Алания заморгала, растерянность переплеталась со смущением.

– Но как... как ты вошёл? Я же закрывала дверь.

Его взгляд стал серьёзнее, но голос оставался мягким, глубоким:

– Алания, это же мой Мир, и он откликается на меня. Мы с ним одно целое. Люмирия – это Я, а Я – это Люмирия. Считай, что Я и Люмирия как одна целостная кружевная паутина, и всё, что происходит в этом Мире Я чувствую, стоит мне только настроиться своим сознанием. Здесь нет тех замков, которые могут быть для меня преградой.

Алания замерла, его слова отозвались внутри неприятным холодком.

– Значит, для тебя вообще никакие двери не являются преградой? – спросила осторожно Алания.

Таймураз сделал шаг ближе, но не к ней, а к свету окна, чтобы намеренно оставить ей пространство.

– Да, Алания, для меня нет закрытых дверей в этом Мире. И каждый дом открыт передо мной. Но... Это не значит, что я нарушаю чужие границы. Я никогда не причинял и не при-

чиняю вреда. Ни тебе, ни кому-либо ещё. И без позволения не вступаю на чужую территорию.

– Но ты.. Тут. – как-то слишком робко Алания проговорила эти слова, за что внутри себя на себя же начала злиться.

– Потому, что я чувствовал сегодня ночью, что для тебя тяжелее всего дался этот переход из всей вашей группы, несмотря на то, что именно ты открыла переход и привела всех. – Таймураз как можно более мягче постарался донести до неё, что он Создатель, и просто волнуется о новоприбывших, хоть и сам в такое объяснение не верил внутри себя.

Алания отвела взгляд, чувствуя, как странное смешение эмоций бурлит и кипит в груди. Облегчение. Тревога. И что-то ещё... слишком сильное, чтобы назвать.

– Ты... видел, как я спала? – спросила она едва слышно, будто сама боялась своего вопроса.

Таймураз задержал дыхание. Его плечи слегка опустились, и взгляд стал глубже, мягче, как будто туман, который скрывает свет. Он не ответил сразу, тишина повисла, будто сам Мир прислушивался.

– Видел, – наконец произнёс он негромко. – Но, ещё раз говорю, тебе нечего бояться. И уж тем более меня.

Он чуть склонил голову, задержал её взгляд и после короткой паузы добавил:

– Я уже говорил тебе, Алания. Ты в Моём Мире. И раз ты здесь, значит, ты под моей защитой.

Алания гулко выдохнула, кулаки сжались так, что побелели костяшки. Для неё и эта забота была слишком. Как и вчерашняя тишина. Воспоминания ворвались вспышками, паника, дыхание, сбившееся до хрипов. Сердце ускорило, и она боялась, что это повторится снова. Поэтому Алания ещё раз вдохнула резко, глубоко, – потом выдохнула медленно, словно силой удерживая дыхание ровным. Отошла к дивану и опустилась на край, пальцы вцепились в ткань сиденья.

Таймураз наблюдал за ней, чувствуя каждой клеткой, что девушка борется не только с собой, но и с чем-то невидимым внутри. Его пальцы невольно дрогнули, как же хотелось проникнуть глубже в её сознание, чтобы всё до мелочей узнать. Но он заставил себя выпрямиться, выдохнул тише, и остановил это желание. Нарушить её внутреннее пространство он не имел права. Никогда нельзя переступить черту Создателя, и ни при каких обстоятельствах не нарушать личного внутреннего пространства людей.

Таймураз чуть наклонился вперёд, его голос был мягким, почти как дыхание:

– Что с тобой происходило вчера, Алания? Расскажи. Может, я смогу помочь?

– Ты ничем не можешь мне помочь! – выпалила она слишком резко, словно слова сами вырвались. Эхо её голоса ударило в стены, и только после этого она осознала, насколько

ко громко прозвучала её защита. Щёки тут же вспыхнули, а сердце колотилось сильнее, ведь перед ней стоял тот, кто не просто мужчина, а Создатель, и в его взгляде она видела слишком многое.

– Алания... послушай, – он сделал шаг ближе, но девушка резко подняла руку, словно острым жестом отрезала пространство между ними. Таймураз замер.

«Что ж... придётся изменить тактику. Ей сейчас слишком тяжело», – подумал он.

Он выпрямился и заговорил спокойнее, чуть глубже, словно объяснял не только словами, но и самим тембром голоса:

– Ты уже знаешь, я Создатель этого Мира. И думаю, ты догадываешься, что я могу многое. Очень многое.

Алания напряглась, словно пружина. Она подняла голову и впилась в него взглядом, острым, настороженным. Но он не отвёл глаз.

– Я и правда могу помочь, – продолжал он. – Все твои страхи, всё это напряжение, это не враги. Это твоя энергия. Она кипит, потому что ты привыкла всю жизнь бороться, защищаться, жить настороже. А здесь, в Люмирии, тебе это не нужно. Здесь ты можешь просто жить. Но твои привычки никуда не исчезли. И теперь твоя внутренняя Суть думает, что даже от спокойствия нужно защищаться.

Он сделал паузу, и в тишине слышалось только дыхание Алании.

– Я могу помочь тебе сбалансировать это. Если ты позво-

лишь.

– Нет! – её голос прозвучал так отчётливо, почти по слогам. – Мне не нужна помощь. Я всегда справлялась сама. И сейчас справлюсь сама!

Таймураз кивнул, в его лице не было ни тени раздражения.

– Хорошо, пусть так, – произнёс он спокойно. – Но тогда расскажи хотя бы, что именно с тобой происходило? Что ты пережила вчера вечером и ночью?

Он сделал акцент на следующих словах, чуть приглушив голос:

– Я могу сам это узнать, если захочу. Настроиться на тебя. Но, я не стану. Мне бы хотелось услышать это от тебя самой.

Создатель специально это проговорил, надеясь, что Алания так больше расслабится и доверится ему, если она знает. Что он может, но не будет делать, и хочет чтобы она открылась ему. Но что-то пошло не так. Алания слишком остро восприняла его слова.

Она сжала кулаки ещё сильнее. Её лицо побелело, затем моментально покраснело, в голосе заискрилась смесь страха и ярости. Она резко встала, шагнула к столу и, не думая, уткнулась в него ладонями, будто оттолкнулась от чего-то невидимого, что тянуло её вниз. «Нет! – вырвалось у неё, и слово разнеслось по кухне, как предательский гром. – Ты не имеешь права!» Она обернулась к нему, глаза налились ледяным светом. – Не смей залезать в мою голову, в мои стра-

хи, мои раны. Кто ты такой, чтобы решать, что мне делать? Даже если ты... даже если ты Создатель, это не даёт тебе права влазить в меня!

Слова вырывались бесконтрольно сами, слёзы собирались у уголков глаз. Её тело дрожало, голос стал ломаться. Теперь в крике не было только злости, была тяжёлая усталость, и старая, глубокая боль, которую она прятала годами. «Вы не понимаете, – перешла на “вы” Алания, и буквально прошипела, – как это жить всегда готовой к удару? Как это – не доверять даже собственным мыслям? Я не привыкла жить ослабленно и в доверии, это не для меня!» Она шагнула ещё ближе, почти в упор: «И если ты думаешь, что сможешь меня «починить», то ошибаешься. Я уйду. Я не останусь, чтобы стать чьей-то игрушкой или экспериментом». Теперь уже Алания снова перешла на “ты”, желая показать, что она не боится его, будь он не ладен этот Создатель.

Таймураз не отступил. Но и не стал спорить. В его лице не было снисхождения и не было превосходства, было спокойное понимание. Он сделал шаг вперёд так же осторожно, как тот, кто подаёт руку упавшему. «Тысячу раз слышал я отказ, когда пытался помочь, – сказал он тихо. – И тысячу раз видел, как уязвимость превращалась в щит. Я не пришёл, чтобы ломать тебя, пойми. Я пришёл, потому что слышал, как тебе плохо».

Её плечи ещё были напряжены, дыхание было прерывистым. Алания смотрела на него с желанием поверить, но и

с боязнью и недоверием одновременно, но в уголке разума возникало что-то уже другое – какое-то странное облегчение, что кто-то всё же видел её такой и не отвернулся. Но слова застряли в горле. Вместо них вырвался новый, срезавший все маски, крик: «Не влезай в мою голову никогда! Ты не имеешь права! Никто не имеет права!»

Таймураз незаметно приблизился ещё на полшага. Он положил ладони не на её голову и не на руки, а на её плечи, ровно там, где можно было бы удержать, но не придавить. Прикосновение было твёрдым и тёплым, не властным, а опорным. «Я не буду ломать тебя, – произнёс он, и в этом голосе было настоящее обещание. – Я не возьму того, что тебе дорого. Я не заберу твою память, не сотру твою боль. Но позволь мне быть рядом, даже если ты просто будешь молчать».

Её тело будто отреагировало на прикосновение, сначала напряглось сильнее, потом в какой-то момент плотно осело, как упавший камень. Грудь её дернулась, внутри взорвался плач, который сдерживался годами, и наконец прорвался. Никогда она себе такого не позволяла, а тут будто тело само сейчас жило своей жизнью, и она не могла его проконтролировать, что-то запретить ему, как-то себя остановить. Она захлебнулась в рыдании, не способная говорить. Таймураз не отстранился, он просто держал её так, как держат ребёнка, которому страшно и которого нужно согреть. Рука его, обнимая, была одновременно охранительной и нежной, он прижал её к себе, аккуратно, без паники, но с внутренней

тяжестью, которую не мог скрыть и не пытался. В этот миг он испытывал и долг Хранителя, и странное, почти животное притяжение – какую-то смесь заботы и удивления, что такая крошечная жгучая жизнь способна разрушить его привычный порядок. Такая хрупкая девушка снаружи, и такая сильная внутри. Удивительная.

Алания сжалась как комок у него на груди, её руки упирались в грудь Таймураза, сначала она хотела его оттолкнуть, но поняла, что у неё закончились все её силы на борьбу. Она плакала так, как не давала себе плакать никогда – без стеснения, без угрызений совести. Таймураз же чувствовал, как в каждом её вздохе, внутри него создаются новые смыслы и ценности. Он должен был быть опорой, но не хозяином. Он шепнул, едва слышно, не требуя ответа: «Я рядом. Я не уйду, пока ты не попросишь». Его голос был нежнее, чем её крики ещё минуту назад.

Когда рыдания утихли до тяжёлого, но ровного дыхания, он не отстранился. Таймураз держал её, давая время телу перестроиться, позволяя ей прожить то, что должно было наконец-то выйти, чтобы она позволила себе жить уже по-другому. Её плечи вздрагивали, и каждое её движение казалось ему крошечным шрамом на карте жизни, который теперь он мог видеть и беречь. Через несколько минут она отстранилась, провела ладонями по лицу, убирая слёзы и посмотрела на него по-новому, но и с большим смущением – уже не совсем как на врага, и не сразу как на друга, но взгляд стал

мягче.

«Спасибо», – выдавила она, и это слово прозвучало так зыбко, как будто только сейчас она учится дышать без страха. Таймураз лишь кивнул, и в его улыбке были одновременно и забота, и что-то тёплое, что появилось впервые за долгие века.

Алания немного отстранилась. Взгляд её был мягче, но всё ещё настороженным, хоть и не таким острым, как прежде. В её взгляде была усталость и какое-то маленькое принятие, которое могло исчезнуть в любой момент.

Она глубоко вдохнула и тихо произнесла:

– Я могу попросить тебя остаться на завтра? – с большим стеснением спросила Алания. – Я... не хочу снова быть одна в этой тишине.

Таймураз чуть приподнял брови, но не удивлённо, а скорее с оттенком понимания.

– Хорошо, – ответил он спокойно.

Они прошли к столу. Алания осторожно коснулась пледа, который всё ещё лежал на спинке кресла, потом села напротив.

– Ты предпочитаешь чай или кофе? – спросила она после минутной паузы, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

– Чай, – ответил он просто, но в его голосе было что-то мягкое, будто он благодарил её уже за сам вопрос.

Алания встала, поставила кипятить воду в чайнике, до-

стала из шкафчика фарфоровый чайник и тонкие чашки. На мгновение её движения стали увереннее, такой простой ритуал отвлек и немного успокоил. Она аккуратно разложила на тарелки свежую выпечку, поставила посередине вазу с фруктами. И только потом, когда чайник закипел, залила ароматные травы кипятком, и по кухне разлился пряный запах мяты и липы.

Таймураз наблюдал за её движениями молча. И в этих простых жестах – достать чашки, накрыть на стол, налить чай – он увидел в ней что-то очень человеческое, земное, то, что делало её ещё желаннее и ближе.

Вернувшись к столу, она сперва налила чай ему, и только потом себе. Этот жест получился почти незаметным, но Таймураз уловил в нём больше, чем просто заботу. Алания словно сама не осознала, что её руки сделали, но он почувствовал – это было её маленькое, ещё неуверенное «доверяю».

Когда она устроилась напротив, завтрак пошёл уже естественнее. Пусть молчание всё ещё держалось между ними, но теперь оно не давило, а скорее укрывало их лёгкой тенью.

Алания молча отломил кусочек булочки, жевала медленно, будто проверяла, может ли она снова почувствовать вкус без страха. Потом, не поднимая глаз, сказала негромко:

– Ночью... было тяжело, ты прав. Слишком тихо. Тишина стала громче любых криков. И я не знала, как в ней дышать. Паника накрыла меня слишком быстро и сильно.

Она сразу смолкла, словно испугалась, что сказала лиш-

него. Таймураз не перебивал. Он лишь кивнул и, не сводя с неё взгляда, произнёс:

– Ты справилась. И это уже много. Но просто знай, что я рядом, и ты можешь в любой... в любой момент обратиться ко мне. Алания, ты меня понимаешь?

Она коротко посмотрела на него, и тут же отвела глаза, снова спрятавшись в себе.

Немного помолчав, он задал другой, более лёгкий вопрос:

– Что ты хотела бы сегодня делать? Чем бы хотела заняться?

Алания чуть улыбнулась, едва заметно, почти неуверенно.

– Хочу навестить Сэма. Посмотреть, как он устроился... Может, пройтись с ним по городу. Осмотреться. Твой Мир такой красивый, он просто завораживает.

– Это хорошая мысль и отличная идея, – мягко согласился Таймураз. Его голос звучал спокойно, но внутри он чувствовал странное напряжение, желание остаться рядом и понимание, что её путь должен быть свободным.

Они закончили завтрак почти молча. Только лёгкие, осторожные фразы пролетали между ними, словно оба не хотели разрушить хрупкое равновесие.

Когда Алания убирала со стола, Таймураз поднялся.

– Мне пора, – сказал он негромко. – Дела Создателя сами себя не решат.

– Спасибо тебе. – ещё смущаясь, Алания поблагодарила Таймураза, посмотрев в глаза.

Он задержал взгляд на ней ещё на миг, и в этом взгляде было больше, чем в словах: забота, тревога и обещание вернуться. Потом он вышел, оставив её снова одну в доме.

Алания стояла в кухне, прислушиваясь к шагам, которые уже стихли. Тишина снова наполнила пространство, и сердце её сжалось от этой тишины... Но теперь внутри неё теплился маленький огонёк: он был здесь. И он видел её. Но, он сказал, что рядом. Может у меня получится однажды хоть кому-то довериться полностью?

Визуал. Знакомство с героями

Дорогие читатели, хочу пригласить вас в особый уголок книги – «*Визуал*».

Это место, где вы сможете не только читать историю, но и увидеть её главных героев.

Ведь у каждого из них есть не только слова и поступки, но и образ, энергетика, та самая «аура», которая рождает глубину их образа.

Мне кажется важным, чтобы вы могли встретиться с ними лицом к лицу, увидеть их такими, какими я их себе представляю.

Надеюсь, это поможет вам почувствовать их ещё ближе и проживать историю вместе с ними.

И буду рада вашим комментариям, оценкам.

Таймураз

Создатель Мира Люмирия

В человеческом возрасте он выглядит на 40 лет. По Вселенскому возрасту около 600 лет, но это условно. Для него время течёт иначе, и он умеет его сгибать.

Образ

Люди ощущают рядом с ним двойственность: он и "свой", мужчина из плоти и крови, и одновременно вечный, несущий в себе бесконечность. Он очень стойкий и собранный. Это мужчина, который держит внутри целый мир, и от этого вокруг него всегда ощущение устойчивости.

Внешность

Рост высокий, около 190 см. Его фигура сразу выделяется: широкие плечи, мощный торс, крепкие руки. Это не "накачанный герой", а тело, где каждая мышца выточена многолетней дисциплиной и движением.

Лицо резкое, угловатое, словно высеченное из камня. Высокие скулы, прямой нос, губы строгие, но в улыбке становятся теплее и мягче.

Глаза глубокие, тёмно-серые с серебристым отливом, словно в них отражается сама бесконечность времён. Когда он концентрируется, в глазах вспыхивают переливы, то золотые, то лазурные, то фиолетовые: отражение его способности видеть линии временных пространств.

Волосы густые, тёмные, слегка с сединой у висков (седи-

на добавляет ему благородства и силы). Держит их средней длины, иногда собирает назад.

Осанка прямая, уверенная, без излишней резкости. Он двигается плавно, сдержанно, словно каждое его движение – это поток энергии.

Характер

Ответственный. Таймураз никогда не бросает слова на ветер: если он сказал, зачит так и будет. Его обещания весят больше любых клятв.

Центрированный. Он не колеблется, его невозможно выбить из равновесия. Даже когда всё рушится, он остаётся опорой. (только вот Алания внесёт чуть свои коррективы в его центрированность).

Мудрый и внимательный. Он видит не только поверхностное, но и скрытое – эмоции, суть, подлинные мотивы людей. Часто молчит, позволяя другим проявляться, но его молчание всегда наполнено.

Внутри него есть глубокая печаль, отпечаток вечности. Он пережил слишком многое, и это сделало его сильнее, но и холоднее в чём-то.

Сверхспособности Таймураза

Мгновенное перемещение через наложения реальности (телепортация)

Он растворяется в воздухе и появляется там, где нужно, словно скользя по слоям реальностей. Для него это есте-

ственно, как дыхание.

Способность позволяет защищать мир и управлять событиями в критические моменты.

Видение тонких линий времени и пространства.

Таймураз видит наслоения реальностей, временные потоки и слабые точки границ.

Он предугадывает действия других и может корректировать события так, чтобы минимизировать риски в Люмирии.

Он может смотреть на человека и видеть "нить его судьбы": прошлое, возможные будущие, даже скрытые развилки.

Эта способность делает его отличным стратегом, который всегда на шаг впереди.

Эмоциональное зрение (цвето-эмпатия).

Он буквально видит настроение людей через цветовые и энергетические оттенки, мгновенно понимает внутреннее состояние каждого.

Настроения и эмоции людей он воспринимает как цветные поля: гнев – алый, тревога – серый дым, радость – золотистое сияние. Он может влиять на эти состояния, очищать

или усиливать их.

Манипуляция восприятием.

Таймураз умеет показывать людям именно то, что нужно – исказить восприятие, подменять события в их сознании.

Может "замаскировать" себя или группу, показать врагам иллюзию, изменить восприятие пространства (как это в эпизоде, когда он встретил новоприбывших в его Мир, и они шли к опушке).

Это не жестокость, а инструмент защиты, обучения и сохранения Мира.

Игры с временем.

Не прямое перемещение в прошлое или будущее, но лёгкое "подкручивание": замедлить время в бою, ускорить исцеление ран, или дать человеку прожить видение своей судьбы.

Сверхчеловеческая физическая подготовка.

Мощная выносливость, ловкость и сила, позволяющие мгновенно реагировать в любой ситуации.

Поддерживает дисциплину и контроль через тело, что делает его почти идеальным воином и наставником.

Его роль во всей истории

Он – Создатель Мира Люмирия, Страж Перехода и Хранитель, куда попали Алания и Сэм.

Для людей он сначала чужой, пугающий, слишком сильный. Но постепенно он становится тем, к кому они тянутся, потому что его сила даёт им чувство безопасности.

Для Алании он зеркалит её внутреннюю силу: показывает, что можно быть воином и в то же время хранить нежность.

Далее по их истории вы увидите, что они ещё и прекрасная пара. :)

Для Сэма он пример настоящей зрелости мужского начала, и у Сэма начнётся внутренняя трансформация через его фигуру.

Таймураз как скала, на которую опирается весь Мир.

Но рядом с Аланией в его силе впервые начинает звучать человеческое – тепло, которое может изменить не только её судьбу, но и весь Мир Люмирии.

Алания

Алания (24 года) – главная героиня книги. Героиня-парадокс, она одновременно и сталь, и хрупкость; и свет, и тень.

Имя, в котором звучит звонкость гор и твёрдость скалы. Оно сразу выделяет её среди других, несёт силу рода и дух непокорности.

Она – огонь. Но не ровное пламя свечи, а костёр, вспыхивающий на ветру: то согревающий, то опасный, то зовущий за собой.

Алания выросла там, где слабость = смерть. Поэтому её воля – настоящее железо, её шаги всегда вперёд. Но глубоко внутри живёт страх, быть сломленной ещё раз. Этот страх делает её сильнее, и одновременно ранит острее любого удара.

Для других она защитница, та, кто идёт первой, когда все боятся. Для врагов очень неудобная, потому что её невозможно запугать. Для мужчин она притягательная и опасная, потому что неподвластная.

Но её сила не только в упрямстве. Алания живая до самой сути: порывистая, эмоциональная, честная. Она может вспылить и пожалеть, может резко оборвать и тут же защищать. Она держит себя как сталь, но плачет только в одиночестве, если позволит себе вообще.

Внешность

Образ в целом: это воинственная женственность. Она не мягкая красавица, а сила, обрамлённая в женскую фигуру. В ней читается напряжение, но и живость, та самая женщина, которая может вспыхнуть, но также и защитить. Внешность полностью совпадает с её внутренним образом – сталь, закалённая огнём жизни, и при этом живая, с пульсом эмоций под кожей.

Телосложение: стройная, но не худощавая до хрупкости. Видно, что тело натренировано самой жизнью, руки жилистые, плечи подтянутые, фигура собранная. Нет излишеств, всё практично, функционально, будто каждое движение у неё под контролем. Нет ни грамма лишнего, но в её движениях ощущается выносливость, а не хрупкость.

Фигура и осанка: осанка прямая, собранная, в ней чувствуется внутренний стержень. Она держится уверенно, так, как держатся люди, которые не позволяли себе расслабляться в небезопасной среде. В её позе всегда решимость и готовность к действию, будто она всегда на чеку.

Рост: выше среднего, 170 см, она та, которая умеет «растворяться» в толпе, если надо.

Черты лица: у неё чёткие, резковатые черты – острый подбородок, скулы выраженные, линии лица собранные, без мягкой округлости. Это лицо женщины, привыкшей держать себя в руках. В её глазах читается прямота и твёрдость, тёмные, глубокие, они не отводят взгляда, а смотрят прямо, будто проверяя, достоин ли собеседник её доверия. Взгляд чуть

настороженный, но одновременно в нём есть скрытая сила и огонь. Губы ровные, сдержанные, не для кокетства, а для твёрдых слов.

Глаза: тёмно-карие, иногда кажутся почти чёрными. В них упрямство, напряжённость и одновременно огонь, который не даёт ей сдаться. Когда она сердится или принимает решение, то глаза горят, когда устала и сомневается становятся тяжёлыми.

Волосы: густые, тёмно-каштановые, но с медным отливом на солнце. Чаще всего заплетает их в простую косу или стягивает верёвкой – не для красоты, а чтобы не мешали. Иногда пряди выбиваются и лезут в лицо, и она нервно заправляет их за ухо.

Кожа: смуглая от солнца и ветра, с тонкими шрамами – свидетельствами жизни в постоянных стычках и побегах.

Характер

Сила и смелость: она привыкла бороться за свою жизнь и за других. Никогда не сдаётся.

Интуиция: умение быстро считывать опасность, скрытые угрозы и ложь людей.

Целеустремлённость: когда она берётся за задачу, погружается в неё полностью.

Контраст внутренний: внешне сильная и порывистая, внутри иногда чувствует страх и сомнение, но умеет их подавлять и трансформировать в решимость.

Эмоциональная глубина: способна на сильные привя-

занности, преданность и сострадание.

Отношение к другим: она не мягкая, но справедливая. Может накричать, может грубо оборвать, но всегда будет защищать тех, кто рядом. У неё «инстинкт стаи», хотя сама она считает, что действует лишь из упрямства.

Внутренний конфликт

Алания всегда **разрывается между страхом и смелостью**. Её смелость – это не отсутствие страха, а умение «перешагнуть» через него.

Она умеет быть лидером, но не потому, что стремится к власти – а потому, что никто другой не решается.

Особые привычки

Когда нервничает стискивает кулаки так, что ногти впи-
ваются в ладони.

Часто кусает губу или прикусывает щёку изнутри.

Умеет молчать долго, но когда говорит – это всегда по де-
лу, твёрдо и резко.

Сверхспособности Алании – это отражение её характе-
ра:

Видение границ Миров – потому что, она всегда чувству-
ет, где проходит тонкая линия между жизнью и смертью.

Энергетическое восприятие и интуитивная защита –
её тело и чувства реагируют быстрее ума, когда нужно вы-

жить.

Эмоциональная резонансность – она способна зажигать других своей решимостью, как огонь, который делится теплом.

Напускание иллюзий – её способ скрывать слабость, но и защищать.

Она не маг в привычном смысле. Её сила проявляется через тело, эмоции и интуицию. Чем сильнее её желание защитить, тем ярче вспыхивают её способности.

Для Таймураза она искра, которая становится пламенем.

Для Сэма старшая сестра, готовая встать между ним и опасностью.

Для себя самой пока ещё загадка: кем она станет, если перестанет только бороться и позволит себе жить?

Алания – это огонь, который не спрашивает разрешения гореть.

И в её пламени есть и разрушение, и спасение, и возможность родиться заново.

Сэм

Сэм (22 года) – друг и как брат (не кровный) Алании.

В нём удивительным образом сочетается сила и простота. Он словно весенний ветер: мягкий, но способный гнуть даже самые крепкие ветви. Рядом с ним становится легче дышать.

Сэм не герой легенд, а живой парень, который умеет смеяться, даже когда тяжело, и держать равновесие, когда всё рушится. Его вера в людей может показаться наивной, но именно она зажигает надежду там, где её уже никто не ждёт.

Внешность

Телосложение: плечистый, но без излишней массивности. Его сила не в грубых мускулах, а в упругости и ловкости. Такой, кто легко подтянется, взберётся, понесёт тяжёлое.

Рост: примерно 180 см. Он выделяется, но не громоздкий.

Черты лица: прямые, чёткие, с юношеской свежестью, но в них уже «схвачена» мужская решимость. Сильный подбородок, прямой нос.

Глаза: светло-зелёные, в них живёт смесь задора и твёрдости. Его взгляд не такой пронзающий, как у Алании, но более «живой», доверчивый, он словно умеет успокоить.

Волосы: светло-русые, коротко подстриженные или чуть отросшие – что-то среднее между небрежностью и удобством.

Кожа: светлее, чем у Алании, но загорелая, со следами

солнца и ветра. Есть мелкие шрамы – как следы от драки или тяжёлой работы.

Характер Сэма

Сила: спокойная, надёжная. Он не такой порывистый, как Алания, и умеет удерживать равновесие в критический момент.

Отношение к жизни: более лёгкое. Умеет смеяться, даже когда тяжело. Его смех иногда спасает их обоих.

Лидерство: он не стремится командовать, но рядом с ним люди чувствуют себя увереннее. Он – опора.

Отношение к Алании: абсолютное доверие. Он всегда идёт рядом, даже если не понимает её решений до конца. Их связь сродни родственной, но глубже – это доверие, которое выстрадано годами совместной борьбы и выживания в Эн-каре.

Слабости: иногда его мягкость может казаться наивностью. Он верит в людей чуть больше, чем следовало бы.

Внутренний конфликт

Сэм всегда балансирует между юностью и мужской зрелостью. Ему 22 – он уже мужчина, но ещё не потерял светлую веру, что жизнь может быть другой. Иногда Алания чувствует его «нежность к миру» и боится, что это сделает его уязвимым. Но именно эта вера Сэма – то, что даёт им обоим надежду.

Особые привычки

Когда нервничает машинально вертит в руках какой-ни-

будь предмет: камешек, ветку, нож.

Любит задавать вопросы, иногда глупые, иногда острые. Его любопытство может раздражать, но часто помогает заметить то, что другие упускают.

У него есть привычка вставать чуть впереди Алании, если чувствует угрозу.

Его «свет» и «тьнь»

Свет: лёгкость, способность вдохновить и поддержать, умение держать людей вместе.

Тень: может быть слишком доверчивым, из-за чего иногда ошибается в людях. Его мягкость в суровых условиях кажется слабостью, хотя внутри у него – стальной стержень.

В восприятии других

Для женщин он может быть и «сыном, которого хочется обнять», и «мужчиной, которому можно довериться».

Для мужчин свой, надёжный товарищ.

Для врагов не сразу кажется опасным, но именно в решающий момент он способен удивить силой и смекалкой.

Вместе с Аланией они контраст и дополнение:

Она – огонь, порыв, напор.

Он – воздух, дыхание, равновесие.

Она рвётся вперёд, он удерживает и помогает пройти. Она готова сражаться, он готов защитить.

Сверхспособности Сэма

Инстинктивная защита

Сэм способен мгновенно реагировать на угрозу. Он видит малейшие изменения в поведении людей или окружения и действует прежде, чем кто-либо успевает понять опасность. Его тело работает как природный щит и оружие одновременно – для защиты Алании и группы.

Поддержка и усиление союзников

Он усиливает боевые и эмоциональные способности людей рядом с собой. В моменты стресса или страха способен мгновенно «поднимать» решимость других, делая их более стойкими и смелыми.

Тактильное восприятие пространства

Сэм «чувствует» местность, даже если не видит её полностью: ловит колебания земли, направление ветра, движение травы. Это помогает ориентироваться в лесу, избегать ловушек, находить безопасные маршруты.

Умение соединять людей

Психологическая способность: он считывает настроение

и состояние группы и умеет мягко направлять их к единому действию. Его присутствие создаёт «энергетическую связь» между участниками группы, повышая командную эффективность.

Внешние «знаки» способностей

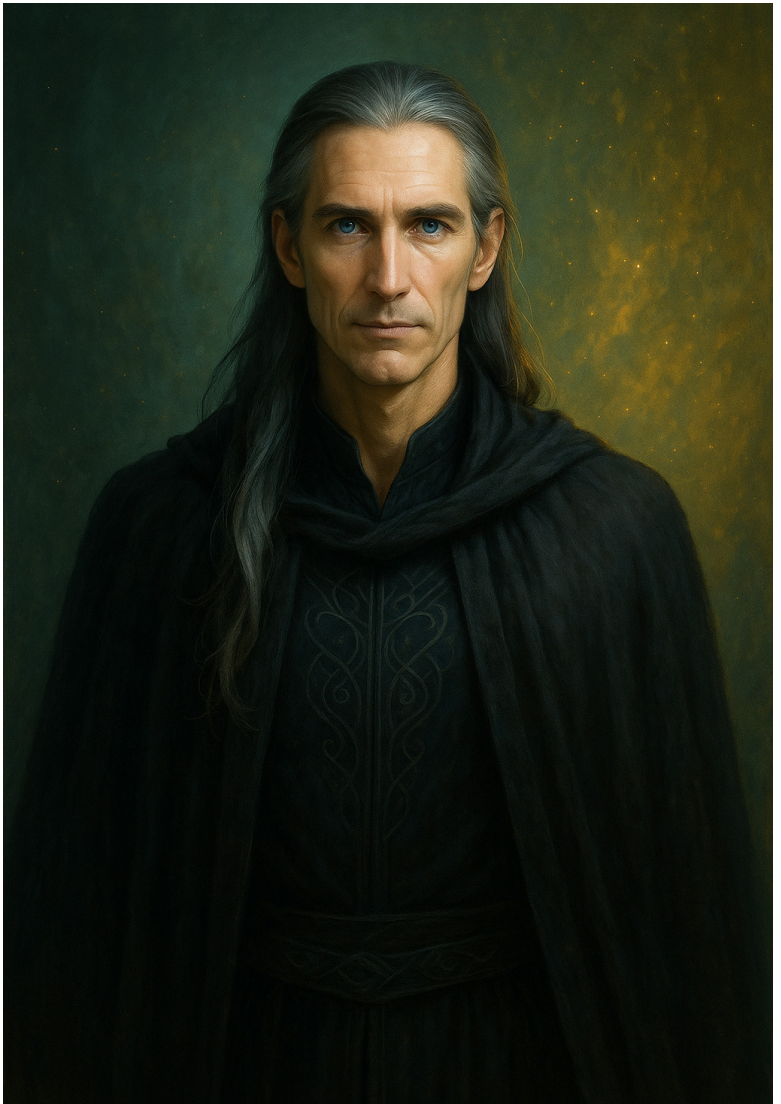
Когда чувствует поток энергии или эмоции, взгляд меняется: глаза светлеют, зрачки расширяются.

Когда активирует «невидимость», движение становится плавным, почти незаметным, дыхание замедляется.

Когда предчувствует опасность, напрягаются плечи и руки, мышцы сами становятся готовыми к действию.

Сэм – это человек, рядом с которым даже в самых тяжёлых обстоятельствах становится легче дышать. Его сила не в ударе, а в том, что он умеет держать рядом сердца других.

Алистар (Провидец)

Алистар (на вид около 60 лет) – провидец и тень Таймураза.

Если Таймураз – это солнце и стержень, то Алистар – это ночь и звёзды. Его присутствие всегда чуть холодное, но в этом холоде есть мудрость, которая ощущение глубины.

В его глазах отражается вечность. Не просто время, а сами нити судеб. Он молчит чаще, чем говорит, но его молчание насыщено не меньше слов. Люди рядом с ним чувствуют: он знает больше, чем скажет.

Алистар не стремится быть в центре – он тень. Но это та тень, которая показывает свет. Без него сила Создателя была бы прямой, но нецелостной. С ним она приобретает глубину и предостережение.

Внешность

Возраст: по виду около 60 лет, но в глазах ощущается вечность, как будто он видел больше, чем любой человек.

Рост и телосложение: высокий, но не массивный, скорее худощавый. Его фигура напоминает древнее дерево: стройная, гибкая, но с глубинной силой.

Лицо: вытянутое, с резкими скулами и тонкими губами. Черты правильные, но слишком заострённые, из-за чего создаётся ощущение «нездешности».

Глаза: синие, словно прозрачные, с холодным блеском.

Иногда в них мерцают отблески иных миров – будто звёзды отражаются внутри зрачков. Его взгляд способен заглядывать в самую душу.

Волосы: длинные, пепельно-чёрные, собранные в низкий хвост или свободно ниспадающие. В свете кажутся серебристыми.

Одежда: носит простые тёмные одежды с элементами символики – вышитые узоры, напоминающие линии временных потоков. Иногда кажется, что его плащ слегка колышется, даже если нет ветра.

Характер

Мудрец-наблюдатель: Алистар редко говорит, но когда открывает рот, каждое слово весит тонну.

Тень Таймураза: если Таймураз – солнце и стержень, то Алистар – ночь и звёзды. Он держит в руках знание и тайны, которые могут быть как спасением, так и проклятием.

Внутренний конфликт: он видит слишком много. Его способность к предвидению не даёт ему покоя, он постоянно живёт между «сейчас» и «возможным будущим». Иногда кажется холодным, но это защитная маска, потому что каждый выбор он видит с десятком исходов.

Лояльность: безусловно предан Таймуразу. Но не потому что «подчинён», а потому что верит в его миссию и знает, что именно с ним связана судьба миров.

Сверхспособности

Провидение: видит нити возможных будущих событий.

Но они никогда не абсолютны: он воспринимает их как потоки вероятностей. Иногда его глаза заливаются светом, когда он «смотрит» в линии времени.

Яснослышание: слышит шёпоты миров, их колебания и сигналы. Может уловить, где тонко, где вот-вот случится разлом.

Теневое присутствие: умеет буквально растворяться в пространстве, не в смысле телепортации, как Таймураз, а так, что люди перестают его замечать, даже если он стоит рядом.

Слово-заклинание: его голос обладает силой. Иногда достаточно одного произнесённого слова, чтобы остановить панику, усмирить гнев или наоборот вызвать видение у собеседника.

Взаимоотношения с другими героями

С Таймуразом: абсолютное доверие. Алистар никогда не будет спорить ради спора, но если предупреждает – Таймураз прислушивается всегда. Между ними – глубокая связь, словно двух братьев, прошедших через вечность вместе.

С Аланией: в ней он видит «ключ». Сначала относится к ней с недоверием, слишком хорошо ощущая её внутренний конфликт. Но позже именно он первый признаёт её силуЮ и это станет для неё важным моментом.

С Сэмом: Алистар к нему скорее покровительственен, как учитель к ученику. Но при этом может резко обрывать его, если видит в его порыве опасность.

Его «свет» и «тьнь»

Свет: хранитель знания, тот, кто указывает путь и предупреждает о ловушках.

Тень: его провидение – и дар, и проклятие. Иногда он слишком увязает в вероятностях, теряя связь с настоящим. Может показаться холодным или безразличным.

Алистар – это не «фоновой мудрец», а **ключевая фигура баланса**. Без него сила Таймураза была бы слишком прямолинейной. Алистар добавляет глубину, мистику и ощущение, что мир держится не только на силе, но и на знании.

Руан

Руан (60 лет) – хозяин пекарни, человек-Дом.

Он словно воплощение самого хлеба: тёплый, надёжный, ароматный, всегда с корочкой мудрости и мягкой сердцевинной.

Руан не ведёт за собой армии, не открывает переходы между мирами и не предсказывает будущее. Но именно такие, как он, делают Мир живым и настоящим.

В его улыбке спокойствие, в руках забота, а в словах простая, но вечная мудрость.

Внешность

Рост: чуть ниже среднего (около 165 см), но он не выглядит маленьким или ущербным, наоборот, его фигура излучает уют и устойчивость.

Телосложение: округлый, мягкий, но не рыхлый; скорее крепкий, «домовитый».

Лицо: круглое, открытое. Морщины «улыбочные», как будто весь возраст отразился не в тяжести, а в тепле.

Глаза: карие, тёплые, с хитроватым прищуром. Всегда блестят так, что рядом с ним хочется улыбнуться.

Волосы: короткие, тёмно-русые, с проседью у висков.

Улыбка: добродушная, широкая, чуть кривая – как у то-

го, кто часто смеётся.

Манера поведения

Он всегда суетится, но это суета заботливая, как у человека, которому искренне важно, удобно ли его гостям.

Часто хлопает собеседников по плечу или приобнимает – у него нет барьера в телесном контакте.

Любит поговорить, вставить мудрую историю в самый неожиданный момент.

Не терпит притворства и фальши: если кто-то зашёл с холодом в сердце, он это сразу чувствует и мягко «растопливает».

Характер

Светлый хранитель: он не воин, не лидер, не пророк, но именно такие, как он, создают ощущение, что Мир держится на месте.

Добродушие: не из наивности, а из глубокой мудрости. Он знает, что жизнь может быть жестокой, но сам выбрал быть мягким.

Мудрость: выражается не в высоких философских речах, а в простых историях, поговорках, в умении слушать.

Чуткость: чувствует настроение человека ещё до того, как тот заговорит. Именно поэтому выбирает для каждого «свой» стол.

Внутренний мир

Ему 60 лет, и он многое повидал, но не рассказывает о своём прошлом только иногда намекает, что «и у него были

тёмные времена».

В глубине души хранит боль утраты жены, но она не ожесточила его, а наоборот сделала мягким и принимающим.

Его радость – накормить, согреть, послушать. В этом его миссия.

Символика образа

Это не просто хозяин заведения, а **персонаж-«Дом»**. В отличие от Таймураза (власть и порядок) и Алистара (мудрость и видение), он олицетворяет простое человеческое тепло и принадлежность.

Для Сэма он будет «дядей», с которым легко и весело.

Для Алании – **это первый человек, рядом с которым она разрешит себе по-настоящему расслабиться и почувствовать, что быть принятой – безопасно.**

Его «свет» и «тьнь»

Свет: в простоте, которая лечит лучше любых заклинаний.

Тень: в тишине, где прячется старое горе, но оно лишь делает его сердце мягче.

Руан – это тот, у кого не спрашиваешь совета, а просто садишься за стол, и вдруг понимаешь, что ответы уже нашлись сами.

Мариэль (20 лет), племянница Руана, солнечная душа Люмирии.

Её волосы горят, словно утреннее пламя, а глаза напоминают свет сквозь листву. В ней нет тяжести чужих миров, т.к. она выросла в гармонии, и потому несёт в себе особую целостность.

Мариэль – это весёлый смех, лёгкость и огонь, но не разрушающий, а согревающий. Там, где она появляется, всегда становится светлее, словно Мир сам выдыхает вместе с ней.

Внешность

Волосы: медно-рыжие, с переливами, почти светятся на солнце. Чаще распущенные или слегка волнистые, чтобы подчеркнуть её свободу и лёгкость.

Глаза: зелёные с золотистым оттенком, которые кажутся игривыми и живыми, отражают её внутренний огонь.

Рост и телосложение: средний рост, стройная, гибкая, с грацией, но при этом с ощущением энергии и силы.

Особенности лица: лёгкая улыбка, немного веснушек, лицо открытое и дружелюбное, но с характером.

Характер

Энергичная и независимая: Мариэль не боится выражать свои мысли и чувства.

Оптимистичная и смелая: может поднимать настрое-

ние и в сложных ситуациях, вдохновляет других действовать.

Любознательная: любит изучать людей и мир, активно участвует в жизни Люмирии.

Лёгкая и непринуждённая: может быть фейерверком эмоций, но при этом умеет концентрироваться и принимать решения.

Сверхспособности / дар

Поскольку Мариэль выросла в Люмирии, её способности более тонкие и гармоничные.

Она чувствует эмоциональное состояние людей вокруг, может мягко влиять на атмосферу.

Легкая способность к «интуитивному движению» – почти мгновенно определяет оптимальные пути в пространстве или действия, которые принесут гармонию.

Мариэль имеет чувство «энергетической памяти» мест – ощущает следы прожитых событий, но в мягкой, неконфликтной форме.

Бэкграунд

Девушка родилась в Люмирии.

Родители откликнулись на предложение Таймураза стать его помощниками, когда он познакомился с ними в другом Мире, и практически сразу по перемещению в Люмирию, родилась Мариэль.

Девушка выросла в гармонии, и всегда знала о ценности дружбы, семьи и самостоятельности.

Сейчас живёт отдельно от родителей, полностью самостоятельная, занимается чем-то творческим и помогающая жителям Люмирии, но с ярким характером и собственной жизнью.

Взаимоотношения с Сэмом

Сначала лёгкая игривость, флирт и взаимное любопытство.

Постепенно раскрывается более глубокое доверие и симпатия, которая перерастает в романтическую привязанность.

Для Сэма она станет «солнечным светом», который дополняет его внутреннюю гармонию, а для неё – надёжный и сильный партнёр.

Энергетическая / эмоциональная целительница

Она проводит людей через внутренние состояния: тревога, сомнения, усталость уходят просто от её присутствия.

Ведёт небольшие сеансы или разговоры, в которых помогает людям «разгрузить» эмоции и вернуть гармонию.

Её дар связан с Полем Люмирии: она чувствует и мягко корректирует потоки энергии вокруг человека, чтобы он сам находил ответы и силы.

Творческая деятельность

Она создаёт небольшие амулеты, украшения, травяные

смеси – каждый предмет наполнен её энергетикой, а люди, используя их, ощущают себя лучше.

Мариэль пишет сказки или истории для детей и взрослых, которые в Люмирии воспринимаются как мягкая терапия – истории помогают разобраться с эмоциями, учат видеть гармонию.

Помощь жителям Люмирии

Мариэль помогает жителям Люмирии наладить личные связи, быть более открытыми и гармоничными, когда приходят в напряжённые моменты.

Она словно эмоциональный «маяк» – указывает путь к равновесию и поддерживает тех, кто теряется.

Она сочетает творческую и целительную функцию, но делает это очень естественно: она не «лечит» напрямую, а создаёт пространство, где люди сами находят себя и гармонию.

Мариэль – персонаж-поток.

В книге и истории – она даёт Сэму и читателям «глоток воздуха», светлую линию романтики и юности.

В пространстве Люмирии – она напоминает, что этот Мир не только про боль, преодоление и мудрость, но и про радость, творчество, смех и простые человеческие чувства.

Для баланса – она соединяет внутреннее и внешнее, ведь её дары не про силу борьбы или провидение, а про тонкое

умение возвращать людей к самим себе.

Поделитесь своими впечатлениями о героях. :) Кто из героев вам больше всего отозвался?

Глава 10

#####

Новый мир начинается не за порогом, а в тот миг, когда земля принимает твой шаг. Остальное делает дыхание: твоё и Мира, настроенные друг на друга.

#####

“Лучше не буду задерживаться пока тут одна... Нужно увидеться с Сэмом,” – мелькнула мысль, пока Алания поднималась по лестнице на второй этаж. Шаги отдавались неожиданно мягким звуком, будто сам дом поддерживал каждый её шаг.

Она вошла в гардеробную. Просторная, но не перегруженная ничем лишним, как будто кто-то заранее позаботился положить именно то, что может понадобится человеку, только что оказавшемуся в новом Мире.

Алания обратила внимание на аккуратно разложенные вещи на полке. Двое шорт, одни короткие, другие подлиннее, наподобие бермудов, почти такие же, как они носили в Эн-каре в жару. Ещё джинсы и лёгкие льняные штаны, к которым прикоснулась Алания, провела рукой по ткани, и тело сразу отозвалось тихим удовольствием, как будто впервые за всю её жизнь кожа узнала, что такое настоящая мягкость.

Рядом лежали футболки и майки, а на вешалке висело од-
но платье и строгий брючный костюм. Всё было простое, но
удивительно удобное.

Алания выбрала короткие шорты тёплого песочного от-
тенка и оливково-зелёную футболку с V-образным вырезом,
такие очень простые вещи, но они сразу подчёркивали её
силу и естественность. Волосы заплела в привычный хвост,
чтобы не мешались. Надела мягкие кроссовки, и на миг прям
замерла, потому что она ещё никогда не ощущала такую лёг-
кость в обуви: “Удивительно... я будто босиком стою. В Эн-
каре обувь всегда была жёсткой и неудобной, что после каж-
дого дня приходилось заклеивать мозоли. А здесь... будто
сама земля принимает мои шаги.”

На секунду ей показалось, что даже цвета одежды от-
кликнулись миру, зелёный, как вся разнообразная расти-
тельность Люмирии, и песочный, как её тёплая земля. Она
впервые ощутила себя не чужой, а частью этого простран-
ства, и это чувство оказалось для неё двойственным – вдох-
новляющим, но в то же время тревожным. Слишком непри-
вычно было принимать заботу мира, который она ещё не зна-
ла.

С этой мыслью она легко спустилась вниз, и почти не за-
держиваясь, вышла из дома. Стоило выйти за порог, как Ала-
ния остановилась.

Воздух ударил ей в грудь таким ароматом, что она неволь-
но закрыла глаза. Он был не просто свежим, он был удиви-

тельно густым, наполненным самой жизнью. Казалось, что каждый вдох не просто насыщает лёгкие, а наполняет её изнутри какой-то тихой силой. В нём чувствовались ароматы влажной травы, сладость цветущих деревьев, лёгкая горечь хвои и ещё что-то неуловимое, что не существовало в её прежнем мире. В Энкаре.

Когда Алания открыла глаза, то «ослепла» от красоты. Люмирия сияла. Солнце пробивалось сквозь листву так, что каждый луч казался золотой нитью. Листья переливались множеством оттенков зелёного. Дома, утопали в цветах. Вдалеке слышалось журчание воды, и птицы пели так мелодично, что невольно хочется замереть на время, и просто стоять прислушиваться, чувствовать Мир, да саму Жизнь.

Алания на секунду зажмурилась, пытаясь справиться с внезапным ощущением, которое снова её настигло. Этот мир был таким прекрасным, таким настоящим. Он словно врывался в неё, стирает привычную жёсткость Энкары, и от этого становилось немного страшно, будто красота тоже могла ранить.

Она сжала пальцы в кулак, чтобы вернуться к себе, как делала это обычно когда начинала нервничать, и сделала шаг по мягкой тропе, ведущей к дому Сэма.

Дом Сэма стоял чуть в стороне от дороги, окружённый невысокими деревьями с широкими листьями. Как Алании нравилась живописность этого Мира.

Она постучала, и Сэм открыл дверь практически сразу.

Он был одет в просторную светлую рубашку с закатанными рукавами. Его лицо озарилось улыбкой, и прежде чем Алания успела что-то сказать, он крепко обнял её, с той же теплотой, что и в их прежней жизни, будто хотел показать, что даже в новом мире между ними ничего не изменилось.

– Алань! – Сэм произнёс её имя с такой лёгкостью и радостью, что у неё внутри упал один кусочек утреннего напряжения. – Ты не поверишь, но я только что хотел идти к тебе, чтобы позвать тебя выпить кофе и прогуляться. Заходи скорее.

Она зашла в дом и остановилась, до сих пор для неё было большим удивлением, какие же дома в этом Мире. Пространство дома Сэма было простое, но наполненное теплом. Светлые стены, широкие окна, мягкий запах дерева и трав.

– Ну что, пойдём, покажу тебе всё? – Сэм смотрел на Аланию, в его голосе звучало такое воодушевление, что Алания ещё больше позволила себе расслабиться и выдохнуть..

Они начали обходить комнаты. Сэм рассказывал, показывал каждую мелочь: спальню с большим окном, из которого виднелась опушка леса, но она была чуть строже, чем у неё дома. Кухня с чистыми ровными линиями и уютным столом. Небольшая комната, где Сэм решил обустроить себе мастерскую. Алания слушала и замечала для себя, как он здесь словно сразу «врос» в пространство, как будто дом подстроился под него, а Сэм в свой дом.

В какой-то момент они остановились у гостиной, и Сэм,

немного смущённо почесав затылок, добавил:

– Знаешь, Алань... мне хоть и безумно нравится в этом Мире, но здесь всё кажется слишком правильным. Даже непривычно, что ничего не надо чинить или переделывать. Нет, я ничего не имею против, я в восторге от того куда мы попали, и как ты так удачно увидела Границу именно этого Мира... Но мне действительно непривычно.

Алания усмехнулась уголком губ. – Непривычно, это мягко сказано.

Сэм рассмеялся, будто хотел разрядить напряжение, и махнул в сторону кухни:

– Пойдём, Алань, не напрягайся, всё будет хорошо, я в этом уверен! У меня есть кофе, и даже бутерброды, они какие-то удивительные, я не ел ещё никогда такой вкусной “намазки”, вот правда, даже не знаю как это назвать то можно. А колбаса знаешь какая тут вкусная. И масло, и помидоры. Алания, вот правда, мы словно в рай попали!

Алания засмеялась от искренних эмоций своего сердечного, такого близкого друга. – Сэм, тебе дай только вкусной еды, и ты уже готов на всё. Я помню твой восторг от вчерашнего ужина у того милого хозяина пекарни и кафе.

– Оо, а ведь да, Аланушка, давай сегодня тоже к нему зайдём, а?

Сэм так мило состроил гримасу с такими просящими глазами, что Алания забыла уже про все свои страхи и напряжение, начала хохотать очень звонко.

Они сели за небольшой стол на кухне, тут было так уютно, смешение ароматов тёплого хлеба и горьковатого кофе, придавало этому пространству какую-то особенную атмосферу. Алания сделала глоток и поймала себя на мысли. – Как странно, знаешь, тут простые вещи, которые в Энкаре казались привычными, здесь ощущались почти как праздник. – проговорила она вслух свою мысль, вроде как говорила Сэму, а вроде как и себе где-то внутри.

– А знаешь, Алань, – начал Сэм, откусывая бутерброд, – я всё думаю, заметили ли наши родители, что мы исчезли? Или они просто решили, что это ещё один наш побег, как раньше?

Алания задержала взгляд на чашке.

– Думаю, заметили... Но там другие правила, ты же знаешь сам. В Энкаре любой шаг в сторону уже преступление. Может, они наоборот и рады, что избавились, и что такие как мы с тобой, Нестандарты, наконец не будем больше доставлять им проблем.

Сэм покачал головой.

– Не верю. Они хоть и были жесткими, но... всё равно ведь родные.

Она усмехнулась криво, но ничего не ответила. Между ними повисла тишина, в которой слышался только стук ложки о фарфор.

Потом разговор пошёл легче, они сравнивали Энкару и Люмирию, обсуждали, что здесь воздух чище и сама земля

мягче под ногами. Несмотря на то, что Энкара – это Мир вылизанных правил и стандартов, а Люмирия – это Мир свободного проявления, но Люмирия была естественно живая, а Энкара – искусственно мёртвый Мир, как внешне, так и внутренне. Так он ощущался.

Ещё они вспоминали остальных переселенцев, кто как держался в лесу, кто как смотрел на Аланию, когда она шла впереди.

– Было бы здорово снова увидеть всех, – заметил Сэм. – Надо будет узнать, как они обживаются.

Прошёл почти час, в дверь постучали, и Сэм сразу поднялся, чтобы открыть дверь. На пороге стоял молодой парень, светловолосый, с дружелюбной улыбкой, будто рад был встреч и они были давно знакомы.

– Доброе утро! – сказал он бодро. – Главный ждёт всех вас у себя в приёмной. Сегодня он хочет рассказать вам о Люмирии подробнее. О том, как устроена жизнь здесь, какие есть возможности, какие правила. Чтобы вы чувствовали себя свободнее и увереннее.

Алания невольно вздрогнула, услышав это. Сердце как-то странно начало стучать в груди, а по спине пробежали мурашки. От одной мысли, что снова увидит Таймураза, дыхание сбилось, хоть они и виделись сегодня утром у неё дома, но само воспоминание о том, какой была их встреча, заставляла чувствовать её не очень комфортно. Но, вместе с этим

внутри поднялся холодок, ведь «правила» звучало слишком для неё напряжённо. Она сама не знала, что страшнее, то, что придётся услышать о новом Мире, или то, что снова окажется напротив этого мужчины и его невыносимо глубокого наблюдательного взгляда.

– Хорошо, мы уже готовы. – сказал сразу Сэм. – Да, Алания, ты же готова? Или тебе нужно зайти в свой дом?

– Нет, нет, я абсолютно готова, пошли. – согласилась Алания. – вы же нас проведёте, а то мы не знаем куда идти.

Парень улыбнулся по-доброму, – да, да, конечно, я потому и пришёл вас позвать. Пойдёмте.

Он повёл их по улицам Люмирии. Дорога была не длинной (оказывается они нашли себе дома прямо в самом центре города), но каждая деталь вокруг невольно притягивала взгляд, красивые линии зданий, все такие разные, словно каждую деталь создавал настоящий скульптор творец, живые изгибы мостовых, мягкий свет, словно исходящий от самого воздуха. Алания то и дело ловила себя на том, что хочет остановиться и рассмотреть всё подробнее, но шаги проводника были лёгкими и уверенными, и она с Сэмом поспешили за ним.

Здание, куда их привели, выделялось особенной строгостью. Никакой вычурности, только чистые линии и свет. Когда они вошли внутрь, пространство встретило их тишиной и строгой гармонией. Тут даже как будто хотелось говорить тише, чтобы зданием не отозвалось эхом.

Сама приёмная Таймураза была словно отражением его самого. Высокие окна во всю стену открывали вид на лианы, они сплетались в очень в плотный, но прозрачный узор, потому что защищали от посторонних глаз, но при этом пропускали свет, который мягко ложился на стены. На одной стороне зала висели голографические панели, какие-то светящиеся знаки, что сменяли друг друга плавно. Недалеко от окна стоял только стол и кресло, и больше ничего лишнего.

Для гостей уже были приготовлены стулья. На первый взгляд простые, но стоило опуститься на них, как они подстраивались под тело, становились невесомыми, будто держали человека в мягком облаке.

Алания и Сэм вошли последними. Их уже ждала вся группа. Люди оживлённо переговаривались, кто-то делился первыми впечатлениями, кто-то благодарил судьбу за то, что оказался здесь. Когда они заметили Аланию, многие улыбнулись и поднялись навстречу.

– Спасибо тебе, – сказал один из мужчин, который в лесу сомневался сильнее всех, – за то, что решилась тогда. Без тебя мы бы никогда сюда не попали. И извиняюсь, что не до конца верил.

Алания растерянно улыбнулась, едва кивнула. Ей было трудно принять благодарность, она и сама до конца не понимала, правильно ли поступала тогда, когда решилась на побег, ещё и людям не отказала присоединиться к ней. Но в глазах людей было столько облегчения и тепла, что спорить

с этим было невозможно.

Особенно выделялась Таша, девушка, с которой у них с Аланией установилась какая-то особенно тёплая связь в лесу. Она подошла к Алании почти робко, и её глаза блестели от смущения.

– Прости меня, Алания, – тихо произнесла она. – В лесу я сомневалась в тебе. Я... я просто боялась. А ты повела нас туда, куда нужно. Мне так стыдно.

Алания улыбнулась шире, легко обняла Ташу за плечи.

– Всё хорошо, правда, поверь. Я ведь и сама не знала, куда мы идём и чем всё обернётся для нас. Я даже не знала наверняка, правда ли существует Другой Мир, а представь, если бы его не было, или если бы нас поймали. Так что, тебе нечего извиняться. Мы все шли вслепую, и это нормально бояться.

Таша незаметно смахнула слёзы, но засмеялась, и напряжение будто растворилось. Алания чувствовала, что и Ташу захлёстывают чувства, как и её, но у Таши ощущались чувства не такие тяжёлые, скорее наоборот, она будто не могла прожить в себе смесь восторга, непонятного смущения за свои сомнения, и очень тёплой боли, что ей наконец-то больше не нужно бояться за жизнь свою, и тем более своего сына.

В воздухе повисло ощущение, что группа становится чем-то большим, чем просто случайные люди, теперь они были связаны общим шагом в новый Мир.

В этот момент дверь приёмной открылась мягко, и пер-

вым вошёл Алистар. Его фигура сразу наполнила зал особым ощущением, никак не давлением, и не властью, но какой-то осязаемой тишиной и глубиной. Он скользнул взглядом по каждому, задерживаясь ненадолго, словно читал их изнутри.

– Добро пожаловать, – произнёс он ровным, спокойным голосом. – Вы сделали трудный шаг, и теперь ваша жизнь начнётся заново. Здесь, в Люмирии, вам будет непросто, но в другом смысле... Непросто учиться жить без страха.

Я Алистар. Помощник Создателя. Я Провидец. Если когда-нибудь вы запутаетесь или не сможете выбрать путь, приходите ко мне. Иногда достаточно лишь увидеть одну из нитей судьбы, чтобы понять, куда идти.

Он говорил негромко, но каждое слово будто падало глубоко внутрь, оставляя след в каждом из этих людей.

Когда его взгляд коснулся Алании, она едва заметно вздрогнула. Его глаза не были похожи на глаза обычного человека, в них было небо и ночь одновременно, и что-то ещё, что поднимало странную волнительную тревогу и странное признание. Алистар понял. Он увидел в ней больше, чем сам Таймураз готов был признать, и как он и говорил Создателю, именно эта девушка принесла перемены. Своим решительным и смелым переходом из их Мира она не только привела людей в новый Мир, но и начала менять самого Создателя, заставив его отступить от собственных правил. А значит, изменила и Люмирию. Уголок его губ дрогнул, но он ничего

не сказал.

Тишину прервал новый звук, и дверь снова открылась, в приёмную вошёл уже Таймураз. Его шаги были бесшумными, но сама атмосфера будто сразу изменилась, воздух стал значительно плотнее, все невольно повернулись в его сторону, и смотрели словно замороженные. Он приветствовал всех лёгким кивком, прошёл к столу, но не сел, а остался стоять, высокий и собранный, а по другую сторону стола стоял Алистар, его тень и отражение.

– Присаживайтесь, – голос Таймураза был глубоким и спокойным, но в нём звучала та сила, что не позволяла слушаться.

Люди заняли места.

Первым снова заговорил Алистар:

– Думаю, вы уже поняли, что попали в особенный Мир. Люмирия не такая жестокая, как ваш прежний дом. Здесь вам нечего бояться...

И именно на этих словах Таймураз перевёл взгляд на Аланию. Их глаза встретились, и в этот миг внутри неё, будто насквозь через неё прошла молния. Сердце сжалось, дыхание перехватило, словно его серебристые глаза проникли в самую глубину. Сэм, сидевший рядом, заметил это и нахмурился сначала, а потом вдруг чуть улыбнулся, и впервые за долгое время он почувствовал спокойствие за свою подругу, уж с таким-то человеком Алании придётся отпустить свою настороженность, воинственность, строгость и напряжение.

Сэм точно знал, что Алании это будет нелегко, но он так же и знал, что Таймураз выдержит ломку её подруги. “Ох не просто будет ни ей, ни ему, ох... не просто...” – подумал он и снова повернулся, продолжая слушать Главных.

А рядом стоящий Алистар тоже не мог не заметить этого момента, и уловил больше, чем кто-либо другой. Связь между Создателем и этой девушкой только начинала рождаться. Но это была не просто симпатия или человеческое притяжение, эта связь чувствовалась древней, как сама основа Миров. Словно ткань и аура Мира Люмирии откликалась на их встречу, и этот отклик уже незримо менял всё, привычные законы, ходы и ценности, и даже самого Таймураза. Алистар видел это яснее, и точно, уже без сомнений понимал, он увидел её даже глубже, чем сам Создатель. Таймуразу придётся это признать... Признать то, что он не хочет пока признавать.

Алистар спокойно взглянул на Таймураза, хотел запечатлеть его таким в своей памяти – не просто Создателем, который был столько веков как скала, а теперь в нём эта скала не треснула, нет, а как будто начинает смягчаться.

Таймураз принял взгляд Алистара по-своему, что Провидец передаёт ему слово, и он принял его слово, чуть наклонив голову, обратился ко всем:

– Люмирия дружелюбна к каждому, кто приходит сюда. Но помните, этот Мир живой, он чувствует вас так же, как вы чувствуете его. Абсолютно каждого. И у него есть свои

законы, которые помогают сохранять равновесие.

Он сделал шаг вперёд, будто сокращая расстояние между собой и людьми, и продолжил уже более твёрдым голосом:

– Здесь нет ни тюрем, ни судов, ни нужды бороться за кусок хлеба. Но, есть ответственность каждого за то, что он вносит в общее Поле. Ваши мысли, поступки, выборы, решения – всё это отзывается в Люмирии, и влияет на общий фон Мира. Поэтому, вы должны понимать – жить здесь можно только в согласии с собой и с Миром.

– Но есть то, что вы должны понять сразу, – голос Таймураза стал твёрже, и в глазах мелькнул холодный свет. – Границы Миров не игрушка, пересекать их туда-сюда запрещено. Каждый раз, когда кто-то пытается это сделать без необходимости, без должного понимания как безопасно пересекать Границы Мира, Границы становятся тоньше. А тонкие границы – это всегда уязвимость. Их нужно беречь ради вашей же безопасности.

Он обвёл всех взглядом, задержавшись на лицах тех, кто выглядел особенно взволнованным.

– Второе. В Люмирии нет места жестокости, никаких драк, ни грабежей, ни нападений. Все недопонимания здесь решаются иначе – через открытый разговор. Если вы не находите общий язык сами, вы идёте к Старейшинам. Их задача не наказывать вас, а помочь понять друг друга и найти ту точку, где рождается согласие.

Слова его звучали спокойно, но за ними чувствовалась си-

ла, которая не подлежит оспариванию.

– Если же кто-то всё же переступает закон и не исправляется после первого раза... – он сделал короткую паузу, – такой человек покидает Люмирию. Я не провожу расследований, они не нужны. Думаю, вы все уже поняли, что Мир и Я едины. Через тонкое Поле я чувствую, кто нарушил. Ментально.

В зале повисла тишина, но в ней не было страха, лишь ощущение ясности и чёткой границы. А ещё от людей ощущалось такое неподдельное уважение, что и слов не нужно было.

– Именно поэтому мы делаем всё, чтобы вам не приходилось ни за что бороться. Чтобы вы жили спокойно, уверенно, чтобы у вас было всё необходимое. У каждого из вас есть и будет своя *Линия ресурса* – это энергетический счёт, на который вам зачислены средства для вашего старта в новом Мире. Вы можете использовать их для всего, что вам только нужно: одежда, еда, книги, инструменты. Пока вы не найдёте свой Путь и свою деятельность, Линия ресурса будет поддерживать вас.

Его голос смягчился:

– Дети же находятся под полным обеспечением Люмирии до совершеннолетия. Их время и развитие – это время познания себя, раскрытия таланта, поиска себя и своего места в жизни. Родители помогают, общество помогает, и Мир помогает. Когда ребёнок взрослеет, он сам выбирает свой путь

и становится частью нашего общего поля.

– Запомните, – произнёс Таймураз уже мягче, но так, что каждое слово словно впечатывалось в воздух, – в Люмирии никто не должен жить в страхе и нужде. Ваше дело раскрыть себя и найти то, ради чего стоит дышать, жить, развиваться. Всё остальное Мир всегда берёт на себя.

Эти слова упали в тишину, как искра в сухую траву. И в тот же миг напряжение, которое ещё держалось в зале с начала встречи, будто разом растворилось.

Люди переглянулись, кто-то облегчённо выдохнул. Молодая женщина с тёмной косой прижала ладонь к груди, готовая уже расплакаться от того, что не могла поверить в их удачу. Зрелый мужчина, хмурившийся всё время до этого, кивнул медленно, будто внутри него сдвинулся многолетний камень сомнения.

Сэм тихо улыбнулся, посмотрев на Аланию, и его глаза светились благодарностью, не только Таймуразу, но и ей, ведь именно она привела их сюда.

Алания же сидела с непроницаемым лицом, но внутри неё всё гудело. Слова о том, что никто не должен жить в страхе, коснулись самой глубины, того маленького внутреннего пространства, где хранились её собственные страхи и переживания, вовсе не за себя только, но за всех тех людей, с кем она близка. Она не позволила себе выдать этого открыто, но её кулаки расслабились впервые за долгое время, пальцы

разжались сами собой.

В зале витало странное чувство, какая-то смесь облегчения, веры и какой-то новой тишины, но это была уже не та гнетущая тишина Энкары, а прозрачная, как утренний воздух Люмирии.

– Есть ли у вас вопросы? – Таймураз обвёл взглядом зал. Его голос звучал спокойно, но твёрдо, оставляя ощущение, что на любой вопрос у него есть ответ.

Люди снова переглянулись, кто-то улыбнулся, кто-то сдержанно покачал головой.

– Всё ясно, – сказал один из мужчин. – Мы... мы даже не ожидали, что Мир может быть устроен так мудро, законы такие справедливые, границы в Море такие чёткие.

– Спасибо, – добавила женщина рядом. – Честно говоря, это больше, чем мы могли себе и представить.

Алания слышала, как из разных уголков доносились благодарности. У многих на лицах облегчение. “Они все этого заслужили” – смотря на каждого, и наблюдая их реакции.

Таймураз слегка кивнул и продолжил ещё около двадцати минут. Он рассказывал о том, где находятся жилые кварталы, какие места стоит посетить в первые дни, как можно найти наставников или Старейшин.

После этого Алистар достал небольшие серебристые карточки, каждая размером с ладонь, гладкая и чуть светящаяся изнутри.

– Это ваши **ключ-карты Линии ресурса**, – пояснил

он. – В них собраны все ваши данные, личный идентификатор, карта города и доступ к ресурсам. Карта живая, она будет меняться и подстраиваться под вас.

Люди приняли карты с удивлением и осторожностью, словно это было что-то большее, чем просто предмет. И правда, карты откликались сразу лёгким теплом на прикосновение, будто узнавали нового владельца.

Когда все получили свои карты, люди снова поблагодарили Таймураза и Алистара, а затем стали расходиться, переговариваясь между собой. Впервые за долгое время в их голосах звучала не тревога, а оживление.

Сэм и Алания задержались, пропуская остальных.

– Алания, – вдруг обратился к ней Алистар. Его голос был мягким, но в нём чувствовалась необычная серьёзность. – Благодарю тебя. Ты не просто открыла Переход... Ты принесла перемены. Ты ещё сама не понимаешь, какие.

Она замерла. Щёки вспыхнули, и она смутилась под его пристальным взглядом.

– Я... я просто сделала то, что хотела давно, – пробормотала она.

– Иногда именно такие шаги и меняют всё, – тихо сказал Алистар.

Алания не знала, что ответить, и лишь отвела глаза. Но, подняв голову снова, столкнулась со взглядом Таймураза. В этот раз серебро его глаз было спокойным, но в этой спокойности она уловила что-то слишком личное.

– Хорошего дня, Алания, – негромко сказал он.

Она кивнула, не найдя слов, и вместе с Сэмом вышла из приёмной.

Двери закрылись за ними мягким щелчком.

В тишине Алистар перевёл взгляд на Таймураза, и уголки его губ дрогнули.

– Знаешь, – сказал он почти с улыбкой, – выглядишь сейчас так, будто тебе не сотни лет, а двадцать, как мальчишка, которому впервые бросили вызов или впервые понравилась девушка.

Таймураз скрестил руки на груди, сузил глаза и сразу понял, что Алистар подшучивает над ним. На миг в груди шевельнулся смех, довольно непривычный для него, но удивительно живой внутри. Создатель редко позволял себе такие чувства, но сейчас холод веков внутри действительно начал таять, и в этом тепле было её имя. Алания.

– Возможно, – произнёс он негромко. – И, пожалуй... мне это начинает нравиться, признаю.

Алистар вскинул бровь и хмыкнул.

– Вот видишь, Таму. Даже скалы умеют трескаться. Главное, чтобы из трещин пробивался свет, а не каменная пыль.

Таймураз покосился на него чуть строже, но уголки губ всё равно дрогнули.

– Осторожнее, мой друг Провидец. У тебя слишком острые мысли для того, кто называет себя моей «правой рукой».

– А что поделать, – Алистар слегка развёл руками, глаза

его блеснули иронично. – Если уж я вижу дальше, чем другие, то имею право иногда и сказать то, что другие не решатся.

На этот раз Таймураз позволил себе едва заметный смешок. И впервые за долгое время это был не смех из вежливости, а настоящий.

Глава 11

#####

Путь к себе настоящей начинается с платья, которое не сковывает, и заканчивается близким дыханием, которое находит тебя в самой глубине паники.

#####

Город принимал их мягко, как вода принимает, когда идёшь аккуратно в тихой реке, без сопротивления, но ощущаешь. Улицы были живые, будто их строили не только руками, но и дыханием, в линиях фасадов угадывалась музыка, мостовые пружинили, а своды арок ловили свет и отдавали его тонкими бликами на лица прохожих. В витринах отображалась не ярмарка изобилия, а уверенность, что в этом Мире «всё необходимое есть». Воздух пах выпечкой, травами и чем-то медовым, тёплым, как чужое плечо, на которое можно опереться.

Сэм шёл рядом, оглядывался, улыбался людям, которые отвечали так, будто знали их сто лет.

– Никогда бы не подумал, что можно просто идти и не считать опасные углы, – сказал он негромко.

– Привыкай, – хмыкнула Алания, – хотя мне кажется, ты уже привык.

Они петляли по кварталам, запоминая короткие переходы и ориентиры, высокую кроно-башню, где листья шептались как флаги; тихий двор с красивым фонтаном, на который падал круглый дневной свет; улицу резчиков, где запах масла и дерева смешивался со смехом. Уже в полдень голод подсказал направление сам собой, к пекарне Руана. Они не сговариваясь поняли друг друга, и напрямую направились туда.

Дверь звякнула, и их встретил хоровод ароматов – тёплый хлеб, корица, печёные яблоки, цитрус. За стойкой, как дирижёр, уже хлопотал Руан.

– Вот и мои путешественники, – расплылся он в улыбке. – Думал, к часу придёте.

– Вы нас ждали? – удивился Сэм.

– Я всегда жду тех, кому вкус нужен не меньше, чем покой, – подмигнул Руан. – А сегодня точно знал, что вы заглянете. Первый день он такой, требует хлеба, вкусных домашних блюд и человеческого смеха с теплом.

Он повёл их к столу... не к окну, как вчера, а почти в центр зала. Алания инстинктивно замедлилась. В центре чувствовалось слишком открыто, как на ладони и у всех на виду. Внутри неё поднялась старой волной настороженность, старая добрая привычка – к стене спиной, к проходу лицом и в три шага.

Руан уловил это состояние Алании, и почти не глядя положил ладонь на спинку ближайшего стула, сместил его на полшага, так чтобы линия столов выстроилась как невиди-

мый щит.

– Вот так, – мягко сказал он. – Центр ведь не всегда про уязвимость. Иногда он про точку равновесия. Если станет не по себе, ты мне сразу скажи, и всё переставим. Хорошо, милая?

Она кивнула. Напряжение не ушло совсем, но стало потише.

На стол он начал расставлять простые, но такие аппетитные блюда – корзина ещё тёплого хлеба, масло, травяной соус с орехами и лимоном, маринованные оливки, тонко нарезанный сыр, салат из помидоров, которые пахли солнцем, какой-то сливочный крем суп как само солнце, и сочная курочка запечённая с приправами. Сэм присвистнул, но честно попытался сделать вид, что он взрослый серьёзный мужчина.

Именно в этот момент дверь распахнулась, и в зал ворвалось лето – смех, солнечный отблеск на волосах, лёгкая поступь.

– Дядюшка! – звонко сказала она, и Руан будто помолодел на десять лет в одно мгновение.

– Ох ты ж искра моя, – притворно нахмурился он, открывая объятия. – Считал дни, пока не зайдёшь!

– А я часы, – она уткнулась ему в плечо, потом глянула вокруг, заметила Аланию и Сэма, и улыбнулась так, что у Сэма из головы вылетели все слова.

– Мариэль, – представил Руан, – моя племянница.

– А, это те самые смельчаки, – Мариэль шагнула ближе, и

зелёные глаза её сами собой вспыхнули золотистыми искрами, – которые взяли и перешли Границу без спроса? Такая решительность достойна уважения.

– Мы... – начал Сэм и застыл, как перед прыжком в воду.

– Мы просто очень устали от того, что не живём, – спокойно сказала Алания.

– Самая честная причина, – кивнула Мариэль. Внутри что-то щёлкнуло, ведь это были правильные слова, те, что ложатся в ткань мира без искажений. – Можно к вам? Я умею есть хлеб прилично, почти без крошек. – пошутила Мариэль, чтобы разрядить обстановку в возникшей неловкости.

– Садись, – опередила Сэма Алания, и это вышло так уверенно, что Сэм, краснея, только кивнул. Руан на секунду примерил на Сэма взгляд «строгого дядюшки», но строгости в нём было не больше, чем перца на краю тарелки – ровно достаточно, чтобы почувствовали, что племянницу он любит, а значит, смотрит.

Разговор пошёл легко, будто сам воздух в пекарне стал чище. Мариэль смеялась звонко и светло, и её слова ложились в пространство как лёгкие искры. Она рассказывала, как город «дышит маршрутами», если прислушаться, он сам ведёт туда, где нужно оказаться. Ещё как дети выбирают себе наставников, как в Люмирии празднуют День Переплётов, когда люди приносят истории и вплетают их в общую ткань мира.

Сэм слушал с таким восторгом, словно перед ним распа-

живали тайную дверь. Он улыбался, засыпал её вопросами, иногда совсем не к месту, но в них было столько искренности, что все только радовались. Алания наблюдала и думала, что рядом с этой девушкой воздух делается не пустым, а прозрачным и ясным. Это было очень непривычно и странно приятно.

– А что у вас с гардеробом? – вдруг спросила Мариэль и посмотрела прямо на Аланию, будто увидела её глубже, чем хотелось бы показывать.

– Базовые вещи, – ответила та и невольно усмехнулась. – Чтобы выжить.

– Чтобы жить, – мягко поправила Мариэль. – Но в Люмирии от «минимума» легко устать. Девушка твоей силы не должна прятаться в простых минимальных вещах. Пойдём после обеда подберём пару вещей, чтобы мир видел тебя настоящей.

Сэм кашлянул, заметно смутившись.

– А я... наверное, наведу порядок дома. Вчера не успел. И... ну... – он бросил короткий взгляд на Мариэль, и Алания уловила, как его лицо вспыхнуло красным цветом.

– Дом – это важно, – серьёзно кивнула она и улыбнулась ему так, что он потерял равновесие. – А завтра я устрою вам экскурсию по лучшим местам кофе. Приму возражения только письменно.

Они ели, смеялись, пробовали хлеб и масло, словно учились радоваться простым вещам заново. В какой-то момент

Алания поймала себя на том, что сидит почти в самом центре зала... и дышит. Напряжение всё ещё жило в плечах, но оно больше не владело ею. Тёплый круг людей и обед сделал то, что и обещал Руан, превратил центр не в уязвимость, а в равновесие.

Когда обед подошёл к концу, Руан привычно собрал тарелки. В его движениях было столько неспешной заботы, что сам процесс казался маленьким ритуалом. Он наклонился к Алании:

– Тебе идёт этот свет в глазах. Оставь его. Всё остальное подтянется.

Она только кивнула. Ответы приходили позже словами. Сейчас достаточно было кивка.

Мариэль тепло обняла дядюшку, и в её голосе, в лёгком блеске глаз, чувствовалась такая нежность, что Алания на секунду застыла, удивившись: вот оно, простое, но настоящее родство. Руан сделал вид, что ворчит, но отцовское тепло сквозило в каждом его взгляде.

Когда они вышли на улицу, воздух встретил их мягким теплом, день только набирал силу, и Алания вдруг поймала себя на мысли, что город будто зовёт их дальше.

– Ну что, пойдём? – улыбнулась Мариэль. – Я обещала показать, что Люмирия умеет играть красками.

Они заходили в магазинчики один за другим. Витрины сияли лёгкими платьями, строгими плащами, тканями, которые струились сквозь пальцы. Алания сначала чувствовала

себя неловко, поэтому брала вещи осторожно, словно боялась испортить.

– Здесь ткань ждёт твоего прикосновения, Алания, – тихо сказала Мариэль. – Она оживает только тогда, когда чувствует, что её выбрали.

Алания кивнула и решилась примерить лёгкое голубое платье с серебристым поясом. В зеркале её глаза вдруг засветились мягче.

– Странно... – прошептала она. – Как будто я никогда не носила ничего «для себя». Всегда только то, что нужно, чтобы выжить.

– Значит, сейчас и начнёшь, – мягко ответила Мариэль.

Они смеялись, перебирали серьги, шарфы, кружева. С каждой новой вещью Алания ощущала, как в ней самой что-то откликается, будто маленькие лампадки зажигались внутри, высвечивая её изнутри.

Вдруг Мариэль протянула ей платье, которое висело чуть в стороне, будто дожидалось этого момента.

– Вот это. – Простое на вид, ровный силуэт до колена, тонкие лямки, открытая спина, чистая линия плеч. – Ничего лишнего. Оно не «делает» из тебя женщину, но оно не мешает тебе ей быть.

Алания коснулась ткани, она ощущалась как прохладный ручей. Цвет был особым, не яркость и не пастель, глубокий, как лунная ночь у воды – сине-графитовый с тёплым отли-

ВОМ.

– Это... слишком, – автоматически сказала она.

– Это – ровно ты, когда перестаёшь себя сдерживать, – мягко возразила Мариэль. – Возьми. Даже если наденешь не сегодня.

Алания прижала платье к себе, и на миг ей показалось, что оно словно вплелось в её дыхание.

В соседнем магазинчике с украшениями Алания остановилась у прилавка с браслетами. Пальцы дрожали, но не от страха – от нового, странного интереса. Она выбрала тонкий браслет из светлого металла с бирюзовыми вкраплениями и такое же простое ожерелье. Украшения смотрелись не броско, но удивительно естественно, словно нашли именно её.

Рядом Мариэль примеряла кольцо, которое буквально сияло у неё в ладони.

Кольцо будто ответило тихим звоном, и камень засиял мягким золотым светом, вплетаясь в её собственное поле.

Алания посмотрела:

– Красивое. Ты возьмёшь его?

– Не я его беру, – Мариэль сжала кольцо в ладони. – Оно само выбрало меня.

Когда они вышли из магазина, мостовую заливал мягкий золотой свет.

Алания несла в руках красивые пакеты с одеждой, её особенным платьем и украшениями, странное было ощущение, но ей показалось, что она чувствовала... облегчение? Нет,

больше. Она чувствовала себя женщиной. Не бойцом, не выжившей, а женщиной.

– Спасибо, – тихо сказала она. – Я давно не ощущала себя так. Может быть, даже никогда. В Энкаре такие вещи были только для «Стандартных».

Мариэль улыбнулась, обняла её по-дружески и уверенно сказала:

– Это только начало. Люмирия открывается тем, кто готов дышать. А ты уже готова, Алания.

В этом объятии было что-то большее, чем просто теплая поддержка. Алания впервые за долгое время ощутила, что рядом может быть кто-то, кто видит её не как воительницу, не как проводника, а просто как женщину, которой можно быть.

– Если станет тяжело, не геройствуй, пожалуйста, одна. В Люмирии помощь не долг, а дыхание. Хорошо? – как-то пристально, но тепло посмотрела Мариэль на Аланию.

– Хорошо, – сказала Алания. И почти поверила, что сможет так.

Они пошли дальше, каждая к своему дому. Но в сердце Алании впервые за многие годы тихо звучало «Я Живу».

Перед домом Алания решила ещё немного прогуляться сама. Ей хотелось чуть больше почувствовать этот Мир, без компании, одной. «Возможно, мне просто нужно привыкнуть, что теперь можно спокойно... жить, дышать, вот так гулять, без оглядок, просто и неспешно» – подумала она, и

пошла дальше по дорожке, решила не уходить далеко, чтобы не долго было возвращаться.

Когда Алания почувствовала, что уже нагулялась и надыхалась Люмирией, вечер пришёл незаметно, словно кто-то приглушил свет рукой.

Дом встретил тишиной, той самой, прозрачной, как утро. Алания сложила покупки, прошла по комнатам, зажгла мягкий свет у окна, налила в стакан воды. Несколько глубоких вдохов. Плечи поднялись, опали. Всё спокойно. Всё... спокойно.

Тишина словно погустела, когда она подумала о том, что впереди вечер, и она одна в тишине своего дома. На улице как-то было легче.

В её голове тут же вспыхнули образы, короткие, острые, как лезвия – голос Хозяина из Энкары, щелчок замка, тень в дверях. Контраст с сегодняшним днём оказался слишком резким, похоже на то, как если после солнца шагнуть в ледяную воду. Сердце тут же сбилось с ритма, в пальцах появилась дрожь. Она присела на край дивана, попыталась сосчитать вдохи. На «четыре» воздух стал вязким, как сироп. На «восемь» он совсем исчез, запертый где-то в сжавшихся легких.

Паника накрыла без предупреждения. Она знала этот вихрь, настоящее цунами, когда тело моментально сворачивается в клубок, горло перекрывает невидимая рука, а в голове – только пронзительный звон. Алания сжалась, вцепи-

лась пальцами в ткань дивана, прижала лоб к коленям. *«Дыши. Просто дыши»*. Но воздуха не было. Пространство съёжилось до одной точки, и в этой точке были старые крики и запах страха.

Её ладонь нашла край подушки, опору, как прошлой ночью каменный пол. Но на этот раз опоры оказалось мало. Внутри поднялась волна, та самая, которую один человек не удержит.

И прежде чем она успела сорваться в пропасть, пространство тихо *сдвинулось* – не звук двери, не шаги, а как вода, когда в неё входит кто-то сильный и неотвратимый. Тёплая тень просто вдруг появилась рядом, и дом отозвался узнавшим теплом, выдохнув с облегчением.

– Я здесь, – сказал голос. Он был низким и ровным, и она почувствовала его, не ушами услышала, а каждой клеткой, как вибрацию, идущую от самого пола. – Алания, слышишь меня? Ты не одна.

Таймураз не прикасался к ней. Просто сел на пол у дивана, подстроив своё дыхание под её сбитый, частый ритм. И начал дышать медленно, глубоко, с неумолимой уверенностью прилива. Ровно. Спокойно. Внятно. И потоки воздуха, казалось, снова нашли дорогу, повинувшись этой силе.

Алания не подняла головы, но где-то в самой глубине себя, там, где страх ломается о безмолвное присутствие, в голове щёлкнуло: *Он здесь. По-настоящему. Этот вечер будет легче.*

Таймураз положил ладонь на диван рядом с её рукой, не на неё, а так близко, что она чувствовала исходящее от него тепло. Он давал ей выбор.

– Дышим вместе, Алания, тихо. На четыре. На восемь. Я не уйду. Твоя буря не унесёт меня. Я с тобой.

И мир, который весь день был светлым и лёгким, позволил ей снова начать с самого простого – вдох, выдох, рядом с тем, кто умеет держать равновесие для двоих.

Вечером, когда Люмирия тихо смещала тональность к ночи, Таймураз сидел в кабинете, привычно проводя вечернюю внутреннюю проверку. Границы ровные, потоки Люмирии чистые, общий фон стабильный. Он скользил вниманием по городу, как музыкант пальцами по струнам, и тут же одна нота отозвалась особенно отчётливо – тонкая, тянущаяся, тревожная, похожая на трещинку на идеальной поверхности. Нить вела к тому самому дому, где жила она, Алания.

Он не стал спорить с собой. Не стал откладывать «до утра» как в прошлый раз. Не стал убеждать себя, что «она справится». Не стал даже думать о том, что Создатель не должен вмешиваться. Перед ним была не просто какая-то жительница его Мира, а женщина, в чьих глазах он сегодня утром увидел проблеск света. И он не позволил тьме из её прошлого этот свет потушить.

«Сегодня. Я. Буду. Рядом с ней», – спокойно решил он и встал. Пространство сжалось, и он шагнул сквозь него, по-

завившись в её гостиной не из двери, а из самой ткани реальности.

– На четыре. На восемь, – его голос держал ритм, как маятник, отмеряющий путь назад, к жизни.

Он не торопил и не тянул её наружу. Он просто *был* – той самой мощной опорой, скалой, о которую разбивалась её волна страха. Он чувствовал, как густая, ядовитая паника отступает, вытесняемая его собственным, древним спокойствием. Сам воздух в комнате становился чище, прозрачнее, повинаясь его воле. Воле Создателя.

Когда её дыхание стало возвращаться, Таймураз осторожно положил ладонь ей на середину спины, там, где сходятся лопатки. Он не просто касался её, а становился *якорем*. Через точку контакта Таймураз передавал не тепло, а ощущение незыблемости, тяжести, которая приковывает к безопасному дну и не даёт утонуть. Ровно настолько, чтобы её тело вспомнило, что оно не в ловушке, а под защитой.

– Здесь. Алания, сейчас ты тут, со мной, – шепнул он, считая вместе с ней, вплетая её дыхание в ритм дыхания Люмирии.

Минуты растягивались, потом складывались обратно. Звон в её голове стихал. Плечи опускались. Слова уже были не нужны – только общий ритм. На очередном «восемь» её пальцы разжались, и Алания, не заметив, как, скользнула из сидячей позы в полудрёму. Она слишком устала, даже не от суеты внешней, а от своей собственной внутренней борьбы.

Но сейчас её дыхание стало глубже, ровнее. Тень тревоги отпустила.

Таймураз подождал ещё. Ровно столько, сколько нужно, чтобы сон её укрепился, а не сорвался снова в шторм. Ему даже не хотелось уходить, и он готов был ждать столько, сколько надо, будто час или век – для него не имело значения. Потом очень мягко приподнял её ноги, подложил подушку, расправил плед, укрывая плечи. Поставил на столик рядом стакан воды, свет в комнате убавил до тёплой кромки. На миг задержал взгляд на её лице, морщинка между бровей почти исчезла, ресницы дрогнули и затихли.

– Спи, – сказал он тише дыхания. – Я рядом. И буду, когда позовёшь.

Он посидел ещё немного в тишине, которая теперь была не пустотой, а покоем. Дом ответил ему тем же, он был узнающим, благодарным. Потом решил отправиться к себе, точно зная, что Алания уже не проснётся до самого утра. На пороге он оглянулся в последний раз, сон держался уверенно, ровными волнами. И только тогда вышел так, как приходит ветер – неожиданно появился и неожиданно растворился, позволив реальности сомкнуться позади него.

Снаружи ночь встретила его прозрачным мраком. Город дышал ровно. Где-то высоко звенели тонкие нити лиан, и Таймураз, идя сквозь этот мягкий звук, впервые за много веков позволил себе простую мысль, без расчёта и правил: *«Хорошо, что я пришёл сразу».*

А в доме на диване Алания спала спокойно. И снилось ей не прошлое, снился светлый воздух Люмирии, который больше не ранил, а укрывал, словно невидимые, но крепкие объятия.

Глава 12

#####

Настоящая близость рождается в смелости прикоснуться к чужой ране, увидев в ней не изъян, а силу. Ведь лишь тот, кто не отворачивается от твоей тьмы, заслуживает света твоей силы.

#####

Тишина в его доме и комнате была другой, чем в доме Алании. Здесь она была наполненной, звучной, как низкий гул самого его Мира Люмирии. Воздух, который для других был просто воздухом, для Таймураза был плотным полотном, сотканным из энергии, дыхания спящих душ, шепота лиан и мерцания звёзд, и тонких нитей самого Мира и Вселенной.

Он стоял у окна, не видя ночного пейзажа. Перед его внутренним взором стояла она. Алания.

Сначала он видел её такой, какой она была несколько часов назад, сжавшаяся в комок на диване, хрупкие плечи, напряжённая спина, взгляд, утонувший в бездне старого ужаса и своей панической атаке. Он чувствовал её панику не как эмоцию, а как физический вихрь, который в буквальном

смысле рвал ткань спокойствия его Мира. И в тот момент он хотел лишь одного – стать щитом между ней и всем злом, что когда-либо существовало в её жизни.

А потом... потом его память, против его воли, подсунула другой образ. Алания, выходящая из магазина, с пакетами в руках. Солнце золотило её волосы, и он поймал себя на мысли, что они вовсе не просто тёмно «каштановые», а цвета спелого каштана, с медными искрами, будто в них спрятались крошечные частицы самого света Люмирии, которые заплутали в этой густой шелковистой массе.

Ему вдруг с неожиданной, почти болезненной силой захотелось погрузить пальцы в гущу волос, чтобы почувствовать наяву это шелковистость, что мерещилась взгляду когда он на неё смотрел, и, поднеся ладонь к лицу, вдохнуть – остался ли в них аромат ветра дальних дорог, смешанный с тёплым, чистым запахом её кожи.

«Как два разных человека...», – прошептал он мысленно.

Его внутренний взгляд скользнул по её памяти, задерживаясь на деталях, которые он тогда отметил подсознательно, а теперь они всплывали с навязчивой чёткостью. Стройная, но не хрупкая шея, линия которой так и просилась, чтобы её коснулись губами, ощутив под собой трепетный пульс. Упрямый изгиб губ, который мог складываться в жёсткую складку недоверия, а мог – в ту самую редкую, растерянную улыбку, от которой у него, самого Создателя Мира, на мгновение перехватывало дыхание. Что скрывается за этой улыбкой? Ка-

ким на вкус может быть её смех?

И её фигура... Не из тех, что созданы лишь для украшения, а сильная, с рельефом мышц бойца, рассказывающим историю каждой схватки, и вдруг – таким неожиданно-нежным, по-девичьи мягким изгибом талии, который, казалось, был создан, чтобы его обнять, притянуть ближе и удержать против всех бурь. Это было сочетание, сводящее с ума... Несокрушимая сталь, завёрнутая в шёлк.

«Она – как граница сама по себе, – пронеслось у него в голове, и эта мысль зазвучала уже по-другому, лично, почти болезненно. – С одной стороны – привычная тьма борьбы, с другой – свет жизни, который её ослепляет и пугает. И она застряла посередине, разрываясь на части».

Её сила, её боевой дух – всё, что позволяло ей выживать в Энкаре, здесь становилось её тюрьмой. Инстинкты, некогда спасавшие, теперь терзали её изнутри. Мир предлагал ей покой, а её душа, не знавшая иной мелодии, требовала битвы.

«Как помочь? Как дать ей этот покой, не сломав? Не требуя отречься от той, кем она была? Как... прикоснуться к этой силе, не спугнув ту женщину, что начинает просыпаться внутри неё?»

Слово «прикоснуться» отозвалось в нём странным эхом где-то внутри, и жаркой волной, пробежавшей по коже. Он представил, как его пальцы касаются не её кожи сейчас, а той самой невидимой брони вокруг неё, ощущая её текстуру – колючую, острую, сотканную из страха. И ему захотелось не

сломать её, а медленно, терпеливо растопить этот ледяной панцирь своим теплом, чтобы под ним обнаружить ту самую Аланию, что несла сегодня себя по-новому – с сияющими глазами и робкой надеждой на новую жизнь.

И тут мысль возникла не как озарение, а как тихий, настойчивый щелчок, будто ключ, подобранный к сложному замку.

Защитница Границ.

Идея была столь очевидной и столь пугающей, что он физически ощутил её вес. Использовать её дар не для бегства, а для защиты. Дать её мечу ножны, её силе направление. Превратить её главную травму в её главную силу в этом мире. И впервые за долгие века он подумал не о благе Мира, а о её глазах, о том, как они могут загореться, когда она поймёт, что её проклятие – это на самом деле величайший дар.

Он закрыл глаза, примеряя эту мысль, и тут же увидел риски. Опасность. Страх, холодной змеёй сжавший его внутри. Не абстрактный страх за Границы, а липкий, человеческий, животный страх *за неё*. За ту, чьи волосы пахнут солнцем и медом, а губы обещают тайну, которую он отчаянно хочет разгадать.

– Боишься, – прозвучал в тишине спокойный голос.

Таймураз не вздрогнул, лишь тень от его ресниц дрогнула на скулах. Он обернулся.

В глубоком кресле, будто сидевший там всю вечность, расположился Алистар. В его позе не было ни капли надменно-

сти, только многовековая усталость и та ясность, что проходит насквозь.

– Я всегда боюсь за Люмирию, – отозвался Таймураз, отводя взгляд к спящему городу. Старая, как мир, уловка – спрятать личное за долгом.

– Не за Люмирию, – мягко, но неумолимо парировал Алистар. Он сделал паузу, давая словам просочиться в самую глубину. – Ты боишься за ту, что принесла в неё ветер перемен. Ветер, пахнувший пылью дорог другого мира и... чем-то ещё. Чем-то живым. Ты боишься, что твоё предложение станет для неё не исцелением, а новым полем боя. Боишься, что выпустив её на этот путь, ты можешь её потерять. Ещё до того, как успел обрести.

Таймураз резко повернулся. В его серебристых глазах вспыхнули искры – не гнева, а сначала удивления. Потом признания. Наверно даже больше самому себе.

– Ты как обычно уже всё знаешь, даже если я пока не озвучил? – Он посмотрел на Алистара, тот медленно кивнул, пристально смотря на Таймураза, и Таймураз продолжил. – Она ведь первая, Алистар. За все эти века... сквозь наши Границы прорывались с оружием в руках. Искали лазейки. Пытались магической силой взять то, что им не принадлежало. А она... – его голос дрогнул, сдавленный чем-то тёплым и тяжёлым. – Она просто *увидела* её. Увидела путь к спасению не только для себя. И повела за собой других. Не силой, а... доверием. Слепым, отчаянным доверием к чему-то, че-

го она даже не понимала. На что ещё такая девушка готова, чтобы помочь себе и другим? Чтобы решиться на то, на что она никогда не решалась?

Он провёл рукой по лицу, и в этом жесте была непривычная для Создателя усталость.

– В её глазах нет жадности. Только боль. И сила. И эта... чёрт возьми, эта упрямая надежда, которую не смогли погубить. И ты хочешь, чтобы я направил эту силу против тех же угроз, от которых она бежала?

– Я хочу, чтобы ты перестал видеть в ней жертву, – Алистар откинулся на спинку кресла, сложив пальцы. – Ты предлагаешь ей не вернуться на поле боя, пойми. Ты предлагаешь ей защищать свой новый дом. Ты даёшь её силе смысл и почву под ногами. Разве это не величайшее доверие, которое ты можешь ей оказать? Доверие не к её уязвимости, а к её мощи.

– Но она женщина, – тихо сказал Таймураз, и это прозвучало не как слабость, а как особая, щемящая нежность. – Среди наших воинов... её не поймут. Посчитают моей прихотью, игрушкой правителя.

Алистар рассмеялся. Тихий, бархатный смех, похожий на шелест старых страниц.

– О, Таму... Ты действительно смотришь на неё и не видишь? Она не игрушка. Она как клинок, который искал свои настоящие ножны. А что до того, что она женщина... – он усмехнулся, и в его глазах вспыхнули весёлые искры. – Мо-

жет, именно этого нашему сытому, спокойному и сбалансированному миру и не хватало? Нежной силы, дикой нежности, огня, который она принесла с собой? В ней живёт этот удивительный контраст – нестигаемый стебель, способный выдержать любую бурю, и в то же время хрупкость первого ландыша, только что пробудившегося к солнцу из-под прошлогодней листвы. В этом её суть, понимаешь? Посмотри на неё! Она не просила защиты. Она пришла и завоевала его, даже не зная об этом. Она изменила *тебя*. За несколько дней. Представь, что она сможет сделать с целым миром, если дать ей шанс.

Таймураз замер, пронзённый этой мыслью. Она не просила. Она завоевала. Тихо, неумышленно, просто... существуя.

– Я... я ловлю себя на мысли о ней, Алистар, – признался он, и это прозвучало как самое страшное и самое честное признание. – Не как Создатель о своём подопечном, о важном Жителе Люмирии. А как мужчина о женщине. О её глазах. О том, как она улыбается, когда думает, что на неё не смотрят. Это... неправильно. Опасно.

– Опасно? – Алистар поднял бровь. – Или это наконец-то... ЖИЗНЕННО? Ты столько веков был якорем для этого мира. Не пора ли и тебе позволить ветру наполнить твой паруса? Эта девушка не угроза твоему покою, Таму. Она настоящий Дар. Возможно, самый щедрый, что предлагало тебе само Мироздание. И боишься ты не за неё. Ты боишься того, что происходит с тобой, когда ты рядом с ней.

Боишься ожить.

Он помолчал, дав этим словам повиснуть в воздухе, таком густом от всего невысказанного.

– Страх плохой попутчик. А любовь... Любовь – это единственный компас, который никогда не врёт, даже если ведёт через тернии. Доверься ему, Создатель. Предложи. А там... посмотрим, куда заведёт вас обоих этот путь. Возможно, именно к тому, чего не хватало и тебе, и Люмирии все эти годы. Ну а я рядом, ты же знаешь это, дорогой Таймураз.

Таймураз смотрел в ночь. Город спал. Алания спала. А в нём самом бушевала тихая буря. Но сквозь неё пробивался луч ясности, жаркий и неотвратимый, как её взгляд. Алистар был прав. Он боялся не за Люмирию. Он боялся *за неё*. И именно этот страх был знаком того, что решение верное. Что это и есть его путь.

Он кивнул, больше себе, чем Алистару.

– Хорошо, – тихо сказал он. – Я предложу.

Алистар мягко улыбнулся, и в его улыбке была вся мудрость мира.

– Вот и славно. А теперь, мудрый Создатель, позволь дать тебе ещё один совет... Выпись хоть пару часов. Даже Создателям полезно иногда быть просто людьми. Им, как я полагаю, предстоит большая работа.

И прежде чем Таймураз успел что-то ответить, кресло опустело. В воздухе остался лишь лёгкий шлейф мудрости, полыни и тихого, почти отеческого одобрения.

Слова Алистара висели в воздухе ещё долго после его ухода. «Выспись хоть пару часов...» С ироничной улыбкой Таймураз последовал совету. Сон не пришёл, но несколько часов неподвижности в полумраке комнаты позволили хаосу в душе улечься, оставив после себя не покой, но ясное, холодное решение.

С первыми лучами солнца, едва они коснулись атмосферы Люмирии, он уже был на ногах. Ритуал утренней проверки был для него тем же, чем для и других чашка кофе с утра. Он стоял в центре своего кабинета, где стены растворялись, открывая панораму не города, но самой энергетической матрицы всего Мира Люмирии.

Его сознание скользило по невидимым нитям, связывающим всё воедино.

Границы все чистые и защищённые. Только на востоке, та самая, через которую она пришла. Она всё ещё вибрировала чуть заметнее других, будто эхо её шагов ещё пока не смолкло.

Общие потоки жизни. Он чувствовал сонное спокойствие жителей, ленивые мысли просыпающихся детей, сосредоточенность мастера, начинающего новый проект. Всё было ровно и гармонично, так как всегда. *«Так... Как всегда...»*. Интересная конечно мысль, подумал Главный. *«Может и правда пришло время изменений в Люмирии? И “так как всегда” должно тоже меняться?»*

Сердце Мира. Таймураз обследовал и его своим внима-

нием. Глубоко под землёй пульсировал ровный, тёплый свет – само ядро Люмирии. Его ритм был чуть учащён, будто в спокойную мелодию вплелась новая, живая и трепетная нота. Её нота. Это и понятно, новые Нити жизни, чуть чужие, но принимаемые Люмирией.

Именно тогда, закончив обход, он почувствовал не просто желание, а настоящую нужду пойти в пекарню Руана. Это не было логическим решением, которые обычно принимал Таймураз. Это был зов, исходящий из той же глубины, откуда он чувствовал биение Мира. Руан был другой опорой для него. Если Алистар видел Нити Судьбы и Переходов, жизненных Перекрёстков, то Руан чувствовал Душу. И сейчас Таймуразу была нужна не пророческая мудрость, а простое, человеческое понимание.

Пекарня встретила его тем же хороводом ароматов – тёплый хлеб, корица, специи, готовящиеся блюда для завтра для первых посетителей. Здесь пахло всегда жизнью в её самом простом и вкусном проявлении. Руан, вытирая руки о фартук, встретил Таймураза у стойки тем же спокойным, немного отеческим взглядом.

– Дорогой, Таму, – кивнул он. – Рано ты сегодня, очень рано. Не ложишься совсем? На кофе с корицей? С ним все утренние мысли яснее.

– Спасибо, Руан, – Таймураз опустил на стул у стойки напротив Руана, отказавшись от своего привычного уединённого столика. Ему нужно было это – близость, простота. –

Да, с корицей.

Он сделал глоток горячего напитка, давая молчанию повиснуть, прежде чем начать осторожно, будто прощупывая почву.

– Новоприбывшие наши гости... Алания. Как она тебе? – он старался, чтобы голос звучал нейтрально, но сам слышал в нём лёгкую хрипотцу.

Руан прислонился к стойке, его доброе лицо стало серьёзным.

– Девушка-загадка. С одной стороны – рана, глубокая, как пропасть. В глазах тень, знакомая тем, кто долго жил в страхе. Она до сих пор вздрагивает, когда дверь слишком громко хлопает, когда рядом кто-то очень резко создаёт движение. Сидит, выбирая место у стены, будто ждёт удара в спину.

Таймураз сжал кружку чуть сильнее.

– А с другой стороны? – спросил он аккуратно, хотя и знал, что Руан то уже всё понимал и так.

– А с другой... – Руан расплылся в тёплой улыбке. – Она как настоящий Огонёк. Яркий, такой живой. Когда она забывается, смеётся со своим другом, Сэмом... в её глазах столько, на самом деле, доброты. Она как тот самый хлеб, знаешь который долго месили в спешке. Сердцевина-то у неё добрая, воздушная, но сверху плотная, поджаристая корочка. Ей нужно время. И тепло, Таймураз. Много тепла. Чтобы эта корочка смягчилась, но не осыпалась, понимаешь? Ей нужно найти своё место. Своё дело. И в тоже время поддержи.

Чтобы её сила, её боевая жилка, нашла здесь применение, а не грызла её изнутри. Иначе... иначе наша тишина, и спокойствие Люмирии, баланс и гармония её сведёт с ума.

Таймураз смотрел на пар, поднимающийся от кофе. Слова Руана, простые и точные ложились поверх мыслей Алистара, завершая всю картину целиком. Они оба видели одно и то же. Он не ошибался.

– Да, – просто сказал Таймураз, поднимаясь. – Спасибо за кофе и... за совет, дорогой Руан.

– Всегда рад, Таму, ты ж знаешь, – Руан снова кивнул, и в его взгляде читалось полное понимание.

Таймураз вышел из пекарни, и утренний воздух показался ему особенно свежим после тёплой, наполненной ароматами атмосферы у Руана. Решение внутри него закалилось, как сталь. Теперь он знал, что делать.

День пролетел в привычном для него ритме. Совещание со Старейшинами, проверка энергетических узлов в квартале ремесленников, разрешение мелкого спора между двумя соседями из-за разросшейся живой изгороди. Но, сквозь все эти дела, как настойчивый низкий гул, звучал в нём предстоящий разговор. Он мысленно обдумывал слова, примерял интонации, то убеждая себя в правильности выбора, то снова натываясь на внутренние сомнения. Как же давно он уже не проживал сомнения. Всегда ведь знал чётко, что и как делать, какие решения принимать. А тут...

Ближе к вечеру, когда солнце уже клонилось к закату,

окрашивая улицы в золото, он шёл через центральную площадь и вдруг увидел её.

Алания стояла у прилавка с украшениями возле открытой двери лавки Мариэль, который она разворачивала на мягком шёлковом покрывале. В руках Алания держала тонкую серебряную цепочку с кулоном какой-то птицы, и солнечный луч поймал её, заставив сверкнуть. Она что-то говорила Мариэль, и на её лице была та самая, редкая и потому бесценная, расслабленная улыбка.

Таймураз замедлил шаг. Сердце сделало в груди один гулкий, тяжёлый удар. «Огонёк», – вспомнились ему слова Руана.

Он подошёл, и его тень упала на прилавок, Алания подняла взгляд, и улыбка на её лице не погасла, а лишь смягчилась, стала чуть более смущённой, но не испуганной.

– Великодушный Создатель, – кивнула Мариэль, её зелёные глаза лукаво блеснули, будто она читала в воздухе всю их историю. В её устах это прозвучало не как церемонный титул, а как тёплое, почти семейное признание. Уж он то знал Мариэль с самых пелёнок, и прекрасно сейчас чувствовал, что она над ним подтрунивает. О чём и сама Мариэль знает, что Таймураз всё прекрасно чувствует. Что и делает ещё более тёплым их негласное приветствие.

– Таймураз, – поправил он мягко, не отрывая взгляда от Алании. – Я не помешал?

– Нет, вовсе нет, – Алания опустила цепочку, и её пальцы

слегка дрогнули. – Мы просто... смотрели.

– Я вижу, – уголки его губ дрогнули. Он видел гораздо больше: как её поза стала увереннее, как в глазах появилось больше света. Этот Мир уже начинал делать свою работу. Он сделал паузу, давая мыслям пространство. – Алания... У меня к тебе есть дело. Несрочное, но важное. Можно я зайду к тебе сегодня вечером? Чтобы обсудить.

В её глазах мелькнуло любопытство, смешанное с лёгкой тревогой. Старая привычка ждать подвоха не оставляла её в покое.

– Конечно, – ответила она, и голос её прозвучал твёрже, чем можно было ожидать. – Я буду дома.

– Тогда до вечера, – кивнул он и, попрощавшись с Мариэль, двинулся дальше.

Он прошёл несколько шагов и обернулся. Алания снова смотрела на украшения, но улыбка уже не возвращалась на её лицо. Она была погружена в мысли, и он почувствовал лёгкое волнение, исходящее от неё, как тёплое излучение. Хорошо. Пусть готовится. Пусть думает. Это лучше, чем паника.

Остаток дня тянулся довольно медленно. Время, обычно подвластное его воле, сегодня будто нарочно растягивалось, заставляя его раз за разом прокручивать в голове предстоящий разговор. Он ловил себя на том, что его внимание, всегда равномерно распределённое по всему Миру, теперь снова и снова возвращалось к одному единственному дому в

этом городе, как стрелка компаса, нашедшая север.

Вечер опустился на Люмирию мягкий и тихий. Таймураз подошёл к её дому, ощущая странную смесь внутренней решимости и нервного ожидания, которого не знал веками.

Он постучал. Дверь открылась почти сразу, конечно она ждала его, ведь они договорились о встрече.

Алания стояла на пороге, в простых штанах и футболке, волосы были собраны в небрежный хвост... Но, она всё равно была прекрасна. В её глазах читался вопрос, смешанный с той самой тревогой, что он заметил днём.

– Проходи, – она отступила, пропуская его внутрь.

Он перешёл порог, и его снова удивил контраст между уютом этого дома и той внутренней бурей, что бушевала в его хозяйке. Только она могла создавать своим естественным пребыванием такое. В воздухе витал сладкий запах зажжённой свечи и полевых трав.

Они остановились в гостиной, разделённые в несколько шагов. Алания нервно теребила край футболки, всем видом показывая, что ждёт удара, пусть даже словесного. Ей всегда казалось, что она делает что-то не так, за что может получить наказание, пусть даже моральное.

– Алания, – начал Таймураз, и его голос прозвучал тише обычного, почти интимно в вечерней тишине. – То, что я скажу... это не приказ. Это скорее просьба. А может признание вместе с предложением тебе как от самого Создателя. – он очень по-доброму улыбнулся.

Она насторожилась, словно дикий зверь, учуявший незнакомый запах.

– Ты уникальна. Не только потому, что перешла Границу сама, а потому что, *увидела* её. Так, как не дано было никому за все века существования Люмирии. – Он сделал шаг навстречу, но не слишком навязчивый, давая ей пространство. – В Энкаре твой Дар, твоя настороженность, твоя привычка всегда быть начеку... всё это было оружием для выживания. Проклятием, которое не давало тебе расслабиться ни на миг.

Он видел, как сжимаются её кулаки, и поспешил дальше, к самому главному.

– Но здесь... здесь всё иначе. Здесь твой Дар может стать не оружием для борьбы, а щитом. Ты чувствуешь малейшие вибрации угрозы, верно? Видишь то, что скрыто от других. Именно такие люди нужны, чтобы охранять покой. Не слепые солдаты, а Видящие Защитники. Я предлагаю тебе не вернуться на поле боя. Я предлагаю тебе стать Хранительницей Границ Люмирии. Защитницей этого дома, который теперь и твой настоящий дом. Потому что, я верю, что именно для этого твоя сила и была дана тебе. Чтобы оберегать, а не выживать, понимаешь?

Таймураз замолчал, давая ей вдохнуть его слова. Алания смотрела на него, и в её глазах бушевала буря, он видел это. Недоверие, страх, проблеск надежды... И вдруг её лицо озарилось. Это была не просто улыбка, а настоящее сияние, сме-

тающее всю настороженность, всю боль.

– Ты... Ты правда так думаешь? – тихо сказала она, и голос её сорвался от нахлынувших эмоций. – Всю жизнь я боролась с этим... а это... это можно использовать *так*?

И тогда это случилось. Спонтанно, стремительно, без тени какого-либо кокетства. Она сделала несколько шагов и бросилась ему в объятия, обвив руками его шею и прижавшись щекой к его плечу. Это был жест колоссального, очень благодарного облегчения. Жест человека, которого наконец-то *увидели и поняли*.

Таймураз застыл. Века сдержанности и одиночества образовали вокруг него ледяной панцирь, и теперь он трещал, раскалываясь под натиском этого простого, человеческого тепла. Буквально один миг растерянности, и его руки сами нашли её спину, мягко, почти благоговейно прижав её к себе. Он почувствовал, как чуть-чуть дрожит её тело, но вдохнул запах её волос – солнце, трава и что-то неуловимо своё, Алании.

Он не знал, сколько это длилось, секунду или вечность. Она первая отпрянула, слегка смущённая, но сияющая. Щёки её горели румянцем.

– Прости... я не... – она запнулась, не в силах найти слов.

– Никогда не извиняйся за такую честность, – перебил он тихо, и его голос звучал непривычно хрипло. Он не отпустил её сразу, позволив ладоням медленно соскользнуть с её спины, как будто нехотя отпуская. – И... спасибо тебе.

Они стояли так ещё мгновение, в тишине, плотной от невысказанного. Потом он сделал шаг назад, к двери.

– Я... дам тебе время подумать, – сказал он, хотя в её сияющих глазах уже был ответ.

– Мне не нужно время, – выдохнула она. – Я согласна и я готова вступить на этот Путь.

На его лице появилась редкая, но по-настоящему счастливая улыбка.

– Тогда завтра я приду за тобой утром. Всё расскажу, покажу, и начну вводить тебя в курс дела. А потом уже познакомишься с командой.

Он вышел, оставив дверь приоткрытой, и растворился в сумраке. Алания ещё долго стояла на пороге, прижимая ладони к груди, потому что бешено стучало сердце. Она чувствовала на спине призрачное тепло его ладоней, а в носу стоял его запах – свежий, как ночной воздух после грозы, и тёплый, как старый лес.

И впервые мысль о том, что этот могущественный мужчина будет приходить снова и снова, не вызвала страха. Наоборот, от этой мысли по телу разливалось сладкое, тёплое предвкушение. Он видел в ней не проблему, а силу. И, возможно, нечто большее. И это Алании точно нравилось.